

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (78) — 2016

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва;
доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Тел./факс в Иванове: (4932) 32 74 52

E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2016
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2016

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (78) — 2016

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhny Novgorod State Research University,
Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
“Higher School of Economics”, Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kleitsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House “Ivanovo State University”

Tel./Fax: (4932) 32 74 52

E-mail: wins@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue “Press of RF” 41513

© “Woman in Russian society”, 2016
© Ivanovo State University, 2016

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

ББК 60.561.3

Т. Б. Рябова, О. Г. Овчарова

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В РОССИИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследуется проблемное поле современной отечественной гендерной политологии.

Рассматривается понятийный аппарат гендерной политологии, анализируется основной круг вопросов, на которых фокусируется внимание российских ученых, и дается оценка достижений и перспектив данной субдисциплины в России. К основному кругу исследуемых проблем авторы относят гендерную специфику политического участия в России и за рубежом, гендерные особенности российских политических процессов, женское движение и феминизм, гендер как культурный фактор влияния на российскую политику, гендерную асимметрию, гендерные аспекты мировой политики и национализма.

Ключевые слова: гендерная политология, гендерные исследования, политическая наука, российская наука.

T. B. Riabova, O. G. Ovcharova. Gender Studies in Russian Political Sciences: current status, problems and prospects

The paper examines the set of research problems in contemporary Russian Gender Studies in Political Sciences, the current status and perspectives of developing this research field in Russia.

The authors dwell upon gender methodology in Political Sciences and analyze main Russian scholars' research areas in the field: gender in political attitudes and behavior in Russia and abroad, gender in Russian political processes, woman movement and feminism, influence of gender on Russian politics, gender asymmetry, gender aspects of nationalism and geopolitics.

Key words: Gender Studies in Political Sciences, Gender Studies, Political Sciences, Russian humanities.

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 3–23

© Рябова Т. Б., Овчарова О. Г., 2016

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Овчарова Ольга Геннадьевна — доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств, г. Москва, Россия, Ovcharovao@ya.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Humanities, Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, Russia).

Гендерная политология — одна из самых молодых отраслей политической науки, и ее проблемное поле, понятийный аппарат и методология до сих пор являются предметом научных (а порой и идеологических) дискуссий. Как политика влияет на положение женщин в обществе, на социальные отношения между полами? Каковы характерные черты и основные этапы государственной политики в отношении женщин? Существуют ли особенности политического поведения мужчин и женщин? В чем заключается специфика женского и мужского политического лидерства? Какую роль гендерные представления играют в процессах политической мобилизации, легитимации и делегитимации власти, а также в политике идентичности? Каковы общие и особенные черты российского опыта участия женщин в политике по сравнению с зарубежным? Эти вопросы, основные для гендерной политологии, являются важными для политической науки *per se*. Кроме того, релевантными для политологии гендерные исследования становятся и потому, что пути решения государством проблем гендерного равенства, семьи, демографии влияют и на позиционирование страны в мире, выступая частью «мягкой силы» и тем самым фактором геополитического соперничества.

Предметная область гендерной политологии

Отвечая на вопрос о предмете изучения гендерной политологии, в первую очередь напомним, что в гендерных исследованиях для анализа всего спектра политических явлений используется теория социального пола. Если пол рассматривается как предписанный статус, данный человеку при рождении, то гендер связывается с влиянием культуры и социальных факторов, поэтому он определяется как статус достигаемый. Другим популярным определением различий пола и гендера стала интерпретация первого как феномена биологического, а второго — как социального конструкта. В последние годы в гендерной теории акцент делается на отношениях власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные отношения.

Для гендерной политологии особое значение имеет такое свойство пола, как его роль в отношениях власти/подчинения. Прежде всего это касается собственно социальных отношений между мужчинами и женщинами, для которых характерно привилегированное положение первых; данный социальный порядок обозначается термином «патриархат». Иерархическими являются отношения не только между мужским и женским полом, но и внутри каждого из них. Так, положение о гетерогенности (множественности, в терминологии Р. Коннелла) маскулинности предполагает учитывать при анализе политической сферы, что существует иерархия различных конкурирующих типов мужественности, определяемых такими социальными идентификаторами, как этничность, раса, национальность, сексуальная ориентация, класс, профессия, политические взгляды и др. [Connell, 2000: 10—12].

Однако в самой оппозиции «мужское — женское» заключена возможность использовать гендерный дискурс и за пределами собственно отношений полов: гендерное неравенство выступает как матрица прочих видов социального неравенства. По известной оценке Дж. Скотт, гендер есть первичное

средство означивания отношений власти [Скотт, 2001: 422]; следовательно, он вовлечен в сигнификацию и легитимацию властных отношений [Connell, 2002: 54]. Природа и культура, эмоциональное и рациональное, духовное и телесное — данные феномены отождествляются с мужским или женским таким образом, что внутри этих пар создается своеобразная иерархия — гендерная асимметрия. Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское — в качестве негативного и периферийного. Поскольку «власть» традиционно ассоциируется с силой, волей, активностью, справедливостью, постольку она воспринимается как свойство маскулинности. Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию политических акторов, маркировка которых в качестве женственных или мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих характеристик и соответствующего места в политической иерархии.

Рассматривать гендер за пределами собственно отношений полов позволяет также его роль в конструировании коллективной идентичности. Опираясь на идеи Ф. Барта о роли символических границ в создании и поддержании культурного своеобразия сообщества и его идентичности, Н. Ювал-Дэвис предложила в качестве «символических пограничников» интерпретировать гендерные символы; наряду с другими маркерами, они идентифицируют людей как их членов или же не-членов [Yuval-Davis, 1997: 23]. Иными словами, репрезентации мужчин и женщин, равно как и отношений между ними, оказываются фактором, влияющим на такие, казалось бы, далекие от собственно «женского вопроса» аспекты политической науки, как легитимация власти, политическая мобилизация, расизм, национализм и международные отношения.

Таким образом, в основе методологии гендерных исследований лежит изучение отношений власти и подчинения, факторов и форм неравенства между полами и внутри полов. Эти процессы рассматриваются в различных отраслях знания: гендерной социологии, гендерной психологии, гендерной лингвистике, женской истории и др. Гендерная политология исследует их под особым углом зрения: как на них воздействуют политические феномены (прежде всего государство) и, в свою очередь, как гендер влияет на политическую сферу.

Итак, гендерную политологию можно определить как *субдисциплину в рамках политической науки, изучающую политическую обусловленность гендерных процессов и гендерную обусловленность политических процессов.*

Гендерная политология активно развивается во многих странах мира. На сегодняшний день опубликован значительный массив книг и статей по данной проблематике, издается ряд международных специализированных журналов («Journal of Women, Politics & Policy», «International Feminist Journal of Politics», «Politics and Gender», «Social Politics: International Studies in Gender, State & Society»); сложились научные школы. Комитеты по гендерным исследованиям были созданы в 1970—1980-х гг. в большинстве западных национальных ассоциаций политической науки. В Международной ассоциации политических наук (IPSA) гендерные аспекты политической науки изучались с 1976 г. в рамках Исследовательской группы, а в 1979 г. был сформирован отдельный комитет.

Теоретический и практический фундамент гендерной политологии в России

Гендерная политология в России начала складываться с конца 1980-х гг. на волне перестройки, и потребность в данной отрасли знания определялась тем, что достижение подлинного равенства между полами постулировалось как необходимое условие перехода к демократическому обществу. В советской науке было принято рассматривать «женский вопрос» в рамках марксистской парадигмы, согласно которой подчинение женщины является результатом не биологических различий полов, а социальных отношений (прежде всего отношений собственности). Считалось, что достижение равенства полов возможно лишь в результате ликвидации социально-экономического строя, основанного на частной собственности и эксплуатации. Практика «реального социализма» включала в себя как государственный патернализм в отношении женщин, их успехи во многих «мужских» сферах жизни, так и пресловутое «двойное бремя», выражавшееся в требованиях совмещать работу с обязанностями домохозяйки [Айвазова, 2001b; Здравомыслова, Темкина, 2002; Ушакин, 2007]. В обществе был сформулирован запрос на критическое осмысление советского опыта, который выражался, с одной стороны, в призывах «вернуть женщину домой», в семью, восстановить «нормальные» гендерные отношения, связанные с традиционными для дискурса Модерности ролями мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, с другой — в ориентации на западные модели гендерных отношений, основанные на идеологии либерального феминизма.

В непростое для страны время начала 1990-х «женский вопрос» не воспринимался как наиболее актуальный ни в обществе в целом, ни в академическом сообществе. Это имело и свои плюсы: в отличие от других субдисциплин политологии, скажем этнополологии, в гендерных исследованиях не было зависимости от советских шаблонов и давления государственных структур. Гендерные и женские исследования на постсоветском пространстве получали значительную поддержку от западных фондов и университетов (в форме стипендий, стажировок, организации летних школ и др.). Это, помимо несомненных плюсов, имело и негативные последствия: часто западные парадигмы усваивались некритически, без учета культурных традиций, а нередко и советского опыта в гендерной политике. Кроме того, это привело к появлению значительного количества публикаций «про гендер», для которых при «безупречной» идеологической позиции был характерен невысокий академический уровень (см.: [«Doing gender»... , 2005]).

Зарождающейся гендерной политологии 1990-х была свойственна такая черта, как открытая идеологизированность (которая в тех условиях, когда уставшие от идеологического пресса советских времен исследователи старались от любой идеологии дистанцироваться, была скорее редкой). Другой особенностью стала ее ориентация на практические результаты, тесная взаимосвязь с женским движением, развитие которого в тот период было связано с демократизацией общества и ухудшением социально-экономического положения женщин в условиях реформ.

Женские общественные организации и женские движения, появившиеся в значительной части регионов России, вели большую работу по преодолению

гендерного неравенства на практике. Они сотрудничали с законодательной и исполнительной властью, осуществляли экспертную и просветительскую деятельность (прежде всего это основанный в 1993 г. Консорциум женских неправительственных объединений). Важно, что инициативы женских организаций были связаны, как правило, с острыми социальными проблемами (насилие в семье, торговля женщинами и детьми и т. д.). Однако значение их этим не исчерпывалось. Вклад женских организаций в развитие гендерной политологии заключался прежде всего в том, что они способствовали формированию круга вопросов, составивших предмет исследования субдисциплины. Именно в русле женского движения сформировалась теоретико-методологическая база — сначала феминизма, а затем гендерных исследований, в том числе и политических [Айвазова, 2007b].

Институциональное оформление гендерной политологии берет начало с Гендерной секции Российской ассоциации политической науки; она была создана в 1998 г. и впоследствии преобразована в Исследовательский комитет по гендерной политологии¹. Гендерная секция начала свою работу с участия в организации Всероссийских женских чтений, посвященных 90-летию со дня проведения Первого Всероссийского женского съезда. Последующие полтора десятилетия деятельность Комитета была отмечена интенсивной исследовательской, общественной и организаторской работой по развитию и популяризации гендерной политологии в России. Создание научных центров, прежде всего университетских (в Архангельске, Иванове, Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Саратове, Твери и других городах), изучающих проблемы гендерных аспектов политики и публикующих результаты исследований, также вносит вклад в становление современной российской политологии. Наконец, у российской гендерной политологии появляется и своя историография [Кукаренко, Пospelова, 2008]. За последние годы Исследовательский комитет по гендерной политологии превратился в площадку, на которой обсуждаются и апробируются идеи диссертационных исследований. Успешная защита докторских и кандидатских диссертаций по политологии показывает, что тематика не только стала востребованной учеными, но и получила признание на институциональном уровне. Заметим, однако, что институционализация дисциплины сталкивается с определенными сложностями; в частности, в государственном образовательном стандарте по политологии до сих пор отсутствует гендерный компонент. Тем не менее в ряде российских университетов курсы по различным аспектам дисциплины включены в программу обучения студентов по специальностям «Политология» и «Социология», а учебное пособие «Гендерные аспекты политической социологии» под редакцией С. Г. Айвазовой и О. А. Хасбулатовой широко известно за пределами аудитории, ориентированной на гендерные исследования [Гендерные аспекты политической социологии, 2004].

---

¹ Инициатива создания Гендерной секции принадлежала С. Г. Айвазовой, которая по сей день является руководителем Исследовательского комитета по гендерной политологии. Вместе с ней в его формировании и развитии в разное время принимали активное участие Н. М. Степанова, Н. А. Шведова, Т. Б. Рябова, О. Г. Овчарова и другие. Сегодня членами Исследовательского комитета на постоянной основе являются ученые из многих регионов России: Архангельска, Иванова, Краснодара, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Твери, Ярославля .

Основная проблематика российской гендерной политологии

Теперь рассмотрим более детально основные проблемы гендерной политологии и вклад российских политологов в их решение.

Одной из наиболее востребованных тем стала проблема политического участия и политического поведения женщин и мужчин (заметим, эта тема находится в фокусе внимания и западной гендерной политологии [Ritter, Mellow, 2000]). Значимость проблемы для российской политологии обусловлена тем, что, с одной стороны, представленность женщин в высших органах государственной власти незначительна (на 10 июня 2015 г. в нижней палате российского парламента было 13,6 % женщин²); с другой — именно женщины составляют большую часть российского электората, обладая при этом видимыми особенностями политического поведения.

Важным этапом становления российской гендерной политологии (и политической социологии) являются труды С. Г. Айвазовой, в том числе созданные совместно с Г. Л. Кертманом, в которых была предложена методология исследования гендерных аспектов российского избирательного процесса. В монографии «Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг.» С. Г. Айвазова и Г. Л. Кертман продемонстрировали, что политическое поведение и электоральные предпочтения современных россиян имеют выраженную гендерную специфику; это проявляется, например, в различиях голосования женщин и мужчин на выборах, а также в уровне политической компетентности мужчин и женщин; кроме того, исследователи показали и различие в гендерных стратегиях основных российских политических партий [Айвазова, Кертман, 2000] (гендерный анализ президентских и парламентских выборов 2004—2012 гг. см.: [Айвазова, 2008, 2012]). Тема выборов становится предметом научной рефлексии и Н. А. Шведовой, которая на материале избирательных кампаний 1993—1999 гг. проанализировала отношение политических партий и государства к продвижению женщин в высшие эшелоны власти [Шведова, 2002]. Важными для осмысления гендерных аспектов политического поведения являются работы О. В. Поповой, которые еще в 2000-х гг. внесли значительный вклад в понимание особенностей политической идентификации мужчин и женщин, гендерной специфики политического сознания россиян, деятельности «гендерных партий» в России [Попова, 2001, 2002] (см. также: [Попова, 2010, 2015]).

Значимой вехой в исследовании проблем политического участия женщин и гендерных аспектов политического поведения стал вышедший в 2004 г. сборник статей «Гендерная реконструкция политических систем» под редакцией Н. М. Степановой и Е. В. Кочкиной [Гендерная реконструкция политических систем, 2004]; в нем был представлен анализ широкого спектра проблем субдисциплины: от политического участия женщин в центральных и региональных органах власти до гендерных аспектов государственной политики.

Задачей для молодой гендерной политологии стало не только адаптировать к анализу российской политики ключевые категории западных гендерных

---

² Women in National Parliaments. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (дата обращения: 15.07.2015).

исследований, но и предложить свои с тем, чтобы показать гендерные особенности российских политических процессов. В работах С. Г. Айвазовой был разработан категориальный аппарат для анализа политического измерения гендерного режима в России (и странах СНГ), уточнены применительно к российским политическим практикам понятия гендерных разрывов, эмпауэрмента и ряд других [Айвазова 2001а, 2007а, 2011, 2013, 2014b]. Анализируя проблемы гендерной асимметрии российского общества, ученые предлагают возможные пути ее преодоления, как культурные, так и институциональные; они привлекают внимание к специфике политического участия женщин, проблеме их продвижения в органы власти, а также ситуации с гендерным неравенством в России [Шведова, 2002, 2009, 2011; Досина, 2007; Овчарова, 2007; Ушакова, 2007; Кочкина, 2013]. О. Г. Овчарова и Н. А. Завершинская рассматривают причины гендерной асимметрии политики через призму исторической памяти, воспроизводящей гендерные стереотипы сознания и поведения прошлого в настоящем [Завершинская, 2010; Овчарова, 2011, 2012а, 2012b]. Поскольку историческая память является объектом конструирования, то это позволяет видеть в ней возможность выравнивания гендерной асимметрии. В качестве одного из современных механизмов преодоления гендерной асимметрии рассматривают Интернет как пространство, свободное от гендерных ограничений (см., напр.: [Гнедаш, Рябченко, 2011]). Изучение гендерной специфики политического поведения и политического участия потребовало анализа многообразия опыта стран старых демократий в создании равных возможностей для женщин и формировании политики гендерного равенства — Великобритании, США, Канады, Японии, стран Скандинавии [Степанова, 2001, 2004; Шведова, 2007, 2008, 2014]. Предметом внимания становятся и новые демократии, где, согласно исследованиям С. Г. Айвазовой, напротив, наблюдается углубление разрыва гендерных возможностей [Айвазова, 2014а]. Работы Л. Я. Прокопенко, посвященные гендерным аспектам политических процессов в Африке, заслуживают особого внимания по причине малой изученности проблем африканского континента в отечественном социально-гуманитарном знании [Прокопенко, 2012, 2015].

Большое значение в проблемном поле современной гендерной политологии, в том числе и российской, имеет анализ женского движения — его истории и современных практик. Заметим, проблема изучалась и в советский период, однако в 1990-х гг. тема получила новый импульс благодаря появлению методологии гендерных исследований и развитию женского движения. Среди исследователей, посвятивших свои труды политическому измерению женского движения, следует особо отметить С. Г. Айвазову, О. А. Хасбулатову, Н. М. Степанову, О. А. Воронину, И. И. Юкину, В. И. Успенскую, Н. Н. Козлову (см., напр.: [Айвазова, 1988; Хасбулатова, 1994, 2001b; Степанова, 1999; Хасбулатова, Гафизова, 2003; Воронина, 2004; Юкина, 2007; Успенская, 2009; Козлова, 2012]). Важной формой не только научной, но и общественно-политической деятельности для исследователей становится гендерная экспертиза законодательства, политико-правовых институтов и учебной литературы [Воронина, 1998; Шведова, 2009].

Другой аспект гендерной политологии — анализ феминистской теории и ее влияния на политическую философию. Одной из первых работ, в которых западная феминистская теория адаптировалась к категориальному аппарату

современной российской политической науки, стала статья О. А. Ворониной [Воронина, 1995]. Значимое в этой области событие — публикация статьи Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной [Здравомыслова, Темкина, 1999]. В работах Н. А. Кукаренко, О. В. Поспеловой и О. Л. Даниловой были проанализированы основные философские и политические категории в феминистском дискурсе [Кукаренко, Поспелова и др., 2006] (см. также: [Кочкина, 1998; Попова, 2001]).

В последнее десятилетие особую актуальность приобретают исследования государственной гендерной и семейной политики и ее влияния на возможности женщин и мужчин, на статус материнства и отцовства. Данные вопросы находятся в центре внимания ряда ученых, в первую очередь О. А. Хасбулатовой, Ж. В. Черновой, М. А. Кашиной, А. А. Гнедаш. В большей части работ этих исследователей современная российская государственная политика характеризуется как пронаталистская; в них анализируются ее причины, формы и последствия [Хасбулатова, 2005, 2011; Чернова, 2008, 2011, 2012; Кашина, 2013; Гнедаш и др., 2014].

Гендерные аспекты политического лидерства также становятся предметом осмысления в трудах отечественных политологов. В работах В. Н. Константиновой, а позднее О. П. Поповой, О. Г. Овчаровой, Т. Б. Рябовой, А. Е. Чириковой, Н. Ю. Лапиной и других были проанализированы гендерные стратегии в стиле управления политиков-женщин и политиков-мужчин, продемонстрирована и объяснена специфика репрезентаций женщин и мужчин во власти (см., напр.: [Константинова, 1992; Попова, 2002; Кашина, Дмитрикова, 2008; Рябова, 2000, 2008, 2014; Чирикова, Лапина, 2009а, 2009б; Овчарова, 2012с]). Гендерный фактор в формировании российских элит, прежде всего на региональном уровне, стал предметом внимания А. А. Гнедаш и О. В. Поповой, которые проанализировали требования, предъявляемые женщинам-политикам, и их возможные карьерные стратегии, а также перспективы профессионального роста в области публичной политики [Гнедаш, 2007; Попова, 2013].

Заметное место в российской политологии занимает исследование влияния гендерных стереотипов, социально разделяемых представлений о мужественности и женственности, на различные аспекты политической жизни: на политические предпочтения, мотивацию мужчин и женщин заниматься (или не заниматься) политикой, стратегии управления и др. Стереотипное отождествление атрибутов власти с мужественностью определяет и такие политические представления, как, например, мнение о том, что политика не женское дело, или идею о компетентности женщин в одних (менее значимых) сферах государственной политики и некомпетентности в других. Гендерные стереотипы (и политическая культура в целом), таким образом, выступают как фактор, поддерживающий гендерную асимметрию власти [Рябова, 2000, 2004, 2008; Хасбулатова, 2001а; Шведова, 2001; Малышева, 2007; Федорова, 2008; Попова, 2010; Ахмадеева, 2011; Завершинская, 2013; Иванова, 2013]. Кроме того, в работах Т. Б. Рябовой показано, что политический дискурс, в свою очередь, выступает ресурсом создания, поддержания и корректировки канонов мужественности и женственности российского общества [Рябова, 2010].

Как было отмечено, репрезентации мужчин и женщин, стереотипы (и гендерный дискурс в целом) используются для характеристики не только гендерных, но и других общественных отношений [Cohn, 1993]. Это позволяет активно привлекать гендерный дискурс в символическую политику, направленную на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих (о символической политике см.: [Малинова, 2010]). В результате репрезентации мужественности и женственности выступают фактором политики в самых различных ее аспектах. В частности, притязания того или иного политического актора на власть подтверждаются или опровергаются при помощи гендерного дискурса; соответствие или несоответствие политика или политической силы канонам «настоящей» мужественности или женственности становится аргументом в легитимации или делегитимации власти [Рябова, 2000, 2004, 2008; Рябова, Рябов, 2010; Завершинский, Завершинская, 2011].

Кроме того, гендерная политология исследует процессы политической мобилизации, которая осуществляется с помощью апелляции в числе прочего к гендерной идентичности, в ходе которой устанавливается взаимосвязь между определенными моделями маскулинности и фемининности, с одной стороны, и формами политического поведения индивида — с другой. Определяя, что есть мужественность и женственность, избирателей тем самым поощряют к политической активности, оказывают влияние на их политические ориентации. В работах отечественных политологов исследуется также, как при помощи гендерного дискурса используются в российском обществе образы Европы, Запада — в политической мобилизации, в легитимации власти, в конструировании макрополитической идентичности, в демографической, семейной и гендерной политике [Рябова, Рябов, 2013; Riabov, Riabova, 2014; Riabova, Riabov, 2015].

Самое широкое распространение в трудах политологов различных стран мира получили исследования гендерного измерения нации и национализма. Сейчас библиография проблемы «национализм и гендер» насчитывает тысячи наименований и ею занимаются сотни исследователей. Гендерный и национальный дискурсы формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Метафоры родства (и особенно материнский символ) играют важную роль в постулировании природности, «естественности», национального сообщества [Smith, 1991: 54]. Репрезентации национальной и этнической специфики мужественности и женственности, а также гендерных и семейных отношений, выступая инструментом включения и исключения, широко привлекаются в производство «своих» и «чужих» в процессе конструирования макрополитической идентичности и активно используются в этнополитике [Цалко, Рябова, 2010]. Наглядной иллюстрацией взаимовлияния гендерного и национального дискурсов является «Родина-мать»/«Россия-матушка». Материнскому образу России — одному из наиболее известных символов русскости и российскости — посвящены монографии и статьи О. В. Рябова [Рябов, 2007, 2014, 2015].

Наконец, использование методологии гендерных исследований обладает большим потенциалом в изучении вопросов международных отношений. В этой сфере знания интерес к гендерной теории обозначился в конце 1980-х гг., в период так называемого большого спора по теоретическим проблемам

международных отношений; классические теории оказались неспособными объяснить новые тенденции мирового развития, что вызвало кризис в данной области знания. В основе феминистской ревизии лежал постулат о том, что реалистская, либеральная и марксистская традиции международных отношений отражают мужскую перспективу понимания безопасности, в основе которой — ценности автономии, независимости и силы (подробней см.: [Tickner, 1992]). Одной из наиболее исследуемых гендерологами проблем международных отношений является вопрос о войне и мире — сферах человеческой жизни, едва ли не наиболее тесно связанных с гендерной дихотомизацией человечества и традиционными гендерными ролями. В работах отечественных исследователей анализируются такие аспекты проблемы, как использование гендерного дискурса в военной мобилизации; его эксплуатация в качестве оружия пропаганды; функция военного дискурса как ресурса создания и корректировки гендерного порядка [Рябов, 2007]. Другая важная проблема международных отношений, получившая отражение в работах отечественных авторов, — гендерные аспекты международной безопасности [Виноградова, 2010]. Большой интерес вызывает и привлечение гендерных образов, символов и метафор во внешнеполитическую риторику в условиях нынешнего обострения отношений России с Западом. Исследователи анализируют, как различные политические акторы используют гендерный дискурс в современном российском антиамериканизме и антизападничестве, а также в конструировании макрополитической идентичности и легитимации власти, позиционирующей себя в качестве и гаранта национального суверенитета, и бастиона традиционных ценностей [Рябова, Рябов, 2013].

Заключение

Не вызывает сомнения, что как субдисциплина политической науки гендерная политология состоялась. За два десятилетия она проделала большой путь в процессе своей институционализации. Сегодня проблемы субдисциплины в центре внимания и состоявшихся ученых, и молодых исследователей многих регионов России; они выступают с докладами на престижных форумах, их работы публикуются в известных журналах, а проекты поддерживаются научными фондами.

Достижения гендерной политологии востребованы академическим сообществом. Она не только успешно решает задачу изучения гендерных аспектов политики, но и помогает понять процессы, которые обычно исследуются с помощью методологии других субдисциплин, таких, например, как институциональная политология, этнополитология, теория международных отношений, сравнительная политология.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1988. 408 с.
- Айвазова С. Г.* Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: Эслан, 2001а. 79 с.
- Айвазова С. Г.* Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп / под ред. М. Малышевой. М.: Academia, 2001b. С. 291—310.

- Айвазова С. Г.* Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации // Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / под ред. С. Г. Айвазовой, С. В. Патрушева. М.: РАПН: РОССПЭН, 2007а. С. 69—83.
- Айвазова С. Г.* Феминизм // Политология: лексикон / под ред. А. И. Соловьёва. М.: РОССПЭН, 2007б. С. 708—724.
- Айвазова С. Г.* Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Консорциум женских неправительственных организаций: Ин-т социологии РАН, 2008. 177 с.
- Айвазова С. Г.* Гендерные разрывы/гендерная асимметрия // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / под ред. С. В. Патрушева. М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. С. 76—80.
- Айвазова С. Г.* Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011—2012 гг. // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 3—11.
- Айвазова С. Г.* Гражданское/политическое в гендерном измерении // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. С. 243—259.
- Айвазова С. Г.* Трансформация российского гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики // Женщина в российском обществе. 2014а. № 4. С. 11—22.
- Айвазова С. Г.* «Эмпауэрмент» как признак и проблема современной массовой политики // Политическая наука. 2014б. № 4. С. 75—95.
- Айвазова С. Г., Кертман Г. Л.* Мужчины и женщины на выборах: гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. М.: Эслан, 2000. 68 с.
- Ахмадеева К. Н.* Конструирование гендерных стереотипов в управлении: тематический репертуар дискурсивных практик и стратегий: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2011. 199 с.
- Виноградова С. М.* Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 4. С. 34—37.
- Воронина О. А.* Пол/гендер как категории феминистской философии // Философские исследования. 1995. № 4. С. 80—99.
- Воронина О. А.* Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М.: МЦГИ, 1998. 152 с.
- Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
- Гендерная реконструкция политических систем: сборник статей / ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. 991 с.
- Гендерные аспекты политической социологии: учебное пособие / под ред. С. Г. Айвазовой, О. А. Хасбулатовой. М.: РОССПЭН, 2004. 264 с.
- Гнедаш А. А.* Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение: (по материалам экспертного опроса в Краснодарском крае) // Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / под ред. С. Г. Айвазовой, С. В. Патрушева. М.: РАПН: РОССПЭН, 2007. С. 258—275.
- Гнедаш А. А., Рябченко Н. А.* Гендерная политика online: субъекты, механизмы и проблемы функционирования // Политическая экспертиза. 2011. Т. 7, № 1. С. 163—183.
- Гнедаш А. А., Степанова Е. А., Тезадова Д. А.* Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества: (обзор зарубежного общества) // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 23—31.

- Досина Н. В.* Проблема демократизации общества в контексте глобальных изменений в гендерных исследованиях // Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / под ред. С. Г. Айвазовой, С. В. Патрушева. М.: РАПН: РОССПЭН, 2007. С. 252—257.
- Завершинская Н. А.* Гендерные структуры памяти о советском в дисциплинарном пространстве российского социума // Политические исследования. 2010. № 5. С. 64—78.
- Завершинская Н. А.* Гендерные метафоры в медийном пространстве в современной российской политике // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 78—84.
- Завершинский К. Ф., Завершинская Н. А.* Легитимация гендерного господства // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 73—76.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура / под ред. З. А. Хоткиной, Н. Л. Пушкаревой, Е. И. Трофимовой. М.: МЦГИ, 1999. С. 46—65.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности: сборник статей / под ред. С. Ушакина. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 432—451.
- Иванова Е. Н.* Женщина в российской политической карикатуре // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 66—78.
- Кашина М. А.* Гендерный подход к государственному управлению: российское измерение // Управленческое консультирование. 2013. № 9 (57). С. 126—134.
- Кашина М. А., Дмитрикова Е. В.* Гендерный аспект образа политика в российских СМИ: опыт контент-анализа петербургской прессы // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 11, № 3. С. 391—403.
- Козлова Н. Н.* Гендерный анализ российской политической консервативной мысли первой трети XIX века. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. 156 с.
- Константинова В. Н.* Женщины и проблемы политического лидерства // Женщины и социальная политика: гендерный аспект. М.: Ин-т соц.-экон. проблем РАН, 1992. С. 107—117.
- Кочкина Е. В.* Разработка феминистской политологической концепции: изменяющаяся политическая роль женщины и пересмотр теории политики // Женщина и культура / Информ. центр независимого жен. форума. М., 1998. С. 96—107.
- Кочкина Е. В.* Законодательство о выборах в Государственную думу Федерального собрания РФ, 1993—2013 гг.: гендерные ограничения и возможности квотирования. М.: Вариант, 2013. 154 с.
- Кукаренко Н. Н., Поспелова О. В.* Гендерные исследования в российской политической науке // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990—2007) / под ред. О. Ю. Малиновой и др. М.: РОССПЭН, 2008. С. 231—246.
- Кукаренко Н. Н., Поспелова О. В., Данилова О. Л.* Философские и политические категории в феминистском дискурсе. Архангельск: Помор. ун-т, 2006. 334 с.
- Малинова О. Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5—28.
- Мальшева М. М.* Гендерное наполнение политического пространства в России // Гендерные стереотипы в современной России / общ. ред. И. Б. Назаровой, Е. В. Лобза. М.: Макс Пресс, 2007. С. 229—246.
- Овчарова О. Г.* Гендерная асимметрия и политика. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2007. 280 с.
- Овчарова О. Г.* Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / под ред. С. В. Патрушева. М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. С. 244—260.

- Овчарова О. Г.* Биографии и преобразование исторической памяти: (на примере гендерной асимметрии российской политики) // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012а. С. 7773—7781. 1 электрон. опт. диск (CD ROM).
- Овчарова О. Г.* Реализация биографического метода в гендерной политологии // Известия Саратовского университета: новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012b. Т. 12, вып. 4. С. 97—101.
- Овчарова О. Г.* Характеристики российского политического лидерства: гендерное измерение // Перспективы развития политической психологии: новые направления / под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Изд-во МГУ, 2012с. С. 69—81.
- Попкова Л. Н.* Теория и практика современного феминизма: женское движение в США // Введение в гендерные исследования: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. С. 635—663.
- Попова О. В.* Гендерные аспекты политической идентификации жителей Санкт-Петербурга // Политический анализ: доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ / под ред. Г. П. Артёмова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. Вып. 2. С. 4—29.
- Попова О. В.* Российские женщины-политики: проблемы эффективности имиджа и формирования группы поддержки // Политический анализ: сборник докладов Центра эмпирических политических исследований СПбГУ / под ред. Г. П. Артёмова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 68—80.
- Попова О. В.* Гендерные особенности политического сознания петербуржцев: мы разные? // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 4. С. 206—219.
- Попова О. В.* Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнение экспертов // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 21—30.
- Попова О. В.* Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 186—199.
- Прокопенко Л. Я.* Женщины и власть на Юге Африки // Азия и Африка сегодня. 2012. № 2. С. 25—31.
- Прокопенко Л. Я.* Жены президентов: африканский вариант // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 114—129.
- Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В.* «Родина-мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 1. С. 90—113.
- Рябов О. В.* «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 78—95.
- Рябова Т. Б.* Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: история и современность // Женщина в российском обществе. 2000. № 4. С. 19—26.
- Рябова Т. Б.* Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества // Гендерные исследования. 2004. № 10. С. 207—225.
- Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 8, № 4. С. 307—320.
- Рябова Т. Б.* «Путин vs Обама»: противопоставление национальных маскулинностей как фактор современного российского антиамериканизма // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 63—71.

- Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики?: (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Политические исследования. 2010. № 5. С. 48—63.
- Рябова Т. Б., Рябов О. В.* «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 31—39.
- Скотт Д.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 405—436.
- Степанова Н. М.* Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 185—192.
- Степанова Н. М.* Женщины в политических партиях и парламенте Великобритании // Адам и Ева: альманах гендерной истории. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. Вып. 2. С. 71—80.
- Степанова Н. М.* Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 204—224.
- Успенская В. И.* Феминизм до феминизма: идея равноправия полов в европейских интеллектуальных дискуссиях XV—XVIII в. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 160 с.
- Ушакин С. А.* Поле пола. Вильнюс: Изд-во Европ. гуманит. ун-та; М.: Вариант, 2007. 320 с.
- Ушакова В. Г.* Гендер и политика: (на материалах Санкт-Петербурга) // Женщина в российском обществе. 2007. № 2. С. 13—26.
- Федорова Т. В.* Гендерные стереотипы как фактор формирования имиджа политика: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008. 168 с.
- Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917 гг.) / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. 135 с.
- Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре // Женщина в российском обществе. 2001а. № 3—4. С. 17—24.
- Хасбулатова О. А.* Государственная политика и женское движение в России (1900—2000 гг.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001б. 182 с.
- Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хасбулатова О. А.* Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 4—12.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 255 с.
- Шведова Н. А.* Гендерный подход как фактор политической культуры // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С. 271—290.
- Шведова Н. А.* Просто о сложном: гендерное просвещение: очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М.: Антиква, 2002. 212 с.
- Шведова Н. А.* Женщины в США: механизм гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2007. № 4. С. 22—53.
- Шведова Н. А.* Механизмы гендерного равенства в Канаде // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. О. А. Воронина. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 463—477.
- Шведова Н. А.* Россия в контексте тридцатилетия Конвенции ООН о ликвидации форм дискриминации в отношении женщин: (двойной юбилей Билля о правах женщин) // Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы. М.: РАПН, 2009.

- Шведова Н. А. Гендерное равенство в России в XXI веке в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 22—29.
- Шведова Н. А. Международное сообщество о гендерном равенстве // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 3. С. 32—39.
- Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008. 328 с.
- Чернова Ж. В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 44—51.
- Чернова Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 15, № 1 (61). С. 103—122.
- Чирикова А. Е., Лапина Н. Ю. Женщина в российской власти: мотивация и стили лидерства // *Общество и экономика*. 2009а. № 6. С. 144—176.
- Чирикова А. Е., Лапина Н. Ю. Женщины на высших этажах власти: российские практики и французский опыт. М.: Ин-т социологии РАН, 2009б. 72 с.
- Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 2. С. 57—65.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Cohn C. Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war // *Gendering War Talk* / ed. by M. Cooke, A. Woollacott. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1993. P. 227—246.
- Connell R. W. *The Men and the Boys*. Berkeley: University of California Press, 2000. 259 p.
- Connell R. W. *Gender*. Cambridge: Polity Press, 2002. 173 p.
- «Doing gender» на русском поле: круглый стол // *Гендерные исследования*. 2005. № 13. С. 190—217.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
- Riabova T., Riabov O. «Gayromaidan»: gendered aspects of the hegemonic Russian media discourse on the Ukrainian crisis // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. № 1. P. 83—108.
- Ritter G., Mellow N. The state of Gender Studies in Political Science // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 571 (September, 2000). P. 121—134.
- Smith A. D. *National Identity*. Reno: University of Nevada Press, 1991. 240 p.
- Tickner J. A. *Gender in International Relations: Feminist Perspectives on Achieving Global Security*. New York: Columbia University Press, 1992. 180 p.
- Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage Publications, 1997. 157 p.

References

- Aivazova, S. G. (1988) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviiia* [Russian women in the labyrinth of equality], Moscow: RIK Rusanova.
- Aivazova, S. G. (2001a) *Gendernoe ravenstvo v kontekste prav cheloveka* [Gender equality in the context of human rights], Moscow: Eslan.
- Aivazova, S. G. (2001b) Kontrakt “rabotaiushchei materi”: sovetskii variant [Contract of working mother: soviet version], in: Malysheva, M. (ed.), *Gendernyi kaleidoskop*, Moscow: Academia, pp. 291—310.
- Aivazova, S. G. (2007a) Gendernyi poriadok v Rossii: vozmozhnosti i predely modernizatsii [Gender order in Russia: possibilities and limitations of modernization], in: Aivazova, S. G., Patrushev, S. V. (eds), *Novye napravleniia politicheskoi nauki*:

- Gendernaia politologiya. Institutsional'naiia politologiya. Politicheskaia ekonomia. Sotsial'naiia politika*, Moscow: RAPN, ROSSPĖN, pp. 69—83.
- Aĭvazova, S. G. (2007b) Feminizm, in: Solov'ĕv, A. I. (ed.), *Politologiya: Leksikon*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 708—724.
- Aĭvazova, S. G. (2008) *Rossiĭskie vybory: gendernoe prochtenie* [Russian elections: gender profile], Moscow: Konsortsium zhenskikh nepravitel'svennykh organizatsii, Institut sotsiologii RAN.
- Aĭvazova, S. G. (2011) Gendernye razryvy / gendernaia asimmetriia [Gender gaps / gender asymmetry], in: Patrushev, S. V. (ed.), *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoi Rossii: Vosproizvodstvo i transformatsiia institutsional'nogo poriadka*, Moscow: RAPN, ROSSPĖN, pp. 76—80.
- Aĭvazova, S. G. (2012) Gendernye osobennosti politicheskogo povedeniia rossiian v kontekste izbiratel'nogo tsikla parlamentskikh i prezidentskikh vyborov 2011—2012 gg. [Gender features of political behavior of Russians in the context of the electoral cycle, parliamentary and presidential elections in 2011—2012], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—11.
- Aĭvazova, S. G. (2013) Grazhdanskoe/politicheskoe v gendernom izmerenii [Civic and political: gender dimension], in: Patrushev, S. V. (ed.), *Grazhdanskoe i politicheskoe v rossiiskikh obshchestvennykh praktikakh*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 243—259.
- Aĭvazova, S. G. (2014a) Transformatsiia rossiiskogo gendernogo poriadka v stranakh SNG: institutsional'nye faktory i efekty massovoi politiki [Transforming Russian gender order in NIS counties: institutional factors and effects of mass politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 11—22.
- Aĭvazova, S. G. (2014b) “Empowerment” kak priznak i problema sovremennoi massovoi politiki [“Empowerment” as marker and a problem of contemporary mass politics], *Politicheskaiia nauka*, no. 4, pp. 75—95.
- Aĭvazova, S. G., Kertman, G. L. (2000) *Muzhchiny i zhenshchiny na vyborakh: Gendernyi analiz izbiratel'nykh kampanii 1999 i 2000 gg.* [Men and women at the elections: Gender analysis of the electoral campaigns of 1999 and 2000 in Russia], Moscow: Eslan.
- Aĭvazova, S. G., Khasbulatova, O. A. (eds) (2004) *Gendernye aspekty politicheskoi sotsiologii* [Political sociology: gender aspects], Moscow: ROSSPĖN.
- Akhmadeeva, K. N. (2011) *Konstruirovaniie gendernykh stereotipov v upravlenii: tematicheskii repertuar diskursivnykh praktik i strategii*: Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Constructing gender stereotypes: variety of discursive practices and strategies: Diss. (Cand. Sc.)], Kazan'.
- Chernova, Zh. V. (2008) *Semeĭnaia politika v Evrope i Rossii: gendernyi analiz* [Family policy in Europe and Russia: gender analysis], St. Petersburg: Norma.
- Chernova, Zh. V. (2011) Semeĭnaia politika v sovremennoi Rossii: gendernyi analiz i otsenka effektivnosti [Family policy in contemporary Russia: gender analysis and evaluation of effectiveness], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 44—51.
- Chernova, Zh. V. (2012) Semeĭnaia politika v zapadnoevropeiskikh stranakh: modeli otsovstva [Family policy in Western European countries: the models of fatherhood], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 15, no. 1, pp. 103—122.
- Chirikova, A. E., Lapina, N. Iu. (2009a) Zhenshchina v rossiiskoi vlasti: motivatsiia i stili liderstva [Woman in Russian authority: motivation and leadership styles], *Obshchestvo i ekonomika*, no. 6, pp. 144—176.
- Chirikova, A. E., Lapina, N. Iu. (2009b) *Zhenshchiny na vysshikh etazhakh vlasti: rossiiskie praktiki i frantsuzskii opyt* [Women on upper floor of power: Russian practices and French experience], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Cohn, C. (1993) Wars, wimps, and women: Talking gender and thinking war, in: Cooke, M., Woollacott, A. (eds), *Gendering War Talk*, Princeton (NJ): Princeton University Press, pp. 227—246.

- Connell, R. W. (2000) *The Men and the Boys*, Berkeley: University of California Press.
- Connell, R. W. (2002) *Gender*, Cambridge: Polity Press.
- “Doing gender” na Russkom pole: Kruglyi stol (2005) [“Doing gender” in Russian field], *Gendernye issledovaniia*, no. 13, pp. 190—217.
- Dosina, N. V. (2007) Problema demokratizatsii obshchestva v kontekste global’nykh izmenenii v gendernykh issledovaniakh [Democratization of society in the context of global changes: gender aspect], in: Aivazova, S. G., Patrushev, S. V. (eds), *Novye napravleniia politicheskoi nauki: Gendernaia politologiia. Institutsional’naia politologiia. Politicheskaiia ekonomiiia. Sotsial’naia politika*, Moscow, pp. 252—257.
- Fedorova, T. V. (2008) *Gendernye stereotipy kak faktor formirovaniia imidzha politika*: Dis. ... kand. polit. nauk [Gender stereotypes as a factor of creating image of politics: Diss. (Cand. Sc.)], Stavropol’.
- Gnedash, A. A. (2007) Politiko-administrativnye elity postsovetsoi Rossii: gendernoe izmerenie: (Po materialam ekspertnogo oprosa v Krasnodarskom krae) [Political-administrative elites of postsoviet Russia: gender dimension: (Expert opinions in Krasnodar region)], in: Aivazova, S. G., Patrushev, S. V. (eds), *Novye napravleniia politicheskoi nauki: Gendernaia politologiia. Institutsional’naia politologiia. Politicheskaiia ekonomiiia. Sotsial’naia politika*, Moscow: RAPN, ROSSPEN, pp. 258—275.
- Gnedash, A. A., Riabchenko, N. A. (2011) Gendernaia politika online: sub’ekty, mekhanizmy i problemy funktsionirovaniia [Gender politics online: subjects, forms and problems], *Politicheskaiia ekspertiza*, vol. 7, no. 1, pp. 163—183.
- Gnedash, A. A., Stepanova, E. A., Tezadova, D. A. (2014) Strategii i tekhnologii vzaimodeistviia sem’i i gosudarstva v usloviakh formiruiushchegosia postinformatzionnogo obshchestva: (Obzor zarubezhnogo obshchestva) [State strategy and technology of interaction with family in postmodern society: (Review of international experience)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 23—31.
- Ivanova, E. N. (2013) Zhenshchina v rossiiskoi politicheskoi karikature [Woman in Russian political caricature], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 66—78.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge for today], Moscow: Aleteiia.
- Kashina, M. A. (2013) Gendernyi podkhod k gosudarstvennomu upravleniiu: rossiiskoe izmerenie [The gender approach to public administration: Russian perspective], *Upravlencheskoe konsul’tirovanie*, no. 9, pp. 126—134.
- Kashina, M. A., Dmitrikova, E. V. (2008) Gendernyi aspekt obraza politika v rossiiskikh SMI: opyt kontent-analiza peterburgskoi pressy [Gender aspect of politicians’ image in Russian mass media: analysis of St. Petersburg press], *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*, vol. 11, no. 3, pp. 397—403.
- Khasbulatova, O. A. (1994) *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii (1860—1917 gg.)* [Experience and traditions of women’s movement in Russia (1860—1917s)], Ivanovo.
- Khasbulatova, O. A. (2001a) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul’ture [Gender stereotypes in political culture], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khasbulatova, O. A. (2001b) *Gosudarstvennaia politika i zhenskoe dvizhenie v Rossii (1900—2000 gg.)* [State politics and women’s movement in Russia (1900—2000s)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender politics in XX century: myths and facts], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A. (2011) Realii rossiiskoi gendernoii politiki v XX stoletii [Russian gender politics in XXI century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—12.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)* [Women’s movement in Russia (second half XIX — beginning XX c.)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

- Kochkina, E. V. (1998) Razrabotka feministскої politologicheskoi kontseptsii: izmeniaiu-shchaisia politicheskaia rol' zhenshchiny i peresmotr teorii politiki [Developing feminist theory in Political Sciences: changing political woman's role and revizion of theory of politics], in: *Zhenshchina i kul'tura*, Moscow, pp. 96—108.
- Kochkina, E. V. (2013) *Zakonodatel'stvo o vyborah v Gosudarstvennuiu dumu Federal'nogo sobraniia RF, 1993—2013 gg.: gendernye ogranicheniia i vozmozhnosti kvotirovaniia* [Law on Elections of Deputies to the State Duma of RF, 1993—2013: gender limitations and possibilities of establishing quotas], Moscow: Variant.
- Konstantinova, V. N. (1992) Zhenshchiny i problemy politicheskogo liderstva [Women and the problems of political leadership], *Zhenshchiny i sotsial'naia politika: gendernyi aspekt*, Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem RAN, pp. 107—117.
- Kozlova, N. N. (2012) *Gendernyi analiz rossiiskoi politicheskoi konservativnoi mysli pervoi treti XIX veka* [Russian political conservative tradition: gender analysis (1st third of XIX c.)], Tver': Tverskoi gosudarstvennoi universitet.
- Kukarenko, N. N., Pospelova, O. V. (2008) Gendernye issledovaniia v rossiiskoi politicheskoi nauke [Gender Studies in Russian Political Sciences], in: Malinova, O. Iu. et al. (eds), *Politicheskaia nauka v Rossii: problemy, napravleniia, shkoly (1990—2007)*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 231—246.
- Kukarenko, N. N., Pospelova, O. V., Danilova, O. L. (2006) *Filosofskie i politicheskie kategorii v feministskom diskurse* [Categories of Philosophy and Political Sciences in feminist discourse], Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet.
- Malinova, O. Iu. (2010) Konstruirovaniie makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsoi Rossii [Constructing macropolitical identity in postsoviet Russia], *Politicheskaia ekspertiza*, vol. 6, no. 1, pp. 5—28.
- Malysheva, M. M. (2007) Gendernoe napolnenie politicheskogo prostranstva v Rossii [Gender in Russian political space], in: Nazarova, I. B., Lobza, E. V. (eds), *Gendernye stereotipy v sovremennoi Rossii*, Moscow: Maks Press, pp. 229—246.
- Ovcharova, O. G. (2007) *Gendernaia asimetriia i politika* [Gender asymmetry and politics], Saratov: Saratovskaia gosudarstvennaia akademiia prava.
- Ovcharova, O. G. (2011) Preodolenie institutsional'nykh ogranichenii gendernogo ravenstva: transformatsiia istoricheskoi pamiatii [Overcoming institutional limitations of gender quality: changing of historical memory], in: Patrushev, S. V. (ed.), *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoi Rossii: Vosproizvodstvo i transformatsiia institutsional'nogo poriadka*, Moscow: RAPN, ROSSPĖN, pp. 244—260.
- Ovcharova, O. G. (2012a) Biografii i preobrazovanie istoricheskoi pamiatii: (Na primere gendernoї asimetrii rossiiskoi politiki) [Biography and transformation of historical memory: (Case of gender asymmetry of Russian politics)], in: *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie*. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, pp. 7773—7781, 1 elektronnyi opticheskii disk (CD ROM).
- Ovcharova, O. G. (2012b) Realizatsiia biograficheskogo metoda v gendernoї politologii [Applying the biographical method in Gender Studies (case of Political Sciences)], *Izvestiia Saratovskogo universiteta: Novaia seriia, seriia Sotsiologiya, Politologiya*, vol. 2, no. 4, pp. 97—101.
- Ovcharova, O. G. (2012c) Kharakteristiki rossiiskogo politicheskogo liderstva: gendernoe izmerenie [Russian political leadership: gender dimension], in: Shestopal, E. B. (ed.), *Perspektivy razvitiia politicheskoi psikhologii: novye napravleniia*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 69—81.
- Popkova, L. N. (2001) Teoriia i praktika sovremennogo feminizma: Zhenskoe dvizhenie v SSHA [Theory and practice of contemporary feminism: Woman movement in USA], in: Zherebkina, I. A. (ed.), *Vvedenie v gendernye issledovaniia*: Uchebnoe posobie, Khar'kov: KHTSGI, St. Petersburg: Aleteiia, vol. 1, pp. 635—663.

- Popova, O. V. (2001) Gendernye aspekty politicheskoi identifikatsii zhitelei Sankt-Peterburga [Political identity of Saint Petersburg inhabitants: gender aspects], in: Artëmov, G. P. (ed.), *Politicheskii analiz*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 2, pp. 4—29.
- Popova, O. V. (2002) Rossiiskie zhenshchiny-politiki: problemy éffektivnosti imidzha i formirovaniia gruppy podderzhki [Russian women-politicians: effectiveness of image and forming support group], in: Artëmov, G. P. (ed.), *Politicheskii analiz*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 3, pp. 68—80.
- Popova, O. V. (2010) Gendernye osobennosti politicheskogo soznaniia peterburzhtsev: My raznye? [Gender differences in political views of Saint Petersburg inhabitants: Are we different?], *Politicheskaiia ékspertiza*, vol. 6, no. 4, pp. 206—219.
- Popova, O. V. (2013) Gendernye aspekty politicheskoi kar'ieri rossiiskoi subfederal'noi elity: mnenie ékspertov [Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: expert opinions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—30.
- Popova, O. V. (2015) Gendernye partii v sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy [Role of women's parties in modern Russia: problems and prospects], *Politicheskaiia nauka*, no. 1, pp. 188—199.
- Prokopenko, L. Ia. (2012) Zhenshchiny i vlast' na Iuge Afriki [Women and power on the South of Africa], *Aziia i Afrika segodnia*, no. 2, pp. 25—31.
- Prokopenko, L. Ia. (2015) Zhëny prezidentov: afrikanskiï variant [Presidents' wives: an African way], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 114—129.
- Riabov, O. V. (2007) “Rossiia-Matushka”: natsionalizm, gender i voïna v Rossii XX veka [“Mother Russia”: nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. V. (2014) “Rodina-mat'” v istorii vizual'noi kul'tury Rossii [The “Motherland” in history of Russian visual culture], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorii, no. 1, pp. 90—113.
- Riabov, O. V. (2015) “Rodina-mat'” v simvolicheskoi politike postsovetskoi Rossii [The “Motherland” in the symbolic politics of the post-Soviet Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 78—95.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Riabova, T. B. (2000) Maskulinnost' v politicheskom diskurse rossiiskogo obshchestva: istoriia i sovremennost' [Masculinity in political discourse of Russian society: past and present], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 19—26.
- Riabova, T. B. (2004) Muzhestvennost' i zhenstvennost' v politicheskom diskurse sovremenno rossiiskogo obshchestva [Masculinity and femininity in political discourse of contemporary Russian society], *Gendernye issledovaniia*, no. 10, pp. 207—225.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Riabova, T. B. (2010) Politicheskii diskurs kak resurs “sozdaniia gendera” v sovremennoi Rossii [Political discourse as a resource “doing gender” in contemporary Russia], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. 8, no. 4, pp. 307—320.
- Riabova, T. B. (2014) “Putin vs Obama”: protivopostavlenie natsional'nykh maskulinnostei kak faktor sovremenno rossiiskogo antiamerikanizma [“Putin vs Obama”: opposition of national masculinities as a factor of contemporary Russian Anti-Americanism], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 63—71.
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2010) Nastoiashchii muzhchina rossiiskoi politiki?: (K voprosu o gendernom diskurse kak resurse vlasti) [Real man of Russian politics?: (On gender discourse as a resource of power)], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 48—63.

- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2013) "Geïropa": gendernoe izmerenie obraza Evropy v praktikh politicheskoi mobilizatsii ["Gayropa": gender dimension of image of Europe in the practices of political mobilization], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 31—39.
- Riabova, T., Riabov, O. (2015) "Gayromaidan": gendered aspects of the hegemonic Russian media discourse on the Ukrainian crisis, *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, no. 1, pp. 83—108.
- Ritter, G., Mellow, N. (2000) The state of Gender Studies in Political Science, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 571 (September), pp. 121—134.
- Shvedova, N. A. (2001) Gendernyi podkhod kak faktor politicheskoi kul'tury [Gender approach as the factor of political culture], in: Malysheva, M. (ed.), *Gendernyi kaleïdoskop*, Moscow: Academia, pp. 271—290.
- Shvedova, N. A. (2002) *Prosto o slozhnom: gendernoe prosveshchenie: Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy* [Simply about the complex: gender education: Essay's on political theory and history], Moscow: Antikva.
- Shvedova, N. A. (2007) Zhenshchiny v SSHA: mekhanizm gendernogo ravenstva [Women in the United States: the mechanism of gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 22—53.
- Shvedova, N. A. (2008) Mekhanizmy gendernogo ravenstva v Kanade [Mechanisms for gender equality in Canada], in: Voronina, O. A. (ed.), *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov*, Moscow: Maks-Press, pp. 463—477.
- Shvedova, N. A. (2009) Rossiia v kontekste tridtsatiletiia Konventsii OON o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin: (Dvoinoi iubilei Bill' o pravakh zhenshchin) [Russia in the context of the thirtieth anniversary of the UN Convention on the elimination of all forms of discrimination against women: The double anniversary of the Bill of Women's Rights], in: *Izmeneniia v politike i politika izmeneniï: strategii, instituty, aktory*. Moscow: RAPN.
- Shvedova, N. A. (2011) Gendernoe ravenstvo v Rossii v XXI veke v kontekste mezhdunarodnykh obiazatel'stv: progress ili upushchennye vozmozhnosti? [Gender equality in Russia in the XXI century in the context of international commitments: progress or missed opportunities?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 22—29.
- Shvedova, N. A. (2014) Mezhdunarodnoe soobshchestvo o gendernom ravenstve [The international community on gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 32—39.
- Skott, D. (2001) Gender: poleznaia kategoriia istoricheskogo analiza [Gender: useful category of historical analysis], in: Zherebkin, S. V. (ed.), *Vvedenie v gendernye issledovaniia: Khrestomatiia*, Khar'kov: CHTSGI; St. Petersburg: Aleteïa, vol. 2, pp. 405—436.
- Smith, A. D. (1991) *National Identity*, Reno: University of Nevada Press.
- Stepanova, N. M. (1999) Opyt ispol'zovaniia gendernykh kvot v stranakh Zapadnoi Evropy [Gender quotas: experience of Western European countries], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 185—192.
- Stepanova, N. M. (2001) Zhenshchiny v politicheskikh partiiakh i parlamente Velikobritanii [Women in political parties and parliament in UK], *Adam i Eva: Almanakh gendernoï istorii*, Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, vol. 2, pp. 71—80.
- Stepanova, N. M. (2003) Politika gendernogo ravenstva v Skandinavskikh stranakh [Policy of gender equality in Scandinavian countries], in: Stepanova, N. M., Kochkina, E. V. (eds), *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Aleteïa, pp. 204—224.
- Stepanova, N. M., Kochkina, E. V. (eds) (2004) *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political system], St. Petersburg: Aleteïa.
- Tickner, J. A. (1992) *Gender in International Relations*, New York: Columbia University Press.

- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost' i evropeiskost' skvoz' prizmu gendernykh identifikatorov [Russianness and Europeaness through the prism of gender markers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.
- Ushakin, S. A. (2007) *Pole pola* [Field of sex], Vil'nius: Izdatel'stvo Evropeiskogo gumanitarnogo universiteta, Moscow: Variant.
- Ushakova, V. G. (2007) Gender i politika: (Na materialakh Sankt-Peterburga) [Gender and politics: Saint Petersburg case], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 13—26.
- Uspenskaia, V. I. (2012) *Feminizm do feminizma: Ideia ravnopraviiia polov v evropeiskikh intellektual'nykh diskussiiakh XV—XVIII v.* [Feminism, before feminism: Idea of gender equality in the discussions of European intellectuals in XV—XVIII c.], Tver': Tverskoï gosudarstvennyi universitet.
- Vinogradova, S. M. (2010) Gosudarstvo, bezopasnost', suverenitet: mezhdunarodnye otnosheniia v zerkale feminizma [State, security, sovereignty: international relations in the prism of feminism], *Politicheskaiia ekspertiza*, vol. 6, no. 4, pp. 34—37.
- Voronina, O. A. (1995) Pol/gender kak kategorii feministскоï filosofii [Sex/gender as categories of feminist philosophy], *Filosofskie issledovaniia*, no. 4, pp. 80—99.
- Voronina, O. A. (1998) *Gendernaia ekspertiza zakonodatel'stva RF o sredstvakh massovoi informatsii* [Russian Law about mass media: gender expertize], Moscow: MTSGI.
- Voronina, O. A. (2004) *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality], Moscow: Editorial URSS.
- Yuval-Davis, N. (1997) *Gender and Nation*, London: Sage Publications.
- Zavershinskaia, N. A. (2010) Gendernye struktury pamiati o sovetskom v distsiplinarnom prostranstve rossiiskogo sotsiama [Gender structure of memory in disciplinary space of Russian society], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 64—78.
- Zavershinskaia, N. A. (2013) Gendernye metafory v mediinom prostranstve v sovremennoi rossiiskoi politike [Gender metaphors in the media space of the contemporary Russian politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—84.
- Zavershinskiĭ, K. F., Zavershinskaia, N. A. (2011) Legitimat'siia gendernogo gospodstva [Legitimizing gender domination], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 73—76.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (1999) Sotsial'noe konstruirovaniie gendera: feminist'skaia teoriia [Social constructing gender: feminist theory], in: Khotkina, Z. A., Pushkareva, N. L., Trofimova, E. I. (eds), *Zhenshchina. Gender. Kul'tura*, Moscow: MTSGI, pp. 46—65.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [Crisis of masculinity in the Late Soviet discourse], in: Ushakin, S. A. (ed.), *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 432—451.

ББК 60.561.3

С. Г. Айвазова

ГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена анализу гендерных особенностей российской массовой политики. Автор видит свою задачу в том, чтобы продемонстрировать взаимосвязь таких внешне разведенных сфер, как гендер и политика, с целью подчеркнуть эвристическую ценность гендера как значимой категории анализа массовой политики. В частности, рассматриваются вопросы о том, каковы особенности взаимодействия россиян — мужчин и женщин — с государством; какой тип политического поведения характерен для мужчин и женщин; влияет ли на их политический выбор гендерная принадлежность, и если влияет, то каким образом.

Ключевые слова: гендер, массовая политика, политика граждан, гендерные особенности политического поведения, гендерные разрывы, гендерная рассогласованность, эмпауэрмент.

S. G. Aivazova. Gender aspect of mass policy

The article presents the analysis of gender peculiarities in Russian mass policy. Its urgency is linked to mass policy as the latter to a great extent determines the run of things and state of minds in present-day world. The latest research focuses attention on essential differences in the existing forms of mass policy differentiating as 2 opposing concepts the so called “mass policy” and “citizens’ policy”. The differences appear thanks to new actors who invade the policy field and institutionally transform political process. The new developments take place thanks to a mass involvement of women into politics. They become independent subjects who consciously declare their ability to be responsible citizens. Using this approach the article considers such questions as: what are the peculiarities of Russia’s people — men and women — interaction with the state; what type mass policy is characteristic of political behavior for men and women; does gender influence their political choice; and if so, in which way.

Ultimately the author sees her aim in demonstrating the interrelation of such outwardly different spheres as gender and politics in order to underline the heuristic value of gender as a meaningful category in analyzing mass policy.

The analysis relies upon the data of sociological surveys including the survey held by the Institute of Sociology RAS, Department of Comparative Political Studies, headed by S. V. Patrushev. The survey was conducted as part of the research project “Institutional problems of mass policy”.

Key words: gender, mass policy, citizens’ policy, gender peculiarities, gender gaps, gender mismatch, empowerment.

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 24—34

© Айвазова С. Г., 2016

Айвазова Светлана Григорьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, г. Москва, Россия, svetlana-ajvazova@yandex.ru (Dr. Sc., Chief Researcher, the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Постановка задачи

Массовая политика в последнее десятилетие во многом определяет положение вещей и состояние умов в современном мире, а потому не может не вызывать интереса исследователей. Последние при изучении ее свойств стали фиксировать внимание на существенных различиях в формах бытования массовой политики, разводя как противоположности так называемую политику масс и политику граждан. В чем состоит противоположность этих форм? Коротко говоря, если главным агентом политики масс является толпа — безликая, гомогенная, лишенная субъектности и подчиненная внешней политической воле, то субъект политики граждан плюралистичен и самодостаточен. Он сконструирован как набор действующих лиц — мужчин и женщин, пожилых и молодых, высоко- и не слишком образованных представителей различных этносов и рас, включенных во множественные отношения, которые, тем не менее, предопределены общими для всех их принципами прав человека и гражданина, равенства, свободы и справедливости.

Эти различия возникают во многом благодаря вторжению в поле политики новых акторов, институционально преобразующих ее, подвергая критическому переосмыслению наследие прошлого и меняя политические практики. Такое переосмысление многим обязано теоретикам, работающим как в русле нового институционализма, постмодернизма, социологии активизма, так и в русле гендерных исследований. Всех их объединяет критический подход к таким моделям политики, которые сопровождаются доминированием одних лиц и дискриминацией других. В числе прочего ими была убедительно продемонстрирована взаимосвязь таких внешне разведенных сфер, как гендер и политика, подчеркнута эвристическая ценность гендера как значимой категории анализа массовой политики.

В рамках нашей темы важно отметить, что гендер при этом концептуализируется как институт, предопределенный внешними нормативными процессами. С этой точки зрения гендер понимается как исполнение должного, предписанного извне. Вместе с тем гендер — это конкретное взаимодействие мужчин и женщин. Только сообща индивиды создают культурные схемы или «смыслы», влияющие на тот или иной характер их взаимодействия. Эти «смыслы» во многом предопределяются теми практиками, в условиях которых они возникают.

Одно из самых очевидных доказательств взаимосвязи гендера и политики — исключение женщин из института гражданства в ходе великих революций XVIII—XIX вв. Это политическое решение, по словам одного из теоретиков гендерной политической теории Д. Скотт, «связало гражданство с маскулинностью и ввело различие полов там, где его нет и не должно быть» [Скотт, 2001: 955]. Именно поэтому женщины «стали видимыми в своем различии в сфере политики только тогда, когда были исключены из нее» [там же]. Политика как способность самоопределения, выбора, обладания правами по традиции оставалась делом исключительно мужчин. Даже тогда, когда женщины врывались в толпы бунтующих масс, как это было во времена крупных исторических потрясений, они не выделялись в них, их требования, их лозунги были теми же, что у всей толпы. Только некоторые из них, такие, например, как француженка Олимпия де Гуж, осмеливались заговорить о правах женщин как неотъемлемой части

прав человека. Их поведение объявляли девиантным, несвойственным «их полу» — «другому» полу, лишенному политических полномочий.

Однако постепенная реализация идей равенства всех людей перед законом, всеобщих прав человека и гражданина становится импульсом к изменению традиционной конструкции гендерных ролей в политике. Вместе с этим массовая мобилизация женщин в политику не как «невидимого другого», а как самостоятельного субъекта, сознательно заявляющего о своей способности быть ответственным гражданином (иными словами, о способности к эмпауэрменту — овладению определенными полномочиями и правами гражданина как соучастника в процессе принятия решений), превращается в знак преобразования политики масс в политику граждан. В этой политике идентификация граждан осуществляется не по признаку гендерной принадлежности, а в соответствии с этико-политическими принципами современной демократии — принципами свободы, равенства, справедливости. Тем самым за «другим» признается право на полноценное существование в массовой политике, основанной на субъектном разнообразии.

Концепт субъектного разнообразия предполагает, что политика может и должна строиться не путем исключения «другого», а, напротив, путем его включения, надления гражданским статусом, полномочиями гражданского участия. Таким образом, ставится под сомнение сам принцип иерархического соподчинения и доминирования как единственно эффективный при отправлении властных полномочий, что, в свою очередь, расширяет поле возможностей для освоения сетевых, не-иерархических форм политической коммуникации и мобилизации.

Методы исследования и материал

Используя данную сетку анализа, я хотела бы рассмотреть вопрос о том, какой тип массовой политики поддерживается нашими соотечественниками — мужчинами и женщинами, влияет ли на их выбор гендерная принадлежность, и если влияет, то каким образом. Основным источником исследования станут материалы опросов общественного мнения, в частности опроса, проведенного Отделом социально-политических исследований под руководством С. В. Патрушева (ИС РАН) летом 2014 г., а также материалы других социологических служб.

Мне уже приходилось доказывать, что основой формирования политики граждан является стратегия эмпауэрмента (эмансипация, расширение возможностей граждан, усиление их влияния), которая возникает путем массовой мобилизации и генерирования власти снизу [Айвазова, 2014b: 75—79], в отличие от политики масс, которая предполагает массовую мобилизацию в ответ на волеизъявление сверху. Очевидно, что политика граждан невозможна в отсутствие актора, наделенного такими гражданскими качествами, как компетентность, ответственность, способность влиять на принятие решений, готовность к участию и действию (agency) в поле политики. Обладают ли такими качествами наши сограждане? В равной ли мере мужчины и женщины как большие социальные группы стремятся (или нет) оказывать давление на политическую элиту с целью обретения больших возможностей для участия в политическом процессе?

В поисках ответа, опираясь на вышеназванный опрос, попробую прояснить, каков уровень гражданской компетентности мужчин и женщин, которая,

как известно, базируется на интересе к политике и осведомленности о ней [Айвазова, 2011]. Ответы на вопрос «Насколько Вы интересуетесь политикой?» показали, что среди респондентов «очень интересуются политикой» (т. е. реально интересуются ею) почти 23 % мужчин и 12 % женщин; «в некоторой степени интересуются политикой» — 43 % мужчин и 49 % женщин (сумма положительных ответов — соответственно 66 и 61 %). Остальные — 34 % мужчин и 39 % женщин — либо очень «мало интересуются политикой», либо «не интересуются ею совсем» (в данном случае в их число попадают и затруднившиеся с ответом). Ощутимый гендерный разрыв в 11 п.п. заметен в первом, самом показательном варианте ответа на этот вопрос. На близкий вопрос: «Считаете ли Вы себя политически информированным человеком?» — были получены такие ответы: «Да» — 19 % мужчин и около 11 % женщин; «Скорее да» — 45 % мужчин и 39 % женщин (сумма положительных ответов — соответственно 64 и 50 %). 36 % мужчин и 50 % женщин ответили «Скорее нет» или признали себя политически «совсем не информированными». И здесь очевидны весомые гендерные разрывы.

Для данного сюжета важно обнаружить некую тенденцию в отношении наших соотечественников к политике, поэтому предлагаю обратиться к опросу общественного мнения, который был осуществлен той же командой С. В. Патрушева в 2009 г. Отвечая на аналогичный приведенному вопросу о степени их интереса к политике, 23 % мужчин и 9 % женщин заявили тогда, что они политикой «очень интересуются»; 19 % мужчин и 14 % женщин — «интересуются» ею (сумма положительных ответов — соответственно 42 и 23 %). В то же время 46 % мужчин и 58 % женщин ответили, что «скорее не интересуются»; 10 % мужчин и 16 % женщин — «совсем не интересуются» политикой (соответственно 56 и 74 %). Иными словами, более половины мужчин и три четверти женщин в 2009 г. считали политику «не интересной» для себя сферой. При этом разница положительных ответов между двумя опросами (2014—2009 гг.) у мужчин составила 24 п.п., у женщин — 38 п.п., разница отрицательных ответов у мужчин составила 20 п.п., у женщин — 24 п.п.

Налицо явный рост интереса к политике и у мужчин, и у женщин, причем у последних — в значительно большей степени. Какова же направленность этих перемен, случившихся в годы перехода от президентства Д. А. Медведева к третьему сроку президентства В. В. Путина, включающих ситуацию на Украине и связанные с ней информационные войны? В этих условиях, на мой взгляд, важно учитывать такой фактор, как источник получаемой человеком информации. При опросе в 2014 г. наши респонденты сообщили, что большая часть из них (практически в равных долях — по 38 % мужчин и женщин) получают информацию из газет. Из Интернета получают информацию около 25 % мужчин и 16 % женщин (гендерный разрыв в 9 п.п. с лидерством мужчин). Женщины, в свою очередь, чаще получают информацию от друзей, знакомых, сослуживцев — почти 31 % против 24 % мужчин; из телепередач — 11 % женщин против 8 % мужчин. Понятно, что политическая информированность у мужчин более выверена, критически заострена, чем у женщин. Оценивая в целом эту совокупность ответов, можно прийти к выводу, что женщины, несмотря на явный рост

интереса к политике, остаются политически менее компетентными по сравнению с мужчинами.

Проявляются ли сходные тенденции в гендерных разрывах по вопросам осведомленности о политике? Одним из самых показательных примеров в этом плане должна быть, с моей точки зрения, интерпретация нашими респондентами важнейшего для современности концепта демократии. Вопрос «Что такое демократическое правление?» разделил их на следующие группы: ответ «Властные функции осуществляются профессионалами» выбрали около 14 % мужчин и 18 % женщин; ответ «Граждане принимают политические решения сами» — 19 % мужчин и 10 % женщин; ответ «Народ осуществляет свою власть через своих избранников» — 41 % мужчин и 40 % женщин; ответ «Власть осуществляет лидер, избранный большинством народа» — 17 % мужчин и 18 % женщин. При определенном сходстве мужских и женских представлений о демократии явно обнаруживается склонность и мужчин, и женщин скорее передавать властные полномочия своим избранникам, чем пытаться самим влиять на власть. Однако среди мужчин почти в два раза больше сторонников прямого участия и действия, чем среди женщин.

Отвечая на вопрос «Что важнее для России: развитие демократии или сильный лидер?», 41 % мужчин и 36 % женщин предпочли позицию «демократия», 44 % мужчин и 47 % женщин — «сильный лидер». Затруднились ответить 15 % мужчин и 17 % женщин. Ответы снова подтверждают сделанный ранее вывод о большей готовности женщин поддержать авторитарную власть. Вместе с тем утверждение «Решение наиболее важных для общества вопросов нельзя доверять только политикам» получило примерно равную поддержку мужчин и женщин: за него высказались примерно по 73 % тех и других. Близкое к нему утверждение «Надо чаще проводить референдумы, чтобы знать мнение людей» поддержали 67 % мужчин и 71 % женщин. С другой стороны, утверждение «Правительству следует действовать без оглядки на то, что думает большинство» одобрили только 10 % мужчин и 8 % женщин. В то же время утверждение «Попытка реализовать любые политические идеи, кроме идей власти, ведет к беспорядку» встретило понимание со стороны 24 % мужчин и 26 % женщин. Сопоставление всех этих ответов свидетельствует о неустойчивости, неоднозначности политических позиций наших сограждан — и мужчин, и женщин, при более выраженной сумятице представлений у женщин. С этой точки зрения показательны и то, как ответили респонденты на утверждение «Решить насущные проблемы россиян способен только президент». С ним согласились 18 % мужчин и 17 % женщин. Не согласились в равной мере по 70 % мужчин и женщин. Иными словами, реакция наших респондентов на эти утверждения свидетельствует об их желании быть услышанными теми, кто принимает государственные решения, и даже влиять на эти решения. Ведь и мужчины, и женщины совершенно четко осознают свою отстраненность (точнее — отчужденность) от того, что происходит в стране. Отвечая на вопрос «От кого зависели перемены в России с 2000 г.?», примерно равное число мужчин и женщин — около 70 % — выбрали ответ «От лидеров страны»; по 12 % мужчин и женщин — «От государственных чиновников». Остальные ответы оказались на уровне статистической

погрешности. На какие же сферы жизни, тем не менее, хотели бы влиять наши респонденты? Их ответы выглядели следующим образом:

— *распределение бюджета* — 55 % мужчин и 52 % женщин. При этом 28 % мужчин и 32 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *пенсионная политика* — 53 % мужчин и 64 % женщин. 32 % мужчин и 24 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *политика в области здравоохранения* — 60 % мужчин и 71 % женщин. 27 % мужчин и 17 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *политика в сфере образования* — 58 % мужчин и 65 % женщин. 29 % мужчин и 21 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *культурная политика* — 51 % мужчин и 53 % женщин. 32 % мужчин и 27 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *экономическая политика* — 51 % мужчин и 43 % женщин. 32 % мужчин и 37 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *внешняя политика страны* — 46 % мужчин и 34 % женщин. 36 % мужчин и 47 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело».

Итак, значительное число респондентов — от двух третей до половины — особо волнуют такие проблемы, как пенсионная политика, здравоохранение и образование. Поэтому они, особенно женщины, хотели бы иметь влияние в этих сферах, которые непосредственно затрагивают их повседневную жизнь. Что они готовы делать для этого уже сегодня? О готовности наших респондентов к участию в местных органах власти было можно судить по их ответам на следующий вопрос: «Предположим, Вы устали от проблем в Вашем микрорайоне и у вас есть свободное время. Попробуете ли Вы стать муниципальным депутатом?» Ответ «Да» выбрали около 19 % мужчин и 14 % женщин. Понятно, что наши сограждане не рвутся к ответственности на муниципальном уровне, хотя это уровень, в значительной степени определяющий условия повседневной жизни людей.

Исходя из того, что в ответах на предложенные им вопросы 66 % мужчин и 69 % женщин заявляют, что участие в политике — их право, а также что почти 25 % мужчин и 29 % женщин расценивают участие в политике вообще как обязанность гражданина, можно предположить, что наших респондентов больше привлекает партийно-политическая деятельность. Так сколько же из них лично участвуют в работе тех или иных политических объединений? Положительно ответили на этот вопрос только 16 % мужчин и около 8 % женщин. Одновременно, отвечая на вопрос «Считаете ли Вы себя политически активным человеком?», ответ «Да» выбрали 26 % мужчин и 14 % женщин (обращаю внимание и на эти существенные гендерные разрывы, которые говорят о гораздо меньшей склонности женщин к политической активности).

Известно, что наиболее распространенная и привычная форма участия наших сограждан в политике — это выборы. Примерно две трети избирателей участвуют в них практически всегда, при этом женщины отличаются большей дисциплинированностью [Айвазова, 2014а: 269]. Каковы же мотивы электоральной активности наших сограждан? Большинство респондентов — 70 % мужчин и 78 % женщин — выбрали ответ «Желание реализовать право выбора». Следующим по значимости стал ответ «Хочу влиять на политику страны».

Его предпочли 67 % мужчин и 65 % женщин. О том, что они хотят своим голосованием выразить недовольство действующей властью, сообщили 55 % мужчин и 56 % женщин. Напротив, о том, что они хотят поддержать действующую власть, сообщили 34 % мужчин и 37 % женщин. Ответ «Привычка» выбрали в равной мере по 32 % мужчин и женщин*.

Итак, практически две трети респондентов, судя по их ответам, хотели бы «влиять на политику страны». Но каким образом? Посмотрим на то, как распределились ответы респондентов на следующий вопрос: «Если Вы стремитесь к тому, чтобы в будущем к власти пришли политики/партии, выражающие Ваши интересы, что конкретно Вы готовы сделать уже сейчас?» Заявили о готовности:

— создавать политические партии, выражающие их интересы, 9 % мужчин и 6 % женщин;

— помогать своим партиям и политикам, работающим в представительных органах, 12 % мужчин и 7 % женщин;

— пропагандировать идеи политиков/партии среди знакомых, в Интернете 11 % мужчин и 13 % женщин;

— создавать группы сторонников в социальных сетях 4,4 % мужчин и 3,6 % женщин;

— участвовать в деятельности партии 7,3 % мужчин и 6,7 % женщин;

— участвовать в политических акциях 9,2 % мужчин и 5,6 % женщин.

Ответ «Не стремлюсь» выбрали 46 % мужчин и 58 % женщин.

В целом в этом наборе ответов 54 % мужчин и 42 % женщин заявили о своей готовности способствовать тому, чтобы в будущем к власти пришли те политики или партии, которые выражают их интересы. 46 % мужчин и 58 % женщин к этому не стремятся. Обнаруженный гендерный разрыв еще раз подтверждает, что мужчины политически существенно более активны, чем женщины. Кроме того, важно подчеркнуть, что данные о готовности респондентов к поддержке «своих» в поле политики явно не совпадают с приведенными выше данными об их реальном участии в деятельности тех или иных политических объединений.

Столь же значим для сюжета статьи и вопрос о том, как выглядит в гендерном разрезе готовность наших сограждан к массовому протесту. Здесь важны следующие ответы: более половины респондентов — 57 % мужчин и 45 % женщин — заявляют, что они «Весьма вероятно» и «Вероятно» примут участие в массовых протестных акциях, схожих с теми, что проходили в 2011—2012 гг.; ответ «Маловероятно» и «Исключено» выбирают 36 % мужчин и 42 % женщин. В то же время на вопрос «Когда в Вашем городе, районе бывают митинги, демонстрации или другие выступления граждан с политическими требованиями, Вы лично принимаете в них участие?», положительно отвечают 23 % мужчин и 16 % женщин; отрицательно — 53 % мужчин и 62 % женщин. Между желанием участвовать в массовых протестах и реальным участием в них и у мужчин, и у женщин вновь очевидно существенное несовпадение. С другой стороны, готовность поддержать политику властей на массовых митингах выразили в ответах на соответствующий вопрос по 28 % опрошенных мужчин и женщин; 51 % мужчин и 45 % женщин ответили, что не готовы.

* Респонденты могли выбрать несколько ответов на данный вопрос.

Сведя воедино всю совокупность вышеприведенных ответов, приходится признать, что большинство респондентов не готовы проявлять активность в политике. Не случайно около 66 % мужчин и 78 % женщин отказались признать себя «политически активным человеком». Ответ «Да, считаю» выбрали в этом случае около 26 % мужчин и только 14 % женщин. Ответ подтверждает уже зафиксированную тенденцию к меньшей политической ангажированности женщин и их очевидно меньшую склонность к политическому действию.

Почему же наши сограждане, почти две трети которых изъявляют желание влиять на политику в стране, в основной своей массе уклоняются от действий и прямой ответственности в политической жизни, за исключением голосования на выборах? Респонденты объясняют причины своей «непричастности» таким образом:

— примерно по 22 % мужчин и женщин говорят, что им это «неинтересно»;

— около 15 % мужчин и 14 % женщин считают, что «нет реальных инструментов влияния на власть»;

— 14 % мужчин и около 18 % женщин утверждают, что «не умеют пользоваться своими политическими правами»;

— около 13 % мужчин и 8 % женщин заявляют, что «в России нет политической жизни»;

— 7 % мужчин и 11 % женщин полагают, что «власть принимает решения быстрее и эффективнее, чем граждане»;

— около 8 % мужчин и 7 % женщин «не имеют времени, заняты другими делами».

Иначе говоря, около 40 % мужчин и столько же женщин попросту исключают политику из сферы своих жизненных интересов и открыто признают этот факт. И примерно столько же ссылаются на несовершенство существующей политической системы и свое неумение пользоваться политическими правами. Одновременно при таком высоком уровне политической непричастности примерно равное число мужчин и женщин — около 60 % тех и других — основную «моральную ответственность за положение дел в стране» возлагают на «власть» и только около четверти мужчин и такое же количество женщин — на «народ».

Теперь предлагаю сопоставить ответы, полученные в ходе опроса, проведенного под руководством С. В. Патрушева летом 2014 г., с данными двух опросов, проведенных Левада-центром в январе и марте 2015 г. Первый из них касался проблем повседневной жизни россиян. Отвечая на традиционный вопрос Левада-центра «От чего зависит благополучие человека», ответ «От самого человека» выбрали 60 % опрошенных, 35 % высказались за ответ «От справедливого устройства общества». В 1991 г. последний вариант ответа выбрали 51 % респондентов, первый же — только 37 % [Мы стали больше полагаться на себя]. Казалось бы, налицо явная тенденция к росту «самостояния» наших сограждан. Однако, комментируя результаты этого опроса, глава центра Л. Гудков советует не спешить с оптимистическими выводами: «Для населения России характерен сильнейший государственный патернализм. Мы постоянно фиксируем расхождения между представлениями о том, как “должно быть устроено общество” (государство обязано обеспечить определенный уровень жизни, предоставить

гарантии в сфере медицины, работы, жилья), и тем, как оно, с точки зрения граждан, устроено в действительности. 65—70 % придерживаются убеждения, что государство должно обеспечить все вышеназванное, но при этом трезво оценивают ситуацию, знают, что власть их наверняка обманет, не выполнит своих обещаний» [там же]. Показательно, что, как бы в подтверждение точки зрения социолога, в марте 2015 г., отвечая на вопрос Левада-центра «Как должны строиться отношения между государством и гражданами», 45 % мужчин и 50 % женщин выбрали ответ «Государство должно заботиться обо всех своих гражданах». Еще на один вопрос: «На каком из следующих принципов должно быть устроено общество, в котором Вы хотели бы жить?» — были даны следующие ответы: «Власть должна заботиться о людях» — 73 % мужчин и 72 % женщин; «Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно» — по 25 % мужчин и женщин. Не менее показательные ответы были даны на вопрос «Как бы Вы определили свои отношения с властью?». Первый вариант ответа: «Вступая в контакт с властью, Вы добиваетесь того, что Вам нужно» — выбрали 11 % мужчин и 9 % женщин. Второй: «Ваша жизнь во всем зависит от власти» — по 25 % мужчин и женщин. Третий: «Вы живете, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью» — 57 % мужчин и 54 % женщин. Тракуя на фоне других последний вариант ответа, логично предположить, что в данном случае речь идет не столько о развитии тенденции к «самостоянию» наших сограждан в поле политики, сколько об их отчужденности от сферы властных отношений. Наконец еще один вопрос: «Готовы ли Вы лично участвовать в политике?» — привел к таким результатам. 23 % мужчин и 22 % женщин выбрали ответ «Определенно да» и «В какой-то мере да»; 70 % мужчин и 72 % женщин — «Скорее нет» и «Определенно нет» [Как должны складываться отношения...]. Отмечу, что реакция респондентов на опросы Левада-центра в марте 2015 г. выглядит более гендерно-согласованной, чем в нашем опросе 2014 г. «Сильный лидер, апеллирующий, прислушивающийся к народу» — таков на сегодня предпочтительный вариант политического режима для наших соотечественников — и женщин, и мужчин.

Результаты исследования

Анализ позиций россиян по вопросам, связанным с их политическим участием и действием, на мой взгляд, дает основание прийти к выводу о том, что они выглядят достаточно противоречивыми. А такая стратегия, как эмпауэрмент, означающая стремление граждан к расширению своего влияния на политические процессы, является в большей мере проблемой, чем признаком массовой политики в России. На эту ситуацию, разумеется, всерьез влияют гендерные разрывы во взглядах и поведении наших сограждан. Ведь женщины, позиция которых отличается большим конформизмом, меньшей политической ангажированностью, меньшей способностью к критической оценке политических явлений, составляют и большинство населения страны, и более весомую часть ее электората. Но, похоже, дело здесь не только в гендерной рассогласованности политического выбора россиян. Значимым фактором особенностей взаимодействия россиян — мужчин и женщин — с государством остается еще и их общее «не-самостояние», некая робость перед всемогуществом левиафана.

Опросы общественного мнения, и наши, и проведенные коллегами, подтверждают эвристическую значимость высказываний А. С. Ахиезера — одного из самых прозорливых отечественных культурологов, сделанных им еще на заре перестройки. Уже тогда, оценивая потенциальные возможности реформ в сфере политики, он утверждал, что реформы натолкнутся на неспособность российского общества к «возвышению людей до сложности проблем, которые им придется решать», — к развитию частной инициативы, готовности брать на себя ответственные решения, к эффективным новациям в политической сфере [Ахиезер, 1997: 792—793], иными словами — к некоей смене ролей во взаимодействии граждан с государством, к их эмансипации, эмпауэрменту. Слабое влияние граждан на процессы принятия решений, по мнению политолога К. Вельцеля, обращает процессы демократизации вспять: «Демократизация маловероятна, если массы неспособны преодолеть нежелание властей наделять их правами и возможностями» [Вельцель, 2015: 160]. Политологи М. С. Фиш и Дж. Виттенберг, специально изучавшие факторы «обращения демократизации вспять», среди прочего выделяли низкий статус и уровень социального сознания женщин и особо подчеркивали: «Сокращайте неравенство между полами, даже если это требует продолжительных усилий, а в короткие сроки не станет источником чудесных изменений» [Фиш, Виттенберг, 2015: 431].

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / отв. ред. С. В. Патрушев. М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. С. 231—237.
- Айвазова С. Г. Избирательный цикл 2011—2012 гг.: о чем говорят гендерные разрывы // Пути России. Новые языки социального описания: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2014а. Т. 19. С. 266—279.
- Айвазова С. Г. Эмпауэрмент как признак и проблема современной политики // Политическая наука. 2014б. № 4. С. 75—95.
- Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Новосибирск: Новосибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
- Вельцель К. Теории демократизации // Демократизация: учебное пособие / под ред. К. В. Харпфера, П. Бернхагена, Р. Ф. Инглхарта, К. Вельцеля. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 148—178.
- Как должны складываться отношения между гражданами и государством. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/socdem_4.pdf (дата обращения: 23.08.2015).
- Мы стали больше полагаться на себя. URL: <http://www.levada.ru/23-01-2015/my-stalibolshe-polagatsya-na-sebya> (дата обращения: 23.08.2015).
- Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 946—962.
- Фиш М. С., Виттенберг Дж. Неудавшаяся демократизация // Демократизация: учебное пособие / под ред. К. В. Харпфера, П. Бернхагена, Р. Ф. Инглхарта, К. Вельцеля. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 425—444.

References

- Aïvazova, S. G. (2011) Genderное grazhdanstvo, aktivnost' i izmenenie genderного poriadka [Gender citizenship, activity, and transformation of gender order], in: Patrushev, S. V. (ed.) *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoï Rossii: vosproizvodstvo i transformatsiia institutional'nogo poriadka*, Moscow: RAPN, ROSSPEN, pp. 231—237.
- Aïvazova, S. G. (2014a) Izbiratel'nyï tsikl 2011—2012 gg.: o chëm govoriat gendernye razryvy [Electoral cycle, 2011—2012: what do gender gaps speak about], in: *Puti Rossii. Novye iazyki sotsial'nogo opisaniia*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, vol. 19, pp. 266—279.
- Aïvazova, S. G. (2014b) Empowerment kak priznak i problema sovremennoï politiki [Empowerment as marker and a problem of contemporary mass politics], *Politicheskaia nauka*, no. 4, pp. 75—95.
- Akhiezer, A. S. (1997) *Rossia: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: critique of historical experience], Novosibirsk: Novosibirskii khronograf, vol. 1.
- Vel'tsel', K. (2015) Teorii demokratizatsii [Theories of democratization], in: Harpfer, K. V., Bernkhagen, P., Inghart, R. F., Vel'tsel', K. (eds), *Demokratizatsiia*, Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki, pp. 148—178.
- Skott, Dzh. (2001) Nekotorye razmyshleniia po povodu gendera i politiki [Some considerations on gender and politics], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Introduction to gender studies], Khar'kov: KHTSGI, St. Petersburg: Aleteïia, part 2, pp. 405—436.
- Fish, M. S., Vittenberg, Dzh. (2015) Neudavshaiasia demokratizatsiia [Failed democratization], in: Harpfer, K. V., Bernkhagen, P., Inghart, R. F., Vel'tsel', K. (eds), *Demokratizatsiia*, Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki, pp. 425—444.

Статья поступила 24.11.2015 г.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ББК 60.59

Н. К. Радина, Н. В. Ким, А. В. Поршнев

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (Сравнительный анализ 2002—2014 гг.)

Исследование является частью научного проекта «Региональная идентичность в условиях социально-экономических изменений (На примере Нижегородской области 2002—2014 гг.)». Оно раскрывает гендерные аспекты субъективного взгляда респондентов на проблемы городского развития и характеризует социально-психологический потенциал изучаемой территории. Авторы утверждают, что, представляя позиции большинства, мужчины и женщины формулируют наиболее гендерно-стереотипные установки в области развития города, а при артикуляции индивидуальных

© Радина Н. К., Ким Н. В., Поршнев А. В., 2016

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00617.

Радина Надежда Константиновна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, nradina@hse.ru (Dr. Sc., Cand. Sc., Professor at the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication, Nizhniy Novgorod Branch of National Research University “Higher School of Economics”, Nizhniy Novgorod, Russia).

Ким Наталья Викторовна — преподаватель кафедры маркетинга, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, natalia.kim1987@mail.ru (lecturer at the Department of Marketing, Nizhniy Novgorod Branch of National Research University “Higher School of Economics”, Nizhniy Novgorod, Russia).

Поршнев Александр Валерьевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, aporshnev@hse.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of General and Strategic Management, Nizhniy Novgorod Branch of National Research University “Higher School of Economics”, Nizhniy Novgorod, Russia).

приоритетов ориентируются на эгалитарный нестереотипный выбор. Отмечается, что экологическая доминанта в области ценностей и приоритетов городского развития как у мужчин, так и у женщин объединяет их ментальные концепты и реальные действия в ценностно-смысловом пространстве.

Ключевые слова: гендер, солидарность, альтруизм, городское развитие, социальная интеграция, провинция.

N. K. Radina, N. V. Kim, A. V. Porshnev. Gender aspects of provincial city-dwellers' integration in the context of territory development (Comparative analysis of the period between 2002—2014)

The study presented in the article is a part of the research project “Regional identity in terms of socio-economic changes (On the example of Nizhniy Novgorod region, 2002—2014 years)”. It reveals gender aspects of participants' subjective opinions towards problems of urban development and characterizes social and psychological potential of the studied area. The study involved provincial cities residents — citizens of regional center and small towns of the Nizhniy Novgorod region. The first stage was based on a sample of 516 people (49 % women, 51 % men, 2002), the second stage — on a sample of 366 people (63 % women, 37 % men, 2014). Participants formulated their own vision of the majority opinion on the prospects of the city, expressed their individual views on urban development programs, stated areas where they were willing to show personal participation, which allowed to determine the changes in the indices of ego-activity, altruism and solidarity of citizens in the past 12 years. Based on the results of the study the article states that, presenting the position of the majority, men and women articulate gender stereotyped attitudes about city development. However, while formulating individual urban development priorities citizens are focused on egalitarian non-stereotypical choices. An analysis of attitudes towards the activity in the field of urban development shows that women are focused on humanitarian priorities, and they believe that society is becoming more focused on “male values”. Over the 12 years the women under study, while maintaining the overall activity, have become more independent, without solidarity and are not ready for altruistic behavior. Men — residents of provincial towns — consistently include safety into public priorities and adopt conservative positions in the area of “male activities” and tend to share the practice of “failed masculinity”. For 12 years, men have become less solidary and altruistic. We can conclude that the ecological dominance in the values and priorities of urban development among both men and women unites their mental concepts and real actions.

Key words: gender, solidarity, altruism, city development, social integration, province, environmental awareness.

Введение

Гендерные исследования города — одно из активно развивающихся направлений в русле «urban studies» [Кодина, 2009; Константинова, 2009; Полюшкович 2010; Рябова и др., 2013; Цалко, Рябова, 2010; Михайлина, 2003], а изучение гендерных аспектов социального развития «региональных территорий», провинциальных городов в России представляет особый интерес.

В социальных исследованиях территории в социально-экономической географии, социологии, политологии полюс, терминологически маркирующий дихотомическую противоположность центру, достаточно тщательно проработан [Жизнь провинции, 2011; Каганский, 1998; Дзякович, 2010; Юдин, 2006; Комова, 2014; Грицай и др., 1991; Панасюк, Руденко, 2005]. «Не центр» — это и окраина, и провинция, и периферия, и в целом регионы. Одна из основных концепций в данном ключе — модель Дж. Фридманна описывает центр (емкий, но технологически и социально передовой) и периферию (огромную, слабо развитую территорию с замедленной модернизацией), которая потребляет инновации, порождаемые центром, в обмен на ресурсы [Friedmann, 1966a, 1966b; Friedmann, Alonso, 1964].

Российская провинция, или периферия, как научный объект достаточно часто оказывается в центре внимания экономистов, географов, демографов [Нефёдова, 2008; Трейвиш, 2001; Мкртчян, Карачурина, 2013а, 2013б; Дзякович, 2010; Шевцова, Тугаров, 2015]. Подчеркивается, что ее особенностями являются редкая заселенность, поляризация пространства, невозможность контроля за всей территорией, отставание в развитии инфраструктуры и сервисного сектора за пределами крупных городов [Нефёдова, 2008], низкая горизонтальная связанность периферийных регионов, низкая миграционная мобильность, при этом региональные промышленные города служат центрами притяжения для сельского населения [Мкртчян, Карачурина, 2013а, 2013б; Пядухов, 2013].

Провинциальный город в научном дискурсе характеризуется посредством зависимости (как зависимый от узкого круга промышленных предприятий, несамостоятельный в политических инициативах, жертвующий бюджетом культуры и ориентированный на демодернизацию образа жизни), а также как «благодатная почва для культуры самодостаточности», которая способна «молчаливо оппонировать государству» [Вагин, 1997].

Способность к противостоянию провинциального города государству описывается и в других исследованиях. Ю. М. Плюснин отмечает, что провинциальный город характеризует высокая солидарность, которая может быть условием успешного развития местного самоуправления и нечувствительности к гражданским инициативам государства [Плуснин, 2013].

Однако «молчаливое оппонирование» не всегда позитивно оценивается исследователями: так, отказ от переезда в столичные города со стороны жителей провинциальных депрессивных городов, их «провинциальная укорененность», рядом исследователей может быть прочитана как пассивность, застойность, культурная неадекватность и даже «социальная дефективность» [Мезенцева, Косларская, 1998].

На уровне обыденного мышления россияне, согласно опросу 2006 г., термин «провинция» понимают многозначно [Шмерлина, 2007]:

— в территориальной оппозиции «провинция — центр» (при этом 7 % россиян называют провинцией все, кроме Москвы, а 15 % считают, что провинция находится вдали от крупных городов);

— как неурбанизированную территорию (не-город — 24 %, пригороды — 5 %, глубинка — 2 %);

— в контексте низкой ресурсности (оторванность от культуры — 4 %, низкий уровень жизни — 5 % и т. д.);

— в контексте определений остенсивных (Урюпинск и т. п. — 5 %, «где я живу» — 7 % и т. п.) или романтических («где жизнь спокойнее» — 2 % и т. п.);
— на основе формальных подходов («малый город» — 9 %).

При определении провинции проблематизируются преимущественно политическая и экономические составляющие (зависимость, контроль, ресурсы), в то время как обыденное мышление связывает провинциальность с амбивалентной «домодернизированной» неурбанизированностью. К позитивному полюсу неурбанизированности относят «спокойную жизнь» и «хорошую экологию» провинциальных городов (как правило, малых), несмотря на то что исследователи считают провинциальные города весьма разнородными, противопоставляя, к примеру, малые исторические и малые индустриальные города, копирующие столичный образ жизни [Ляхова, 2006]. Очевидность существования проэкологической доминанты у провинциальных горожан поддерживают социально-психологические исследования, доказывающие, что «природная доминанта» взрослых строится на их детском опыте (дети, постоянно проводящие время на природе, что более доступно жителям менее урбанизированных регионов, в зрелом возрасте сохраняют свои предпочтения) [Cheng, Monroe, 2012; Wells, Lekies, 2006; Thompson et al., 2008]. Такие личностные особенности, как открытость, законопослушность, добросовестность и эмоциональная лабильность — стереотипные характеристики провинциальных жителей, по данным психологов, положительно связаны с озабоченностью экологическими вопросами [Swami et al., 2011].

Организация эмпирического исследования

Наше исследование является частью научного проекта «Региональная идентичность в условиях социально-экономических изменений (На примере Нижегородской области 2002—2014 гг.)», в рамках которого изучалась динамика показателей символического, социально-психологического и политического уровней (измерений) территориальной идентичности. В статье представлены некоторые результаты, полученные благодаря использованию анкеты «Приоритеты регионального развития».

Анкета, состоящая из 25 утверждений, описывающих возможные направления развития территории, имела нестандартную форму, а именно: ответы на вопросы давались в трех модальностях («важно для меня», «важно для большинства жителей» и «готов принять участие»). Кроме того, не было ограничений по числу выборов для каждой модальности (можно было пометить как значимые все 25 направлений, несколько или всего одно). Благодаря этому оказалось возможно не только получить информацию о доминирующих приоритетах развития территории, но также проанализировать согласованность позиций «важно для меня» — «важно для большинства жителей» (что, как известно, является показателем солидарности со своим сообществом) [Molm et al., 2007], «важно для меня» — «готов принять участие» (что характеризует установки на реализацию индивидуальных ценностей), «важно для большинства жителей» — «готов принять участие» (что характеризует альтруистические установки выборки) [Worchel et al., 1999]. В качестве показателя, проявляющего согласованность математически, использовался коэффициент взаимной сопряженности Пирсона.

Итак, участники исследования заполняли данную анкету трижды: во-первых, отмечали направления, которые, как им кажется, значимы для развития населенного пункта с точки зрения всех жителей территории; во-вторых, направления, которые представляются значимыми только им лично; в-третьих, направления, которые кажутся привлекательными для активного персонального участия. На основе заполненных анкет были определены приоритеты в развитии территории, а также коэффициенты:

— солидарности (мера сопряженности общих и индивидуальных предпочтений в приоритетах развития города; соотношение выборов «важно для большинства жителей» — «важно для меня»);

— активности (соотношение выборов «важно для меня» — «готов принять участие»);

— альтруизма (мера сопряженности установок реализовывать то, что горожанин считает значимым для других; соотношение выборов «важно для большинства жителей» — «готов принять участие»).

Исследование проходило в 2 этапа. Первый этап (2002 г.) базировался на выборке 516 человек (женщин — 49 %, мужчин — 51 %). Второй этап (2014 г.) базировался на выборке 366 человек (женщин — 63 %, мужчин — 37 %). Выборка формировалась случайным образом по территориальному принципу и зависела от готовности опрашиваемых безвозмездно предоставлять данные, характеризующие собственную позицию в отношении региона. И в 2002 г., и в 2014 г. исследование включало жителей как областного центра (мегаполис Нижний Новгород), так и 16 городов Нижегородской области (Арзамас, Балахна, Бор и др.). Таким образом, контекст изучаемой территории города обусловил соотнесение данного проекта с теоретическим полем «городские исследования».

Понимание горожанами общих приоритетов городского развития

Как правило, изучая ценности или предпочтения, в социологии и социальной психологии используют ранжирование или другие техники, принуждающие респондентов к определенным ограничениям в выборе. Поскольку избранная в исследовании техника сбора данных предполагала установление согласованности между шкалами для понимания отношений солидарности, альтруизма и эго-активности горожан, при заполнении бланка респонденты не имели ограничений. В результате позиция, характеризующая в бланке мнение большинства, получила максимальное число пометок, позиция с данными об индивидуальных предпочтениях — значительно меньше, а позиция с отметками об активности респондентов — наименьшее число выборов. Обработка всех бланков за 2002 и 2014 гг. показывает изменения в суждениях респондентов относительно приоритетов развития территории «для большинства», непосредственно для респондента, а также показатели готовности принимать участие в программах развития города, т. е. изменения, затрагивающие и смещение акцентов в приоритетах, и частотность упоминания тех или иных позиций.

При заполнении той части анкеты, которая, с точки зрения респондентов, характеризовала мнение большинства горожан, были получены наиболее значительные различия между группами мужчин и женщин (табл. 1).

Таблица 1

Общие приоритеты горожан в развитии региона и города, %

Приоритеты развития города	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Нижегородская ярмарка	82	94 ^{***}	79	90 ^{**}
Инициативы культуры	87	90	81	89
Сохранение природы	89	87	83	86
Сохранение истории	83	87	79	81
Госзаказы оборонной промышленности	68	83 ^{***}	77	82
Поддержка предприятий	87	90	91	86
Экология города	90	87	84	82
Объединение Поволжья	68	80 ^{**}	66	87 ^{***}
Международное сотрудничество	76	92 ^{***}	78	88 [*]
Дети и молодежь	86	82	79	83
Страховая медицина	92	88	87	86
Сохранение веры и храмов	64	82 ^{***}	62	81 ^{***}
Борьба с преступностью	88	84	90	90
Дороги и связь	83	89	83	82
Развитие торговли	66	84 ^{***}	70	81 [*]
Развитие сельского хозяйства	89	87	90	84
Социальное обеспечение	86	88	85	86
Бесплатное образование	90	90	88	86
Власть без криминала	87	88	88	87
Борьба с коррупцией	86	91	92	89
Жилищные программы	85	89	85	84
Ответственность чиновников	77	87 ^{**}	81	87
Развитие бизнеса	72	87 ^{***}	74	87 ^{**}
Свобода СМИ	73	84 ^{**}	70	86 ^{***}
Подготовка кадров для столицы	68	87 ^{***}	62	87 ^{***}

Значимость различий (критерий χ^2) между срезами 2002 и 2014 гг.: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

При характеристике общих приоритетов горожанки в 2002 г. за наиболее значимые для города выдавали ценности традиционной «женской культуры»: доступную медицину (92 %), образование (90 %), сохранение экологии (90 %), т. е. не выходили за рамки приоритетов своей социальной группы. Среди наименее значимых для города, с точки зрения горожанок, оказались преимущественно «мужские приоритеты»: поддержка оборонной промышленности (68 %), отток кадров в столицу (68 %), торговля (66 %), а также сохранение веры и храмов

(64 %). В 2014 г. горожанкам показались приоритетными развитие Нижегородской ярмарки (94 %), международное сотрудничество (92 %) и борьба с коррупцией (91 %); менее приоритетными — интеграция Поволжья (80 %), детские и молодежные программы (82 %), сохранение веры и храмов (82 %) (так называемые символические приоритеты).

Мужчины-горожане в 2002 г. полагали, что город заинтересован в борьбе с преступностью (90 %) и коррупцией (92 %), в поддержке промышленных предприятий (91 %). Меньшая заинтересованность со стороны горожан, с точки зрения мужчин, возможна в области оттока кадров в столицу (62 %), торговли (70 %), интеграции Поволжья (66 %). В 2014 г. к наиболее значимым областям мужчины отнесли развитие Нижегородской ярмарки (90 %) и борьбу с преступностью (90 %), к наименее значимым — торговлю (81 %), сохранение истории (81 %), веры и храмов (81 %).

Прошедшие 12 лет социально-экономических изменений «женский взгляд» на развитие города переориентировали с гуманитарных приоритетов (образование, здравоохранение, экология) на символические, не изменив при этом принципиально «мужской взгляд». По мнению мужчин, провинциальный город не готов к оттоку кадров в центр, пренебрегает развитием торговли, религиозными традициями и историей, т. е. вполне вписывается в исследовательский дискурс обличения провинциальной пассивности [Мезенцева, Косларская, 1998].

Индивидуальные приоритеты городского развития

Поскольку заполнение анкеты «Приоритеты городского развития» не предполагало ограничений по числу выборов, результаты показали, насколько существенно сужался круг приоритетов городского развития, когда речь заходила об индивидуальном интересе респондентов (табл. 2).

Горожанки за 12 лет практически не изменяют свои индивидуальные приоритеты (и в 2002 г., и в 2014 г. наиболее значимыми оказываются медицина и образование). Наименее значимой в 2002 г. была торговля (22 %), а в 2014 г. — «оборонка» (21 %) и объединение Поволжья (18 %). Мужчины-горожане в 2002 г. среди своих персональных приоритетов чаще всего называли экологию (66 %), медицину (70 %) и борьбу с преступностью (64 %), а в 2014 г. — медицину (61 %) и развитие программ жилищного строительства (60 %). К наименее значимым в 2002 г. были отнесены подготовка кадров для столицы (28 %) и объединение Поволжья (28 %), в 2014 г. — объединение Поволжья (24 %) и торговля (26 %). В индивидуальных приоритетах городского развития у мужчин и женщин достаточно много общего, что объясняется преимущественно разделенной повседневностью их совместной городской жизни.

Индивидуальный выбор в пользу значимости сохранения природы и экологических ценностей в контексте развития города и у мужчин, и у женщин оказался достаточно выраженным, однако лидирующую позицию экология заняла у мужчин только в 2002 г. Как правило, в исследованиях подчеркивается, что женщины чаще обладают проэкологическими ценностями, нежели мужчины [Scannell, Gifford, 2013; Dietz et al., 2002], однако не всегда их артикулируют в публичном пространстве, отдавая предпочтение сохранению своей территории [Xiao, Hong, 2010]. Результаты в целом подтверждают большую проэкологическую

направленность женщин, однако в композиции ценностей женщин экология и природа уступают по значимости образованию и здравоохранению.

Таблица 2

Индивидуальные приоритеты горожан в развитии региона и города, %

Приоритеты развития города	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Нижегородская ярмарка	26	26	31	20*
Инициативы культуры	40	37	43	36
Сохранение природы	63	67	61	55
Сохранение истории	54	56	45	38
Госзаказы оборонной промышленности	26	21	38	36
Поддержка предприятий	41	44	44	34
Экология города	72	70	66	59
Объединение Поволжья	26	18*	26	24
Международное сотрудничество	34	29	35	30
Дети и молодежь	57	58	56	45
Страховая медицина	83	81	70	61
Сохранение веры и храмов	47	42	35	42
Борьба с преступностью	63	50**	64	40***
Дороги и связь	55	61	63	60
Развитие торговли	22	21	31	26
Развитие сельского хозяйства	58	51	58	41**
Социальное обеспечение	65	53**	53	44
Бесплатное образование	72	70	61	59
Власть без криминала	55	45*	52	42
Борьба с коррупцией	45	42	54	44
Жилищные программы	58	66	56	60
Ответственность чиновников	41	37	44	36
Развитие бизнеса	34	32	41	38
Свобода СМИ	35	40	42	36
Подготовка кадров для столицы	28	33	28	28

Значимость различий (критерий χ^2) между срезами 2002 и 2014 гг.: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Установки горожан на активность в области городского развития

Третья модальность в измерении приоритетов городского развития, учтенная используемым исследовательским инструментом, — готовность действовать на благо развития города (табл. 3).

Таблица 3

Установки горожан на активность в целях развития региона и города, %

Приоритеты развития города	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Нижегородская ярмарка	9	12	12	12
Инициативы культуры	12	14	20	19
Сохранение природы	31	40*	35	38
Сохранение истории	18	23	13	17
Госзаказы оборонной промышленности	4	7	16	18
Поддержка предприятий	9	10	21	16
Экология города	40	43	34	40
Объединение Поволжья	08	10	13	14
Международное сотрудничество	09	12	15	11
Дети и молодежь	33	33	28	25
Страховая медицина	15	27**	22	27
Сохранение веры и храмов	21	22	14	20
Борьба с преступностью	13	14	24	21
Дороги и связь	05	9	16	21
Развитие торговли	05	6	11	11
Развитие сельского хозяйства	15	21	25	23
Социальное обеспечение	16	19	20	17
Бесплатное образование	16	26**	18	19
Власть без криминала	7	11	16	16
Борьба с коррупцией	7	17***	20	27
Жилищные программы	9	14	20	18
Ответственность чиновников	10	9	15	11
Развитие бизнеса	8	13	19	19
Свобода СМИ	5	10*	11	13
Подготовка кадров для столицы	7	12	10	12

Значимость различий (критерий χ^2) между срезами 2002 и 2014 гг.: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Горожанки и в 2002 г., и в 2014 г. выражали желание присоединиться к программам по сохранению природы (31 и 49 %), экологии (40 и 43 %), в 2002 г. — к детским и молодежным программам (33 %). Непривлекательным для участия горожанки сочли развитие торговли (5 и 6 %), оборонной промышленности (4 и 7 %), а также программы развития коммуникаций (5 % в 2002 г.) и свободы слова и СМИ (5 % в 2002 г.). Можно предположить, что в качестве планируемой активности горожанки рассматривают реальную часть своей жизни, связанную с помощью детям и заботой о придворовых территориях.

Горожане-мужчины, так же как и горожанки, и в 2002 г., и в 2014 г. планировали принять участие в экологических и природоохранных программах. Проигнорировали развитие торговли, свободу СМИ и подготовку кадров для столицы в 2002 г. и программы развития международного сотрудничества и контроль за ответственностью чиновников перед жителями в 2014 г.

Необходимо отметить, что среди непривлекательных мужчины-горожане называют те формы активности, которые стереотипно считаются «мужскими», т. е. связанные с ориентацией на мобильность и амбиции. Дистантное отношение к практикам доминантных и успешных мужчин со стороны участвующих в исследовании мужчин-респондентов согласуется с описанием кризиса мужской гендерной роли [Тартаковская, 2003], которую достаточно часто описывают в контексте «несостоявшейся маскулинности», в том числе и на материале провинциальных площадок.

Динамика показателей социальной интегрированности горожан

Кроме анализа приоритетов городского развития в трех модальностях (значимость для города, для конкретного горожанина и как сфера приложения сил), благодаря корреляционному анализу исследуемых показателей была получена возможность изучения солидарности, альтруизма и активности в городской среде (табл. 4).

Таблица 4

Социальные характеристики горожан

Коэффициенты	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Солидарность	0,18	-0,05	0,14	-0,15
Активность	0,22	0,23	0,27	0,23
Альтруизм	0,07	-0,01	0,07	-0,06

За указанный период показатели горожан, характеризующие активность, направленную на выполнение своих замыслов и планов в сфере городского развития, в целом несколько снизились. При этом женщины преимущественно сохранили интенсивность установок на активное действие (коэффициенты активности — 0,22 в 2002 г. и 0,23 в 2014 г.), а мужчины ее снизили (0,27 в 2002 г. и 0,23 в 2014 г.). Если анализировать показатели солидарности

(характеризующие, насколько каждый горожанин чувствует себя близким к другим горожанам, разделяющим общие проблемы и заботы), следует констатировать за изучаемые 12 лет нарастание отчуждения среди горожан, однако мужчины как социальная группа оказались в 2014 г. более несолидарными, нежели женщины. Что же касается альтруизма горожан (готовность бескорыстно выполнять действия на благо других), его показатели и в 2002 г., и в 2014 г. были низкими, тем не менее снижение альтруизма от 2002 к 2014 г. также более выражено у мужчин.

За изучаемый период установки на активность горожан в целом ослабли, горожане стали более индивидуалистичными и не готовыми жертвовать своими интересами ради гипотетических общих приоритетов в развитии города.

Выводы

Сравнение изучаемых показателей в анкетах горожанок и горожан, принимавших участие в исследовании в 2002 и в 2014 гг., подтвердило общеизвестные закономерности, выявляемые в процессе гендерного анализа:

— представляя позиции большинства, мужчины и женщины формулируют наиболее гендерно-стереотипные установки в области развития города, при этом женщины за 12 лет стали считать, что общество все более ориентируется на «мужские ценности», в то время как мужчины к общественным приоритетам стабильно относят показатели безопасности, а не развития;

— в формулировке индивидуальных позиций в оценке развития города горожане и горожанки ориентированы на эгалитарный нестереотипный выбор, обусловленный разделенной повседневностью мужчин и женщин в городе;

— в провинциальных городах мужчины придерживаются консервативных позиций в области «мужской активности», склонны разделять практики «несостоявшейся маскулинности», в то время как горожанки более инициативны и предпочитают активность в гуманитарной сфере (экологическая безопасность, образование и здравоохранение).

Что касается непосредственно показателей, характеризующих социальную интегрированность горожан, за исследуемый период и мужчины, и женщины, согласно полученным данным, изменили некоторые социальные практики. Женщины, при сохранении общей активности, стали более независимыми, несолидарными и не готовыми к альтруистическому поведению. Мужчины-горожане за 12 лет стали более апатичными, менее солидарными и менее альтруистичными. Если учесть, что горожане и горожанки считают, что большинство жителей в городе ориентированы на символические приоритеты, а отдельные люди заинтересованы в развитии гуманитарной составляющей города (образование, здравоохранение, экология), то выявленная несолидарность с большинством может быть прочитана как разрыв между приватным и публичным мирами города.

Также стоит отметить, что в ценностно-смысловом пространстве города есть нечто, что объединяет и мужчин, и женщин, и ментальные концепты, и реальные действия, — это экологическая доминанта сознания горожан. Можно предположить, что именно проэкологическая ориентация станет основой новых солидарностей и поможет связать частное и публичное в социальной активности горожан.

Библиографический список

- Вагин В. В.* Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53—88.
- Грицай О. В., Йоффе Г. А., Трейвиш А. И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 161 с.
- Дзякович Е. В.* Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-4-2010/sociologiya7dzyakovich.pdf> (дата обращения: 20.08.2015).
- Жизнь провинции: материалы и исследования: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции», 17—19 ноября 2011 г. / отв. ред. М. Г. Уртминцева. Нижний Новгород: Книги, 2011. 296 с.
- Каганский В. Л.* Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва; Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 1998. С. 72—101.
- Кодина И. Н.* Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект: (на примере малых городов Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 20—28.
- Комова В. А.* Дихотомия «столица — провинция» в российском культурном пространстве // Молодой ученый. 2014. № 12. С. 449—451.
- Константинова В. Н.* Городское население Российской империи конца XIX века: гендерный аспект: (на примере Екатеринославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2009. № 4. С. 83—93.
- Ляхова С. С.* Провинциальный город как социокультурный феномен: автореф. ... канд. социол. наук. Архангельск, 2006. 24 с.
- Мезенцева Б. Б., Косларская Н. П.* Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998. № 3. С. 141—188.
- Михайлина С. К.* Гендерные аспекты жизни провинциального города конца XIX — начала XX в.: по материалам Области войска Донского: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003. 296 с.
- Мкртчян Н., Карачурина Л.* Региональные столицы и глубинка // Демоскоп Weekly. 2013а. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema06.php> (дата обращения: 05.05.2015).
- Мкртчян Н., Карачурина Л.* Помнить о центрах, но не забывать о периферии // Демоскоп Weekly. 2013б. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema01.php> (дата обращения: 05.05.2015).
- Нефёдова Т. Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 14—31.
- Панасюк М. В., Руденко А. В.* Теоретические основы анализа системы «центр — периферия» региона // Территориальные общественные системы: проблемы делимитации, развития, управления: материалы Международной научно-практической конференции, 21—24 сентября 2005 г. Пермь, 2005. С. 47—52.
- Плюснин Ю. М.* «Свой» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. № 3. С. 60—93.
- Полошкевич О. А.* Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 15—23.

- Пядухов Г. А.* Рынок миграционных услуг в российской провинции: действующие лица, тенденции развития // Демоскоп Weekly. 2013. № 571—572. 14—31 октября. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit07.php> (дата обращения: 20.08.2015).
- Рябова Т. Б., Кодина И. Н., Буничева Л. В.* «Город невест»? о роли гендерных маркеров в региональной идентичности // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 148—164. URL: http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/riabova_kodina_bunicheva.pdf (дата обращения: 20.08.2015).
- Тартаковская И.* «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: сборник научных статей / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 2003. С. 42—70.
- Трейвиш А. И.* Город, село и региональное развитие // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен М.: ОГИ, 2001. С. 337—373.
- Цалко Е. О., Рябова Т. Б.* Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов: (по результатам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.
- Шевцова Э. А., Тугаров А. Б.* Метафизика провинциального бытия: методология проблемы // Актуальные вопросы современной науки: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции / под общ. ред. А. И. Вострецова. Нефтекамск: Наука и образование, 2015. С. 113—115.
- Шмерлина И.* Что такое провинция? // Социальная реальность. 2007. № 3. С. 30—32.
- Юдин А. В.* Концепты «провинция» и «регион» в современном русском языке // Отечественные записки. 2006. № 5 (32). URL: <http://www.strana-oz.ru/2006/5/koncepty-provinciia-i-region-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 20.08.2015).
- Cheng J. C. H., Monroe M. C.* Connection to nature: children's affective attitude toward nature // Environment and Behavior. 2012. № 44. P. 31—49.
- Dietz T., Kalof L., Stern P. C.* Gender, values, and environmentalism // Social Science Quarterly. 2002. № 83. P. 353—364.
- Friedmann J.* Regional Development Policy. Boston: Mass. Inst. Techn., 1966a. 317 p.
- Friedmann J.* Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela. Cambridge (MA): MIT Press, 1966b.
- Friedmann J., Alonso W.* Regional development as a policy issue // Regional Development and Planning. Cambridge (MA): MIT Press, 1964.
- Molm L. D., Collet J. L., Schaefer D. R.* Building solidarity through generalized exchange: a theory of reciprocity // American Journal of Sociology. 2007. Vol. 113. P. 205—242.
- Scannell L., Gifford R.* The role of place attachment in receptivity to local and global climate change messages // Environmental Behavior. 2013. № 45. P. 60—85.
- Swami V., Chamorro-Premuzic T., Snelgar R., Furnham A.* Personality, individual differences, and demographic antecedents of self-reported household waste management behaviours // Journal of Environmental Psychology. 2011. № 31. P. 21—26.
- Thompson C. W., Aspinall P., Montarzino A.* The childhood factor: adult visits to green places and the significance of childhood experience // Environment and Behavior. 2008. № 40. P. 111—143.
- Wells N. M., Lekies K. S.* Nature and the life course: pathways from childhood nature experiences to adult environmentalism // Child, Youth and Environment Journal. 2006. № 16. P. 1—24.
- Worchel S., Cooper I. Goethals G.* Social Psychology. Chicago: Wadsworth Publishing, 1999. (Nelson-Hall Series in Psychology.)
- Xiao C., Hong D.* Gender differences in environmental behaviors in China // Population and Environment. 2010. № 32. P. 88—104.

References

- Cheng, J. C. H., Monroe, M. C. (2012) Connection to nature: children's affective attitude toward nature, *Environment and Behavior*, no. 44, pp. 31—49.
- Dietz, T., Kalof, L., Stern, P. C. (2002) Gender, values, and environmentalism, *Social Science Quarterly*, no. 83, pp. 353—364.
- Dziakovich, E. V. (2010) Podkhody k issledovaniiu provintsii kak sotsiokul'turnogo, mental'nogo i krossregional'nogo fenomena [Approaches to research of province as socio-cultural, mental and cross-regional phenomenon], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 4, available from <http://www.teoria-practica.ru/-4-2010/sociologiya7dzyakovich.pdf> (accessed 20.08.2015).
- Friedmann, J. (1966a) *Regional Development Policy*, Boston: Mass. Inst. Techn.
- Friedmann, J. (1966b) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*, Cambridge (MA): MIT Press.
- Friedmann, J., Alonso, W. (1964) Regional development as a policy issue, in: *Regional Development and Planning*, Cambridge (MA): MIT Press.
- Gritsaï, O. V., Ĭoffe, G. A., Treïvish, A. I. (1991) Tsentri i periferiia v regional'nom razvitiï [Center and periphery in regional development], Moscow: Nauka.
- Iudin, A. V. (2006) Kontsepty "provintsii" i "region" v sovremennom russkom iazyke [Concepts of "province" and "region" in modern Russian language], *Otechestvennye zapiski*, no. 5 (32), available from <http://www.strana-oz.ru/2006/5/koncepty-provinciya-i-region-v-sovremennom-russkom-yazyke> (accessed 20.08.2015).
- Kaganskiï, V. L. (1998) Tsentri — provintsii — periferiia — granitsa. Osnovnye zony kul'turnogo landshafta [Center — province — periphery — border. Main zones of cultural landscape], in: *Kul'turnyi landshaft: Voprosy teorii i metodologii issledovaniia* [Cultural landscape: Theory and research methodology questions], Moscow, Smolensk: Izdatel'stvo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 72—101.
- Kodina, I. N. (2009) Obshchestvenno-politicheskoe uchastie naseleniia malogo goroda: gendernyi aspekt: (Na primere malikh gorodov Ivanovskoi oblasti) [Socio-political participation of small city residents: gender aspect: (On the example of small cities in Ivanovo region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 20—28.
- Komova, V. A. (2014) Dikhotomiia «stolitsa — provintsii» v rossiiskom kul'turnom prostranstve [Dichotomy "capital — province" in Russian cultural space], *Molodoi uchenyi*, no. 12, pp. 449—451.
- Konstantinova, V. N. (2009) Gorodskoe naselenie Rossyskoï imperii kontsa XIX veka: gendernyi aspekt: (Na primere Ekaterinoslavskoi gubernii) [City population of Russian Empire at the end of XIX century: gender aspect: (On the example of Ekaterinoslav' region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 83—93.
- Mezentseva, B. B., Koslarskaya, N. P. (1998) Beg po zamknutomu krugu: uroven' zhizni, mental'nye ustanovki i sotsial'naia mobil'nost' zhitelei Rossii [Running in a circle: standards of living, attitudes and social mobility of Russians], *Mir Rossii*, no. 3, pp. 141—188.
- Mkrtchian, N., Karachurina, L. (2013a) Regional'nye stolitsy i glubinka [Regional capitals and periphery], *Demoskop Weekly*, available from <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema06.php> (accessed 05.05.2015).
- Mkrtchian, N., Karachurina, L. (2013b) Pomnit' o tsentrakh, no ne zabyvat' o periferii [Remember about the centers but don't forget about periphery], *Demoskop Weekly*, available from <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema01.php> (accessed 05.05.2015).

- Molm, L. D., Collet, J. L., Schaefer, D. R. (2007) Building solidarity through generalized exchange: a theory of reciprocity, *American Journal of Sociology*, vol. 113, pp. 205—242.
- Nefiodova, T. G. (2008) Rossiiskaia periferiia kak sotsial'no-ekonomicheskii fenomen [Russian periphery as a socio-economic phenomenon], *Regional'nye issledovaniia*, no. 5, pp. 14—31.
- Panasiuk, M. V., Rudenko, A. V. (2005) Teoreticheskie osnovy analiza sistemy «tsentr — periferiia» regiona [Theoretical basis of system analysis “center-periphery” of the region], *Territorial'nye obshchestvennye sistemy: problemy delimitatsii, razvitiia, upravleniia: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 21—24 Sentiabria, 2005, Perm', pp. 47—52.
- Pliusnin, Iu. M. (2013) “Svoi” i “chuzhie” v russkom provintsial'nom gorode [“Ours” and “aliens” in Russian provincial city], *Mir Rossii*, no. 3, pp. 60—93.
- Polyushkevich, O. A. (2010) Gendernaia differentsiatsiia predstavlenii o sotsial'noi solidarnosti v sovremennom rossiiskom gorode [Gender differentiation of social solidarity and modern Russian city perception], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 15—23.
- Piadukhov, G. A. (2013) Rynok migratsionnykh uslug v rossiiskoi provintsii: deistvuiushchie litsa, tendentsii razvitiia, *Demoskop Weekly*, no. 571—572, available from <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit07.php> (accessed 20.08.2015).
- Riabova, T. B., Kodina, I. N., Bunicheva, L. V. (2013) «Gorod nevest»? o roli gendernykh markerov v regional'noi identichnosti [“City of brides”? about the role of gender markers in regional identity], *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 5, pp. 148—164, available from http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/riabova_kodina_bunicheva.pdf (accessed 20.08.2015).
- Scannell, L., Gifford, R. (2013) The role of place attachment in receptivity to local and global climate change messages, *Environmental Behavior*, no. 45, pp. 60—85.
- Shevtsova, È. A., Tugarov, A. B. (2015) Metafizika provintsial'nogo bytiia: metodologiia problemy [Metaphysics of provincial being: methodology of problems], in: Vostretsov, A. I. (ed.), *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*, Neftekamsk: Nauka i obrazovanie, pp. 113—115.
- Shmerlina, I. (2007) Chto takoe provintsii? [What is a province?], *Sotsial'naiia real'nost'*, no. 3, pp. 30—32.
- Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., Snelgar, R., Furnham, A. (2011) Personality, individual differences, and demographic antecedents of self-reported household waste management behaviors, *Journal of Environmental Psychology*, no. 31, pp. 21—26.
- Tartakovskaia, I. (2003) «Nesostoiavshaiasia maskulinnost'» kak tip povedeniia na rynke truda [“Undone masculinity” as a labor market behavior type], Popkova, L. N., Tartakovskaia, I. N. (eds), *Gendernye otnosheniia v sovremennoi Rossii: issledovaniia 1990-kh godov*, Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 42—70.
- Thompson, C. W., Aspinall, P., Montarzino, A. (2008) The childhood factor: adult visits to green places and the significance of childhood experience, *Environment and Behavior*, no. 40, pp. 111—143.
- Treivish, A. I. (2001) Gorod, selo i regional'noe razvitie [City, village and regional development], in: *Gorod i derevnya Evropeiskoi Rossii: sto let peremen*, Moscow: OGI, pp. 337—373.
- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost' i evropeiskost' skvoz' prizmu gendernykh identifikatorov: (Po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Russianness and Europeaness through the prism of gender identifiers: (The results of sociological research)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.

-
- Vagin, V. V. (1997) Russkiĭ provintsialnyiĭ gorod: kliuchevye elementy zhizneustroĭstva [Russian provincial city: main elements of life], *Mir Rossii*, no. 4, pp. 53—88.
- Wells, N. M., Lekies, K. S. (2006) Nature and the life course: pathways from childhood nature experiences to adult environmentalism, *Child, Youth and Environment Journal*, no. 16, pp. 1—24.
- Worchel, S., Cooper, J., Goethals, G. (1999) *Social Psychology* (Nelson-Hall Series in Psychology), Chicago: Wadsworth Publishing.
- Xiao, C., Hong, D. (2010) Gender differences in environmental behaviors in China, *Population and Environment*, no. 32, pp. 88—104.
- Urtmintseva, M. G. (ed.) (2011) *Zhizn' provintsii: Materialy i issledovaniia. Sbornik stateĭ po materialam Vserossiĭskoiĭ nauchnoiĭ konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Life of province: Materials and research. Book of abstracts of Russian scientific conference with international participation], Nizhniĭ Novgorod: Knigi.

Статья поступила 20.08.2015 г.

ББК 60.561.26+60.542.21

А. Е. Колобова

ЖЕНЩИНЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Статья посвящена анализу социально-экономических характеристик, присущих группе предпринимательниц среднего и старшего возраста в современном российском обществе. Выявлены некоторые взаимосвязи между возрастным, гендерным факторами и спецификой предпринимательства в контексте российского социума. Изучение феномена «возрастное женское предпринимательство» основано на результатах авторского исследования (методом глубинного интервью), проведенного в г. Саратове в период 2008—2014 гг., а также исследований других авторов.

Ключевые слова: возраст, женщина, пенсионер, общество, предпринимательство, бизнес, доход, мотив, информант, интервью.

A. E. Kolobova. Middle and senior age businesswomen: traits to the portrait

The article is devoted to the analysis of middle and senior age businesswomen's socio-economic characteristics in modern Russian society, including: specific motives of becoming entrepreneurs and conducting business after getting retired, interrelations in business-sphere and so on. This kind of research seems relevant taking into consideration a number of factors: it's not at all easy to start business at that age, in most cases they have to function in unfavorable conditions; at the same time such activities are of great importance both for these women-entrepreneurs and society in general. Some correlations between age and gender factors on the one hand and entrepreneurship peculiarities in the context of Russian society, on the other, are identified. The study of this phenomenon is based on research results (by depth interview), conducted in Saratov in the period between 2008—2014. The author also makes use of other authors' research results.

The results gained will become a basis for ideas to provide support for elder people by creating necessary infrastructure in Russia. In modern conditions such an approach is important as the proportion of elderly population steadily grows. The support of the elderly should — alongside with other things — include provision of opportunities for being economically active after retirement.

Key words: age, woman, retire, society, entrepreneurship, business, income, motive, informant, interview.

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 51—59

© Колобова А. Е., 2016

Колобова Анна Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия, kolobova_annal@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Sociology, Social Anthropology and Social Work, Saratov State Technical University, Saratov, Russia).

Женское предпринимательство — предмет изучения многих современных зарубежных и отечественных авторов, причем в самых различных отраслях научного знания (социология, культурология, психология и др.).

По нашему мнению, спецификой рассмотрения предпринимательства в социологической науке является акцентирование внимания на его социальной природе и назначении. Основы такого анализа были заложены западными авторами еще в XIX столетии (М. Вебер, В. Зомбарт, Й. Шумпетер). В их трудах впервые проанализирована социальная природа предпринимательства, указаны его функции, значимые для всего социума, а не только экономики и хозяйства, а также представлены социальные портреты предпринимателей.

Изучение женского предпринимательства в мировой социологии имеет сравнительно недолгую историю, а в отечественной — еще меньшую (с конца XX в.), что было обусловлено отсутствием самих бизнес-практик в российском и советском обществе.

Мы согласны с авторами, придающими большую значимость данному феномену. Сравнение распространения практик женского бизнеса в современном социуме с революцией [Нурбекова, 2013: 101] обоснованно, поскольку этот процесс принципиально меняет социальный статус женщины, ее ценности и установки, а также отношение окружающих к ней. Таким образом, популяризация женского предпринимательства и его социокультурная и экономическая важность предопределяют повышенный интерес к нему со стороны социологов.

Вопрос наличия/отсутствия специфики отечественного женского предпринимательства является достаточно дискуссионным. Чаще всего эти особенности связываются с такими факторами, как:

— влияние состояния экономики нашей страны (предполагается, что неразвитые основы и механизмы рыночного хозяйствования накладывают отпечаток (как правило, негативный) на причины и принципы ведения женского бизнеса);

— особое положение женщин в российском обществе (они до сих пор сравнительно мало представлены в сферах политики, бизнеса, управления; имеет место значительная загруженность большинства россиянок в сфере домашнего хозяйства; имеется влияние гендерного фактора в пенсионной системе; на рынке труда существенна дифференциация на «женские» и «мужские» профессии и сферы деятельности и др.);

— специфика менталитета россиян (достаточно распространены стереотипы об ущербности женщин как руководителей, бизнесменов и политиков, сильны представления о ведении домашнего хозяйства как главной и единственной роли женщины и др.).

В современной российской социологической науке тему гендерного фактора в предпринимательстве можно считать достаточно изученной (см., напр.: [Бабаева, Чирикова, 1996; Барсукова, 1999; Малютина, 2002]). Однако, на наш взгляд, вне поля зрения отечественной социологии остается феномен женского предпринимательства в аспекте возрастного фактора.

Авторское исследование практик предпринимательства женщин среднего и старшего возраста проводилось в период 2008—2014 гг. и было направлено на выявление геронтологического фактора в бизнес-среде. Метод исследования — глубинное интервью.

Нашими информантами стали: предприниматели в предпенсионном и пенсионном возрасте; неработающие пенсионеры; работающие пенсионеры; предприниматели других возрастов; эксперты в сфере занятости.

Важно подчеркнуть, что в фокусе нашего исследования — представительницы среднего и старшего возраста и в целом эта группа идентифицирована как «старшевозрастные» предпринимательницы. Таковыми мы считаем тех женщин, которые официально относятся к пенсионерам по возрасту и тех, кто находится в так называемом предпенсионном возрасте (за несколько лет (от 5 до 10) до достижения официального статуса пенсионера по возрасту: в России это 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин). Отойти от привычных рамок понимания рассматриваемого феномена (как правило, они обусловлены возрастом официального выхода на пенсию в нашей стране) нас заставили как результаты интервью с экспертами, так и выявленные в ходе исследования особенности, присущие предпринимателям пенсионного и предпенсионного возраста.

В реальности на рынке труда есть практики (прежде всего со стороны работодателей) отнесения к «возрастным» работникам представителей и предпенсионного возраста, причем последний наступает не за два года до выхода на пенсию (в официальной трактовке многих российских документов, органов), а уже после 45 лет:

...Работники после 45 лет — им [работодателям] это уже не интересно. (жен., работница службы занятости г. Саратова, 45 лет, 2009 г.).

Опрошенные нами россиянки-предпринимательницы среднего и старшего возраста могут быть объединены в группу, характеризующуюся схожими социально-экономическими особенностями:

- их предпринимательская деятельность относится к сфере самозанятости;
- они имеют преимущественно среднее профессиональное образование;
- у большинства семьи полного типа, т. е. включающие супругов и детей;
- все имеют опыт наемной работы;
- приход в бизнес для большинства приходится на время экономических кризисов (90-е гг. XX в., 2008 г.);
- все относятся к типу «вынужденный предприниматель», т. е. пришли в бизнес, имея альтернативой только безработицу.

Большинство указанных характеристик имеют определенную взаимосвязь с предпринимательской деятельностью информантов, а также влияние на нее.

Следует отметить преобладание в сфере самозанятости женщин среднего и старшего возраста. Выборка формировалась методом «снежного кома», к настоящему моменту среди наших информантов пожилых мужчин не оказалось вообще. На наш взгляд, это может объясняться различными причинами.

Прежде всего следует признать влияние объективного фактора — сохранение значительного разрыва в продолжительности жизни россиян и россиянок. Среднестатистический мужчина в России после достижения пенсионного возраста живет лишь несколько лет, женщины живут значительно дольше [Доброхлеб, 2008: 55], а значит — именно они составляют большинство среди пенсионеров вообще и, в частности, среди тех пенсионеров, кто занимает активную позицию на рынке труда.

Также следует признать влияние и другого объективного фактора: россиянки вне зависимости от возраста чаще представлены именно в малом бизнесе и сфере самозанятости, чем мужчины. Такую ситуацию обуславливает наличие множества разнообразных барьеров, препятствующих как укрупнению женского бизнеса, так и вхождению россиянок в «большой бизнес» (российские женщины должны сочетать экономическую активность и ведение домашнего хозяйства [Барсукова, 1999]; значимо влияние уже отмечавшихся стереотипов об ущербности женщин как руководителей и бизнесменов [Бабаева, Чирикова, 1996]).

Кроме того, следует учитывать то, что и в 90-х гг. XX в. во время глубочайших трансформаций отечественной экономики, и в последующие экономические кризисы (например, 2008 г.) именно женщины оказались в группе наиболее подверженных дискриминационным практикам в сфере труда (увольнения, сокращения и пр.). Такая ситуация обусловила массовый «вынужденный» приход россиянок в бизнес.

Рассмотрим некоторые черты к социально-экономическому портрету женщин-предпринимательниц, участвовавших в нашем исследовании.

Все информантки занимаются бизнесом в сфере торговли. Это является характерным для женского бизнеса в России, что установлено и в других исследованиях [Бабаева, Чирикова, 1996; Барсукова, 1999].

Опрошенные предпринимательницы старшего возраста имели в прошлом опыт наемного труда. Это вполне объяснимо: большинство из них находилось в так называемом среднем возрасте к моменту легализации в нашей стране бизнеса:

...Я работала на марксовском заводе «АГАТ» мастером цеха, в котором изготавливались коллекционные модели советских автомобилей (жен., 52 года, 2013 г.);

...Была старшим инженером. На обойной фабрике (жен., 71 год, 2008 г.);

...Работала я по сменам на шарикоподшипниковом заводе (жен., 59 лет, 2010 г.).

После приобретения опыта в сфере самозанятости и сравнивая этот вид занятости с предыдущим, предпринимательницы отмечали наличие как недостатков ведения собственного дела (большая ответственность, ненормированный график работы, сложные условия труда и др.), так и преимуществ (свобода, независимость и самостоятельность экономической деятельности, зависимость дохода от собственных усилий и др.).

Ведущим мотивом прихода в бизнес для всех наших информантов стал материальный:

...Когда начинала, естественно, это был для меня в первую очередь доход. <...> Заработная плата на заводе маленькая была, не хватало денег на жилье, на воспитание ребенка (жен., 52 года, 2013 г.);

...Денег стало не хватать. На кого-то смотрели, кто знакомые были, кто уже занимался. Знакомые начали торговать. <...> Ну и мы потихоньку начали (жен., 71 год, 2008 г.);

Почти без работы была. Меня на сокращение поставили. <...> Не поверишь. Все началось с двух флаконов шампуня и пяти кусков мыла туалетного. Купила в магазине, где подешевле. Встала на базаре, был он раньше

у химкомбината, в Заводском. Я сама там когда-то работала. Ну вот, встала и быстро ведь продала (жен., 59 лет, 2010 г.);

В первую очередь для каждого предпринимателя это доход, как бы ни лукавить, как бы красиво ни говорить (жен., 52 года, 2013 г.).

Итак, бизнес воспринимается всеми предпринимательницами — участниками исследования — прежде всего как источник дохода. Это характерно не только для женского и «возрастного» бизнеса, но и для большинства предпринимателей в России, так как отечественная экономика находится на стадии развития рыночных принципов и механизмов, сопровождающейся преобладанием «вынужденных предпринимателей» и приоритетностью материальных мотивов в бизнесе.

Однако следует учесть, что в контексте пролонгирования предпринимательской активности, уже после достижения старшего возраста значимыми для женщин становятся и другие, помимо материального, мотивы. Среди них отметим следующие.

1. Возможность быть самостоятельной, свободной и независимой в принятии решений. Причем, что немаловажно, эти решения касаются не только сферы труда, но и всей жизни, от мелких, незначительных, бытовых вопросов (какую еду покупать, брать/не брать «больничный», выбор режима работы и т. п.) до стратегически важных (определение статуса в обществе и семье, продолжать работать или «уходить на покой», куда направлять крупные доходы и сбережения семьи и т. п.):

Чем мне нравится базар — никогда не опаздываешь. Сам себе начальник <...> Я сейчас (пока есть свой бизнес. — А. К.) куплю все, что хочу (жен., 59 лет, 2010 г.);

Ты, если сама работаешь, — можешь выйти на работу, можешь не выйти. Вот это самое главное, независимость от кого-то (жен., 52 года, 2013 г.);

...Я — сама себе хозяйка: хочу выйду на базар, хочу дома сижу (жен., 59 лет, 2010 г.);

Когда ты сам — предприниматель, ты можешь себе позволить тот же самый отпуск, ты можешь так же заболеть, закрыть, в крайнем случае, свой магазин. Это уже зависит от твоих возможностей и твоих желаний (жен., 52 года, 2013 г.).

2. Возможность оказания помощи близким (дети и нуждающиеся родственники), что, по нашему мнению, позволяет самому пожилому человеку быть полноценным, а не ощущать себя ущербным членом общества:

...Хочешь, можешь детям своим передать дело (жен., 52 года, 2013 г.);

Брат меня просит: «Бросай, бросай!» Но у меня... беда какая... У меня муж не получает ничего. У него нет руки одной практически, но группы ему не дали. Говорят: «Иди работай!» Кто его возьмет, инвалида? Вы понимаете, какая обстановка сложилась? И придется по нужде (жен., 71 год, 2008 г.);

У меня дети — студенты. <...> Сама понимаешь, когда у тебя взрослые дети получают высшее образование (жен., 52 года, 2013 г.).

3. Сохранение включенности не только в экономическую, но и в социальную жизнь, возможность быть «на виду»:

Вот есть у меня знакомая, Галина Федоровна. Она вообще в достатке живет. Я вижу, она косметику дорогую покупает, продукты тоже дорогие.

Так вот, она мне говорит: «Я не скажу, что эти деньги (торговлей заработанные. — А. К.) мне очень нужны. Я обеспечена. Дети мои тоже обеспечены, слава богу. Но... не могу сидеть дома. Когда я дома, посмотрю телевизор — одни ужасы показывают, про болезни, про преступников, то мысли дурацкие в голову лезут, настроение сразу плохое. А сюда (в павильон, где расположено торговое место. — А. К.) прихожу: людей много ходят — знакомых и незнакомых. А я хочу — с ними общаюсь, хочу — лицо отверну. Опять же с другими, кто тоже торгует, общаюсь, и из-за этого тоже прихожу сюда (жен., 59 лет, 2010 г.).

4. Возможность в бизнесе отключиться от рутинных бытовых забот, от негативных размышлений о старости, неизбежности смерти и т. п.:

Я отвлекаюсь здесь. Тут ведь народ (жен., 71 год, 2008 г.).

На наш взгляд, само наличие семьи, в том числе детей, стало для наших информантов в свое время достаточно мощным толчком к вхождению в бизнес. Как уже отмечалось, все предпринимательницы, участвующие в исследовании, имеют семью и детей. В сложные 90-е гг. XX в. россиянка часто становилась основной опорой и кормильцем в семейном хозяйстве, сумев приспособиться к новым условиям жизни в целом и новым формам экономической активности в частности.

Вхождение в бизнес всех наших информантов произошло по одинаковому сценарию: невозможность быть наемным работником привела к приходу, а вернее, «выталкиванию» на рынок, в бизнес:

Заработная плата на заводе маленькая была, не хватало денег на жилье, на воспитание ребенка. Поэтому пришлось совмещать работу на заводе и бизнес: в будни работала, а по выходным выходила на рынок торговать. Потом пошло поголовное сокращение на заводе, сократили в том числе и меня. Открыла ИП и вышла на рынок (жен., 52 года, 2013 г.);

...Предупредили, что будет сокращение. А работала я тогда по сменам, чаще всего в ночь выходила. Днем время было. Так и начала торговать (жен., 59 лет, 2010 г.);

...Раньше инженером была. Как деньги у меня кончились, так и стали торговать (жен., 71 год, 2008 г.).

На наш взгляд, достаточно большую роль в принятии решения об открытии своего дела сыграл положительный опыт других предпринимателей. Все опрошенные отметили, что имел место пример:

На кого-то смотрели, кто знакомые были, кто уже занимался. Знакомые начали торговать (жен., 71 год, 2008 г.);

Денег платили немного, да и сократить обещали. И что делать? Все вокруг тогда торговать начинали, ну и я тоже. <...> Я встретила одну знакомую, у нее уже был опыт большой в этом деле. Она и за границу моталась, и вообще много чем занималась. Ну мы с ней и решили вместе заняться... торговлей. Случайно идея пришла трикотажем торговать. Подсмотрели у соседней торгашей, что трикотаж идет, ну хорошо продается (жен., 59 лет, 2010 г.).

Отметим, что первоначально это «вынужденное предпринимательство» воспринималось женщинами негативно, но по прошествии нескольких лет они получили определенные бонусы от самозанятости и сейчас ценят их. Поэтому отношение к своему бизнесу не просто положительное. Собственное дело,

по мнению многих предпринимательниц среднего и старшего возраста, имеет больше преимуществ по сравнению с наемным трудом:

Денежек заработала. Понравилось. <...> Мне так понравилось! Не привязана, ничего такого (жен., 59 лет, 2010 г.):

Сейчас, слава богу, вошло все в свое русло. Все хорошо (жен., 71 год, 2008 г.);

...Бизнес — это такой толчок, скажем не только для личного саморазвития <...> Ты в жизни уже твердо стоишь на своих ногах, ты уверен. <...> Бизнес, если ты правильно все наладишь, правильно все поставишь, — это очень хорошо (жен., 52 года, 2013 г.);

Вот сейчас, если на завод позовут, даже если те же деньги предложат, что я на базаре получаю, не пойду на завод. Как вспомню, прихожу с завода, вся пропахшая мазутом и не отмоешься от него. А утром? Бегу на завод взмыленная... (жен., 59 лет, 2010 г.).

Предпринимательницы признают, что «возрастной» бизнес имеет свои особенности, отличается от бизнеса в молодом возрасте, но эти особенности по-разному оцениваются ими — и как преимущества, и как недостатки:

У них [молодых предпринимателей] — масштабы. Но и потери у них больше. Я-то, слава богу, немного плачу. А молодые, кто занимается, десятки тысяч тратят: на аренду, налоги, на товар. Вот я смотрю на молодых. Чем больше товара, тем больше может быть потеря, тем страшнее, мне кажется, им должно быть. И с налоговой проблемы бывают, а еще больше — с продавцами. То пьющие продавцы, то работать не хотят (жен., 59 лет, 2010 г.);

У них [молодых предпринимателей] — сил побольше. ...Возраст нам не помогает. Помеха. Силы уже не те. Молодые — они и проворнее, им легче. <...> Они поставили точки, наняли продавцов (жен., 71 год, 2008 г.);

Возраст помогает: ты уже многое понимаешь, знаешь. <...> В таком зрелом возрасте больше опыта (жен., 52 года, 2013 г.).

Также мы выявили особое отношение предпринимательниц среднего и старшего возраста к молодым коллегам:

Видела бы ты их [молодых предпринимателей] глаза! Я уже не раз замечала, удивляюсь все время. У одной молодой, она тоже бизнес свой имеет, нервный тик, а ведь молодая еще! У этих молодых голова забита: как, что, где, пойдет бизнес или не пойдет? (жен., 59 лет, 2010 г.);

Все это вынужденно (о причинах прихода в бизнес. — А. К.). Они [работодатели] сейчас, знаешь, как считают: молодежь возьмут, поддержат немного. Зарплату им не дадут, те (молодежь. — А. К.) и уйдут (жен., 71 год, 2008 г.);

Сейчас всем тяжело начинать, в любом возрасте, потому что нет никакой поддержки ниоткуда, рассчитываешь чисто на свои силы (жен., 52 года, 2013 г.).

Мы интерпретируем это отношение как эмпатию, сочувствие, сопереживание, понимание трудностей ведения бизнеса в современных условиях. Такое особое — эмоциональное и положительное — отношение во многом обусловлено гендерным и возрастным факторами. Принадлежность к женскому полу и зрелый возраст усиливают эмоциональность и позитивность в восприятии молодых коллег по бизнесу.

Важно подчеркнуть, что при этом молодые предприниматели по-разному относятся к пожилым коллегам. Некоторые вполне принимают существование «старшевозрастного» бизнеса:

А почему бы нет? Если у человека есть силы, и желание, и возможности есть. Пусть занимается (муж., 25 лет, 2014 г.).

Однако часто ими демонстрируется достаточно негативное отношение к пожилым коллегам:

Да, опыт, связи, понятно, это важно. Но когда человек пожилой и бизнесом занимается, то развития нет. <...> Ну, когда пожилой, уже куда развиваться? Планы они не строят, понятно, просто их некогда реализовывать будет (муж., 21 год, 2010 г.).

Иногда молодым бизнесменам присуще игнорирование существования «старшевозрастного» бизнеса:

Я об этом (о пожилых предпринимателях и отношении к ним. — А. К.) как-то и не думал... (муж., 29 лет, 2010 г.).

В то же время следует отметить, что негативное или равнодушное отношение молодых предпринимателей к пожилым коллегам мы зафиксировали в начале исследования (2008—2011 гг.), а положительное — в конце (2012—2014 гг.). Это объясняется, вероятно, постепенной популяризацией предпринимательских практик в российском обществе и трансформацией в общественном восприятии пожилого человека (от немощного члена общества — к полноценному и активному).

По нашему мнению, отношение окружающих является для информантов достаточно важным (но все же не решающим) фактором продолжения своего дела. Мы задавали предпринимательницам вопрос об отношении их близких к ведению бизнеса и получили разные ответы:

Сейчас заставляют закрываться, потому что никакой прибыли нет... (жен., 52 года, 2013 г.);

Да не хотят! Все! Брат меня просит: «Бросай, бросай!» (жен., 71 год, 2008 г.);

Все только приветствуют, потому что это явно видно, да и помогают, если есть такая возможность (жен., 59 лет, 2010 г.).

Мы установили, что чаще всего негативное отношение к бизнесу предпринимательниц старшего возраста демонстрировали представители мужского пола (прежде всего супруги и другие родственники), а положительное — дети. Можно предположить, это связано с тем, что ведение замужней женщиной бизнеса ведет к росту ее независимости и самостоятельности (в том числе финансовой), усилению ее лидерских позиций в семье и одновременно предполагает уход от традиционной роли хозяйки, «хранительницы очага», иногда невыполнение «женских» функций в рамках домашнего хозяйства в связи с занятостью, что отрицательно воспринимается супругом. Поддержка же со стороны детей может быть и проявлением их благодарности за оказание финансовой помощи (например, оплата обучения в вузе) и передачу семейного дела.

Таким образом, возрастной и гендерный факторы в совокупности обуславливают определенную специфику «возрастного» женского предпринимательства, касающуюся мотивации начала и продолжения ведения бизнеса, взаимоотношений с другими поколениями в бизнес-среде и восприятия отношения к себе и своему делу.

Библиографический список

- Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Женщины в бизнесе // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 75—81.
- Барсукова С. Ю. Женское предпринимательство: специфика и перспективы // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 75—84.
- Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал и занятость пожилых людей в современной России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55—61.
- Малютина Т. Г. Отличительные черты женского предпринимательства в России // Женское предпринимательство в экономике России и СНГ / сост. и общ. ред. Э. М. Ивановой. М.: Конверсия и женщины, 2002. С. 91—94.
- Нурбекова Ж. А. Теоретические предпосылки социологического анализа женского предпринимательства // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. № 4 (51). С. 101—106.

References

- Babaeva, L. V. (1996) Zhenshchiny v biznese [Women in business], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 75—81.
- Barsukova, S. U. (1999) Zhenskoe predprinimatel'stvo: spetsifika i perspektivy [Women's entrepreneurship: specifics and prospects], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 75—84.
- Dobrokhleb, V. G. (2008) Resursnyĭ potentsial i zanyatost' pozhiykh liudeĭ v sovremennoĭ Rossii [Resource potential and employment of older people in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 55—61.
- Maliutina, T. G. (2002) Otlichitel'nye cherty zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Distinctive features of women's entrepreneurship in Russia], in: *Zhenskoe predprinimatel'stvo v Rossii i SNG*, Moscow: Konversia i zhenshchiny, pp. 91—94.
- Nurbekova, G. A. (2013) Teoreticheskie predposylki sotsiologicheskogo analiza zhenskogo predprinimatel'stva [Theoretical premises of women's entrepreneurship analysis], *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Filosofii, sotsiologii, kul'turologiia, sotsial'naiia rabota*, no. 4 (51), pp. 101—106.

Статья поступила 25.09.2015 г.

ББК 60.561.9+60.561.23

И. А. Сизова, Н. В. Кладова, Т. М. Хусяинов

**ПОСТВУЗОВСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЫПУСКНИКОВ
КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 60—68

Авторы анализируют поствузовские стратегии выпускников крупного регионального вуза, среди которых особенно важным является выбор будущего места работы, желание продолжить обучение или вообще не работать. В качестве объекта исследования для анкетного опроса были выбраны студенты выпускных курсов девяти факультетов и институтов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Было выявлено, что гендерные особенности в профессиональном становлении и поствузовском выборе студентов связываются прежде всего с аспектами профессиональной мобильности и индивидуальной идентификацией в профессии.

Ключевые слова: студенты, трудоустройство, поствузовские стратегии, гендерные особенности, выпускники, социализация, академическая среда, классический университет, рынок труда.

I. L. Sizova, N. V. Kladova, T. M. Khusiainov. Postgraduate strategies of classical university graduates: the gender aspect

Students body of the country is obviously its important social and professional potential. That's why a study of university environment is relevant. One of the important parts of this environment is a graduate school. The most influential Russian universities aspire to preserve their position in the higher education market, correspond to the highest standards of the state and social order economic actors and the labor market in Russia. In this article the authors indicate post-

© Сизова И. Л., Кладова Н. В., Хусяинов Т. М., 2016

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-33-01001 «“Габитус факультета” и социализация студентов классического университета (На примере Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского)».

Сизова Ирина Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, sizovai@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of the Department of Social and Human Sciences, the National Research University «Higher School of Economics», Nizhniy Novgorod, Russia).

Кладова Надежда Вячеславовна — лаборант приемной комиссии управления рекрутинга и приема студентов, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, gostya9693@rambler.ru (Assistant of the Selection Committee of Management Recruiting and Admission of Students, Lobachevskiy State University, Nizhniy Novgorod, Russia).

Хусяинов Тимур Маратович — аспирант кафедры социальной философии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, timur@husyainov.ru (PhD student at the Department of Social Philosophy, Lobachevskiy State University, Nizhniy Novgorod, Russia).

graduate strategies of large regional university graduates; among these strategies the most important ones could be the student's choice of the job, the desire to continue their education, or not work at all. The authors focus on the gender dimension of modern attitudes, values and desires of students. The study was conducted among graduate students of nine faculties and institutes of the Lobachevskiy State University of Nizhniy Novgorod. The authors found that gender-specific professional formation and the choice of post graduate students correlated with aspects of professional mobility and individual identity of the profession.

Key words: students, employment, postgraduate strategy, gender, graduates, socialization, academic environment, classic university, labor market.

Каждый человек стремится реализовать себя в какой-либо сфере жизни: семье, работе, религии и др. Многое зависит от того, какие ценности и нормы в этом отношении сформировались в обществе, что является важным для самого субъекта из предложенного выбора. Группа молодежи в современном индивидуализированном обществе активно участвует в создании и воспроизводстве собственных интересов и потребностей. В молодости люди стремятся найти свое место в жизни, сформировать подходящие условия для личностного роста и развития. В этом им должны помочь ведущие социализирующие инстанции. Для большинства современной молодежи в России — это профессиональные учебные учреждения, особое место среди которых занимают российские университеты.

В университете студенты приобретают профессию и строят планы на дальнейшую жизнь. Социализация студентов в университете в концепциях П. Бергера и Н. Лукмана рассматривается как вторичный процесс в образовательной, воспитательной и научной подсистемах, когда уже социализированная личность включается в контрастное пространство университета [Бергер, Лукман, 1995: 200—240]. В соответствии с концепцией П. Бурдьё, в рамках высшей школы образуется специфический габитус (академическая среда), влияющий на установки и поведение учащихся, в том числе и за пределами вуза, после его окончания [Бурдьё, 2005: 121—156]. *Габитус* в этом смысле можно определить как систему ценностей и особые модели восприятия и мышления, сложившиеся в университете, которые оказывают существенное влияние на характер действий индивида, на его будущее поведение [Сизова и др., 2014: 138].

Профессиональная социализация студентов начинается еще до обучения. Это происходит под влиянием различных факторов. Кроме непосредственного окружения молодежи (родители, учителя, преподаватели, друзья) и информационных каналов (книги, теле- и радиопередачи, интернет-сайты и виртуальные сообщества), значение имеют условия функционирования общества (макрофакторы и макропроцессы в социальной, политической, экономической областях). Зачастую выбор молодых людей является следствием их ориентаций на внешние атрибуты, общественный статус профессии (культурный выбор) [Власов, 2011: 38].

В литературе выделяют четыре основных мотива, чаще других встречающихся при выборе профессии выпускниками вузов [Мальгина, 2014: 242]:

- получение материального вознаграждения;
- возможность получения навыков, опыта и личностного развития;

- вклад в общественную жизнь;
- повышение социального статуса.

Однако в нашей стране далеко не все выпускники вуза сразу идут работать и еще меньше тех, кто стремится на рабочем месте использовать полученные в вузе знания. Это обусловлено различными причинами. С социальной точки зрения важно понять, что приводит к разочарованию в профессии и почему у выпускников появляется желание реализовать себя в другой сфере, насколько указанные траектории связаны с процессом социализации в вузе, в котором обучался выпускник.

Понятно, что к моменту окончания вуза у студента гораздо более развито самостоятельное мышление, увеличиваются его возможности в профессиональной сфере, что позволяет ему иначе оценить ситуацию на рынке труда и в образовании, в отличие от выпускника школы, опыт которого в большинстве случаев невелик. Студенческая молодежь характеризуется более осознанным пониманием своих дальнейших действий. Студенты обладают большим опытом и социальным капиталом, круг их социальных контактов гораздо шире, а влияние со стороны родителей значительно сокращается, поскольку в этот период жизни самостоятельность индивида значительно вырастает. Одновременно меняется социальное окружение, существенным фактором профессиональной социализации становится университет.

В 2014—2015 гг. коллективом студентов и аспирантов факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ННГУ) под руководством профессора И. Л. Сизовой (НИУ «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород) при поддержке РГНФ было проведено социологическое исследование на тему «“Габитус факультета” и социализация студентов классического университета (На примере Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского)». Проект посвящен социализации студентов в университете, которая изучалась на основании мнений самих студентов об их учебе и жизни, образе факультета и университета в целом. Авторским коллективом была разработана подробная анкета, включающая в себя несколько блоков [Кладова, 2015]:

- мотивы и ожидания в отношении учебы в университете (причины поступления в вуз, что привлекло в выбранной профессии, какие планы у студентов по поводу будущего места работы, собственной карьеры);
- требования к учебе, правила и нормы обучения (оценка организации учебного процесса, его соответствие учебному плану);
- стратегии обучения студентов (качество преподавания на факультете, возможность прохождения стажировок и практик, дополнительных курсов обучения, проведение различных факультетских мероприятий, участие в студенческих организациях);
- контакты и коммуникация (основное окружение студентов и их желание расширить сеть своих социальных контактов);
- студенческая жизнь (выявление наиболее актуальных проблем студенчества и особенностей времяпрепровождения — в часы учебы и после);
- социально-демографические характеристики студента (пол, возраст, материальное положение, место проживания и др.).

Проект «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета — попытка оценить мотивы обучения студенческой молодежи в вузе и ожидания от него во взаимосвязи с их жизненными и профессиональными планами. В ходе исследования опрошено 688 студентов 9 факультетов и институтов ННГУ, из них 366 студентов выпускных курсов и 322 студента первого года обучения.

На основании полученных данных авторами были проанализированы различные факторы и условия, которые способны прямо или опосредованно оказать влияние на формирование современных жизненных стратегий выпускников крупного регионального вуза, в том числе социальный профиль студента университета, внеучебная жизнь и досуг, отношение к процессу обучения в вузе, социальные контакты студентов, особенности совмещения трудовой и учебной деятельности. Все перечисленные факторы анализировались в гендерном разрезе, что позволяет обозначить основные тенденции в развитии современных профессиональных планов девушек и юношей.

1. В структуре студенчества университета преобладают женщины (см. табл.).

Распределение студентов по полу в зависимости от факультета/института, %

Факультеты и институты	Мужчины	Женщины
Факультет социальных наук	19	81
Институт биологии и биомедицины	15	85
Институт международных отношений и мировой истории	27	73
Институт экономики и предпринимательства	21	79
Радиофизический факультет	58	42
Юридический факультет	26	74
Химический факультет	24	76
Филологический факультет	16	84
Институт информационных технологий, математики и механики	51	49

Особенно выражена гендерная специфика на факультетах и в институтах социально-гуманитарного профиля (факультеты — филологический, социальных наук, юридический, химический, институты — экономики и предпринимательства, международных отношений и мировой истории, биологии и биомедицины). Студенты мужского пола традиционно преобладают на физико-математических факультетах (например, радиофизическом, физическом, в высшей школе общей и прикладной физики). Равное гендерное распределение характерно для института информационных технологий, математики и механики, который в результате оптимизации и реструктуризации теперь включает факультет вычислительной математики и кибернетики и механико-математический факультет. Таким образом, специальности физико-математического профиля становятся все более популярными среди девушек, а общее распределение

показывает, что университет все больше приобретает «женское лицо» даже в ситуации традиционно сильной ориентации этого вуза на естественно-научные и технические специальности.

Этот факт косвенно подтверждается сравнением гендерных структур выпускников бакалавриата (студентов IV курса) и студентов выпускных курсов специалитета и магистратуры. Обучение в магистратуре наиболее популярно у девушек: если на IV курсе бакалавриата каждый третий студент — мужского пола, то в магистратуре — только каждый пятый.

2. Возрастные характеристики нынешних студентов ничем не примечательны. Как правило, выпускники-бакалавры — это молодежь в возрасте от 19 до 23 лет; выпускниками-специалистами и магистрами в основном становятся лица в возрасте от 21 до 27 лет. Увеличение возраста учащихся в этом случае связано со включением в обучение по магистерским программам лиц, которые ранее имели диплом специалиста и приняли решение получить новые знания и новый диплом. К тому же обучение в магистратуре по новой специальности в последнее время становится новым и более эффективным способом получения бесплатного образования и профессиональных навыков в сжатые сроки, в отличие от быстро уходящей в прошлое недавней практики — получения второго высшего образования.

3. Социальное положение студентов-выпускников ННГУ следующее. Около половины студентов к моменту окончания вуза проживают с родителями и другими родственниками, 15,3 % — в общежитии университета, 33,4 % имеют свою квартиру или снимают ее. Несомненно, жилищное и семейное положение студента-выпускника влияет на его жизненные планы и после окончания университета. Так, девушки чаще остаются жить с родителями и другими родственниками (36,7 % женщин и 17,4 % мужчин). В целом анализ социального положения студентов университета показывает, что обучение проходят в основном местные, городские, жители, только четвертая часть молодежи приезжает из других населенных пунктов.

Итак, резюмируем, что современный студент — это чаще всего очень молодой человек (как правило, преобладают девушки, за исключением некоторых узких технических отраслей знания), который живет с родителями и основную часть материальных средств получает от них. Картина несколько меняется на старших курсах, поскольку студенты в это время достигают сознательного возраста, большая часть из них работает и может полностью или частично обеспечивать себе средства на жизнь. Следует отметить, что к полному самообеспечению чаще всего стремятся студенты-мужчины, среди девушек самостоятельности отмечается гораздо меньше.

Поскольку большинство студентов до сих пор предпочитают учиться «по месту жительства» или в близлежащих населенных пунктах, это, так или иначе, отражается и на их дальнейшем профессиональном пути: они стремятся трудоустроиться в том городе, где они учились.

4. Еще до окончания вуза студенты начинают строить свои жизненные и профессиональные планы — так называемые поствузовские стратегии. В рамках данного исследования под поствузовскими стратегиями мы понимаем варианты жизненных планов человека, нацеленных на создание таких условий жизни,

которые позволят в наиболее полной мере реализовать его личный потенциал и удовлетворить потребности.

Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Что вы планируете для себя после завершения обучения в университете?», исходя из следующих вариантов ответов:

- буду искать работу на каком-то предприятии, в организации;
- буду пытаться открыть свое дело или независимо предлагать услуги в своей профессиональной сфере;
- хочу еще поучиться в другом вузе/по другой специальности;
- не хочу работать, буду домохозяйкой/домохозяином;
- буду учиться дальше по выбранной специальности (пойду в магистратуру/аспирантуру);
- встану на учет в службе занятости как безработный.

Наиболее востребованными и у мужчин, и у женщин оказались поиск работы и трудоустройство (в обоих случаях 89 %). 58 % выпускников твердо намерены искать работу по найму — на предприятии или в организации. Еще 31 % не уверены, но размышляют об этом же, что составляет почти абсолютное большинство опрошенных. Интересно, что большая доля выпускников (15 %) рассматривают вариант обращения за помощью в службу занятости населения. Иными словами, продолжая обучение в университете, они уже заранее низко оценивают свои шансы самостоятельно найти работу либо не желают этого делать. Еще 12 % выпускников предпочитают заниматься домашним хозяйством. 29 % выпускников хотят продолжать обучение (в своем или ином вузе).

5. Если говорить о том, какой вариант организации труда для выпускников университета предпочтительнее, то в данном случае заметна разница во мнениях между юношами и девушками. Для всех наиболее востребованным местом будущей работы является государственное предприятие. Скорее всего, этот факт связан с традиционным восприятием трудовой деятельности, что особенно выражено в регионах страны, а также, возможно, с тем, что государственные учреждения способны вместить большее число работников и предоставляют более стабильные рабочие места.

В этом смысле студенчество не уникальная группа. Такой тип трудоустройства наиболее популярен у студенток: около половины опрошенных женщин (45 %) хотели бы работать на государственных предприятиях. Несмотря на то что у юношей подобные ожидания по занятости также лидируют в опросе среди других вариантов (36 %), именно они чаще стремятся стать частными предпринимателями или включиться в самозанятость (34 %). В этом отношении мужская часть учащейся молодежи может выступать аттрактором в развитии новых форм занятости в России. Кроме того, стоит упомянуть, что мужчины в большей степени стремятся к независимости, к самовыражению вовне, чем женщины [Бурдые, 2005: 116].

Занятость в частном секторе российской экономики рассматривают около четверти опрошенных респондентов. Самой непопулярной у молодежи является некоммерческая сфера профессиональной деятельности. Понятно, что с точки зрения основных стимулов — материального вознаграждения, престижа — это отстающая сфера в России. И даже периодическое или регулярное участие

студентов в социально-проектной деятельности, которая в настоящее время распространена в российских вузах, не помогает перенаправить потоки выпускников. Участие в волонтерских движениях выступает для студентов лишь способом самореализации, проведения времени, наполнения портфолио и получения опыта. Среди опрошенных студентов-выпускников лишь 5 % юношей и 7 % девушек готовы работать в некоммерческом секторе.

6. Уже много сказано о том, что современный выпускник вуза, выходя на рынок труда, сталкивается с серьезными проблемами. Затруднения в поиске подходящего места работы, отсутствие необходимого профессионального опыта и трудовых навыков, завышенные требования со стороны работодателя нередко становятся причиной смены жизненной стратегии студента. Альтернативой занятости может стать продолжение обучения по специальности или получение иного образования.

Среди опрошенных студентов выпускных курсов ННГУ 58 % после окончания учебы намерены продолжить образование. Для 34 % студентов продолжение образования связано со своим же вузом: студенты хотели бы учиться в магистратуре, аспирантуре, получать второе высшее образование. Кроме того, ННГУ как традиционно наукоориентированный вуз предоставляет своим студентам и выпускникам разнообразные возможности для научно-исследовательской деятельности.

Итак, часть студентов способны поменять свои жизненные планы. Для 43 % бакалавров продолжение обучения в магистратуре является важным этапом в получении высшего образования по выбранной профессии. Данная стратегия привлекает 72 % юношей, завершающих обучение в бакалавриате, и 66 % девушек. Однако одновременно намечается тенденция по смене места получения студентами ННГУ дальнейшего или нового образования [Хусяинов, 2015]. Обучение в другом вузе планируют две трети опрошенных девушек и половина юношей. В целом поствузовская стратегия продолжения образования наиболее популярна у студенток-выпускниц, тогда как юноши скорее склонны попытаться закрепиться в реальной экономике.

Как менее предпочтительное дело выпускники выбирают ведение домашнего хозяйства и уход с рынка труда. Несмотря на то что данная модель поведения в целом характерна для женщин, все чаще можно встретить мужчин, которые намеренно выбирают для себя такие жизненные ориентиры [Сизова, 2012]. Новые веяния достаточно распространены и среди студентов ННГУ. Каждая четвертая выпускница в дальнейшем видит себя домохозяйкой, и каждый пятый выпускник не желает трудиться. Насколько такие взгляды студентов соразмерны новому образу современного общества, в котором размываются прежние модели семьи, семейные роли и гендерное поведение, сказать пока еще трудно, но, несомненно, в будущем подобные установки существенно повлияют на общее развитие страны. В целом с точки зрения поствузовских стратегий выпускников уже трудно выявить и обосновать типичное поведение мужчины и женщины и видение ими их будущей жизни, поскольку эти различия постепенно становятся несущественными.

Гендерная специфика в выборе последующих жизненных ориентиров выпускников университета в настоящее время заключается в том, что социальная мобильность, в том числе и на рынке труда, в большей степени характерна

для юношей. Современная образованная молодая женщина в России является опорой государственных структур. Еще одна особенность заключается в том, что среди тех выпускников, которые намерены продолжить свое образование, девушки чаще склоняются к смене места дальнейшей учебы, чаще желают получить образование в новой сфере, тогда как юноши остаются верны выбранной специальности и *alma mater*. В этом случае традиционализм скорее свойствен мужчинам, чем женщинам, поскольку с такими установками часто связаны надежды на высокий профессионализм, карьерный рост, длительную занятость. Девушки же предпочитают иметь более современные универсальные знания и умения, возможно, чтобы повысить свою конкурентоспособность на рынке труда.

В заключение отметим, что в современных стратегиях выпускников университета отмечаются некоторые изменения. К ним относится прежде всего стремительный рост количества девушек, обучающихся по специальностям физико-математического профиля. Кроме того, сокращается общее количество мужчин, получающих образование. Хотя у студентов все еще сохраняются традиционные представления о распределении женских и мужских ролей в обществе, опрос выявил небольшое количество юношей, желающих вести домашнее хозяйство. Девушек же, стремящихся к независимости и построению карьеры, становится все больше.

Несомненно, на формирование поствузовских стратегий оказывает влияние академическая среда университета. Это влияние выражается в готовности значительной части студентов продолжать обучение, заниматься научно-исследовательской работой, построить научную или преподавательскую карьеру.

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бурдьё П.* Социология социального пространства: пер. с фр. / общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
- Власов Н. М.* Особенности профессионального самоопределения и трудоустройства российских студентов // *Власть*. 2011. № 4. С. 38—41.
- Кладова Н. В.* Инновационный университет как основа развития научного потенциала студентов // *Надежды: сборник научных статей студентов*. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. Вып. 9 / науч. ред. З. Х. Саралиева. С. 32—37.
- Мальгина А. В.* Изменения смысловой сферы личности в ситуации профессионального выбора // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 3. С. 241—249.
- Сизова И. Л., Ермилова А. В., Хусьяинов Т. М.* «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета: (На примере факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2014. № 4. С. 84—89.
- Сизова И. Л.* «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 15, № 1 (61). С. 86—102.
- Хусьяинов Т. М.* Причины и возможности получения второго высшего образования российскими студентами // *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. 2015. № 2. С. 61—79.

References

- Berger, P., Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti*: Traktat po sotsiologii znaniia [The social construction of reality: A treatise on sociology of knowledge], Moscow: Medium.
- Burd'e, P. (2005) *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], St. Petersburg: Aleteiia.
- Vlasov, N. M. (2011) Osobennosti professional'nogo samoopredeleniia i trudoustroistva rossiiskikh studentov [Features of professional self-determination and employment of the Russian students], *Vlast'*, no. 4, pp. 38—41.
- Kladova, N. V. (2015) Innovatsionnyi universitet kak osnova razvitiia nauchnogo potentsiala studentov [Innovative university as the basis of students scientific potential], in: *Nadezhdy*: Sbornik nauchnykh statei studentov, no. 9, pp. 32—37.
- Mal'gina, A. V. (2014) Izmeneniia smyslovoi sfery lichnosti v situatsii professional'nogo vybora [Semantic sphere changes of a personality in the occupational choice situation], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia: Pedagogika i psikhologiia, no. 3, pp. 241—249.
- Sizova, I. L. (2012) "Novoe otsovstvo" v svete traditsii i innovatsii semeinoi politiki v Evrope ["The new fatherhood" in the context of the family policy traditions and innovations in Europe], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 15, no. 1 (61), pp. 86—102.
- Sizova, I. L., Ermilova, A. V., Khusiainov, T. M. (2014) «Gabitus fakul'teta» i sotsializatsiia studentov klassicheskogo universiteta: (Na primere fakul'teta sotsial'nykh nauk Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo) ["Faculty habitus" and socialization of a classical university students: (A case study of the faculty of social sciences of Lobachevskiy State University of Nizhniy Novgorod)], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, seriia Sotsial'nye nauki, no. 4, pp. 84—89.
- Khusiainov, T. M. (2015) Prichiny i vozmozhnosti polucheniia vtorogo vysshego obrazovaniia rossiiskimi studentami [The causes and the possibilities of obtaining second higher education of Russian students], *Vestnik po pedagogike i psikhologii Iuzhnoi Sibiri*, no. 2, pp. 61—79.

Статья поступила 17.09.2015 г.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

ББК 60.561.5

А. В. Ермилова

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ В ВОСПРИЯТИИ ДЕТЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Выявляются гендерно-региональные различия в восприятии детьми жизни после развода родителей, затрагивающие следующие аспекты детско-родительских отношений: отношение к разводу, удовлетворенность материальной обеспеченностью и жилищными условиями, наличие помощи со стороны отдельно проживающего родителя, частоту встреч с ним, причины запрета таких встреч, а также различия в желаниях детей общаться со вторым родителем в зависимости от их возраста и места проживания. Определяются факторы, способствующие увеличению количества неполных отцовских семей, и факторы, обуславливающие более быструю адаптацию детей после развода.

Ключевые слова: семья, брак, развод, родители, дети, отношения, восприятие, гендер.

A. V. Ermilova. The perception of children's life after the divorce: a sociological analysis

Regional differences in the children's perception of new lives after their parents' divorce are revealed. Reduction of interaction with their fathers is typical of children from single-parent families living in Nizhniy Novgorod; that process is proportionate to the increase of family separation time. It certainly is a negative consequence of the divorce. In the Ivanovo region fathers are more actively involved in the upbringing and care of the child, which leads to the increase of single-parent father families in the region. A strong tendency is observed: fathers with a high level of financial status choose to raise their children independently which, in turn, can foster in children a positive attitude to divorce. Identified gender-specific features of children's after divorce life mainly relate to the following aspects: the desire and frequency of meetings with separately living parent, satisfaction with material security after divorce and the availability of assistance from the other parent. The problems of single-parent families, namely the decline in the material standard of the family, the deterioration of living

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 69 — 79

© Ермилова А. В., 2016

Ермилова Анна Вячеславовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ermilova.75@bk.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevskiy State University, Nizhniy Novgorod, Russia).

conditions after the divorce, can be the basis of disapproving attitude to divorce on the part of children, who are experiencing negative feelings about it.

Key words: family, marriage, divorce, children, parent, relationships, perception, gender.

Семья играет основополагающую роль в формировании личности ребенка. Для его полноценного развития, исключения психических отклонений, предупреждения появления фобий, формирования гетеросексуальных навыков, стереотипа полоролевого поведения необходимо общение с родителями обоих полов [Андреева, 2004]. Однако в последнее время проблемы, связанные с семьей, приобретают все большую актуальность в обществе. Резко возросло количество разводов: распадается почти каждый второй брак. Доля неполных семей растет с каждым годом, и если, по данным переписи населения, в 2002 г. она составляла 23,2 %, то на настоящий момент выросла до 30 % (6,2 млн). В результате в Российской Федерации насчитывается 5,6 млн матерей-одиночек и 634,5 тыс. отцов-одиночек [Число неполных семей... , 2015]. К тому же статистика не учитывает, что многие юридически состоящие в браке супруги фактически проживают раздельно. После развода треугольная система отношений рушится, что может привести к негативным последствиям в развитии и социализации ребенка.

Вопросам адаптации личности ребенка после развода его родителей посвящены труды многих исследователей, в частности Л. И. Божовича, А. И. Кравченко, В. М. Целуйко, К. Е. Пикхарта, Е. И. Зритневой, Н. П. Клушиной, Г. М. Бреслава и других. В работах данных авторов нашли отражение вопросы, связанные с выявлением негативных последствий развода для ребенка в контексте его отношений с отдельно проживающим родителем. Существуют различные, зачастую противоречивые точки зрения о том, каким образом может повлиять на детей воспитание без отца, но почти все они сводятся к одной мысли: отсутствие в семье не просто отца, а прежде всего мужчины является важной предпосылкой возникновения отклонений в психическом развитии ребенка [Основы психологии семьи... , 2004]. Многие исследователи указывают, что неполная семья при определенных обстоятельствах выступает существенным фактором деформации его ценностных ориентаций, поведения, образа жизни в целом. Однако некоторые авторы отмечают, что в настоящее время в структуре современной неполной семьи наблюдается тенденция трансформации данного института, а именно увеличения отцовских семей [Егорова, Янак, 2014; Ермилова, 2015; Куракина, 2008]. Более глубокому изучению ранее указанных аспектов жизнедеятельности семьи после развода посвящено данное социологическое исследование, цель которого — выявление гендерных особенностей восприятия детьми жизни после развода родителей, проживающих в двух регионах РФ — Нижегородской и Ивановской областях. Объектом исследования являются дети из разведенных семей. Предмет исследования — гендерное восприятие детьми детско-родительских отношений после развода, а именно: их отношение к разводу, удовлетворенность материальной обеспеченностью, желание ребенка встречаться с отдельно проживающим родителем и частота этих встреч, причины запрета таких встреч и др. Для реализации поставленной цели был использован такой метод, как индивидуальное очное анкетирование, в ходе которого было опрошено две группы респондентов: 1) в г. Иваново опрос детей проводился

на базе МОУ СОШ № 42 и № 1, а также методом снежного кома ($N_{и} = 100$ чел.); 2) в г. Нижний Новгород — на базе МБОУ гимназии № 80, МОУ СОШ № 79 ($N_{н} = 100$ чел.).

Научная новизна исследования состоит в том, что автор, во-первых, дает сравнительную характеристику восприятия жизни детьми после развода родителей, проживающих в Иванове и Нижнем Новгороде, во-вторых, выявляет гендерную специфику детско-родительских отношений после развода.

В исследовании приняли участие 200 человек, из них 48 % мальчиков и 52 % девочек в возрасте от 10 до 15 лет.

Таблица 1

Половозрастное распределение опрошенных детей, % ($N = 200$ чел.)

Возраст, лет	г. Иваново		г. Нижний Новгород	
	Пол		Пол	
	М	Ж	М	Ж
10—12	45,8	26,9	30,4	33,4
13—14	29,2	30,8	30,4	25,9
15—16	25,0	42,3	39,2	40,7

Следует отметить, что распределение детей по возрасту преимущественно равномерное независимо от места проживания с небольшим преобладанием мальчиков 10—12 лет из Иванова (45,8 % против 30,4) и 15—16 лет из Нижнего Новгорода (39,2 % против 25,0) (табл. 1).

Немаловажным при обнаружении особенностей взаимоотношений детей с отдельно проживающим родителем является стаж брака родителей. Здесь следует уточнить, что в ходе анализа данных не было выявлено территориальных особенностей в распределении этого признака. Основной пик разводов приходится на стаж брака 15 и более лет (на данный интервал указали 36,0 % детей) либо от 5 до 10 лет (22,0 %) и от 10 до 15 лет (18,0 %). Гораздо реже разводятся супруги с меньшей продолжительностью семейной жизни: со стажем брака до 3 лет — 14,0 %; от 3 до 5 лет — 10,0 %. Увеличение числа разводов в группах со стажем семейной жизни 15 и более лет, по нашему мнению, может быть связано в первую очередь с такими факторами, как либерализация взглядов на развод и укрепление самостоятельности и социального равноправия женщин.

Пол родителя, с которым остается жить ребенок, оказывает влияние на эффективность преодоления им трудностей ситуации развода. Большое число поведенческих проблем констатировалось в случае, когда дети оставались в семье с родителем противоположного пола. В настоящее время все дети, которые были опрошены в Нижнем Новгороде, проживают со своими матерями, тогда как в Иванове можно наблюдать иную ситуацию: 58 % из опрошенных детей после развода родителей остались с матерью, 36,0 % ребят проживают с отцами и 6,0 % находятся на попечении у других родственников (табл. 2).

Таблица 2

Совместно проживающий член семьи с детьми разного пола и возраста, %
(N_и = 100 чел.)

Социально-демографические характеристики детей	Совместно проживающий член семьи		
	Мать	Отец	Другой родственник (бабушка, дедушка, тетя, дядя и т. д.)
Пол:			
М	45,8	45,8	8,4
Ж	69,2	26,9	3,9
Возраст, лет:			
10—12	38,9	50,0	11,1
13—14	50,0	37,5	12,5
15—16	57,1	42,9	0,0

Следует обратить внимание на то, что значительная часть девочек (26,9 %), особенно младшей возрастной категории, в настоящее время проживают совместно с отцами. Такая ситуация может отрицательно сказаться на их развитии, способствовать возникновению многих поведенческих проблем. Аналогичные трудности появляются и в случае, когда ребенок мужского пола остается жить с матерью. Здесь, как правило, не исключается проблема самоопределения (отсутствие образца поведения отца) и проблема девиантного поведения.

Оценивая жилищные условия неполных семей, мы можем наблюдать некоторые различия в зависимости от места проживания. Наиболее благоприятные условия отмечены в Иванове, так как именно здесь преобладают семьи, которые имеют собственные квартиры со всеми удобствами (70,0 % против 57,3). Несмотря на то что 10,0 % неполных семей из Иванова и 12,4 % неполных семей из Нижнего Новгорода живут в собственных домах, остается значительная часть опрошенных, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, поскольку в настоящее время осуществляют свою жизнедеятельность в общежитиях (Иваново — 10,0 %, Нижний Новгород — 1,9 %). К тому же в Нижнем Новгороде значительная часть ребят проживают со своим родителем в съемных квартирах (18,6 % против 10,0) и коммунальных (10,0 % против 0,0). При этом мы можем наблюдать тенденцию, характерную для г. Иваново. Она заключается в том, что часть мужчин, с которыми остаются дети разной половой принадлежности, предпочитают в большей степени снимать жилье, тогда как часть женщин переезжают с ребенком (детьми) на постоянное место жительства в общежития.

В нашем обществе сложился стереотип, что неполные семьи в большинстве своем относятся к категории малообеспеченных. Исследовательский интерес был направлен на подтверждение данного стереотипа либо на его опровержение. Большинство ребят независимо от места проживания имеют представление об уровне дохода в своих семьях. Следует указать, что уровень среднемесячного дохода в неполных семьях, проживающих в Нижнем Новгороде, выше по сравнению с данным уровнем в Иванове: менее 10 тыс. руб. — 6,8 и 15,5 %; от 10 до 20 тыс. руб. — 43,0 и 49,0 %; от 20 до 30 тыс. руб. — 28,7 и 19,5 %; 30 тыс. руб. и более — 21,5 и 16,0 % соответственно.

Таблица 3

**Удовлетворенность материальной обеспеченностью в неполных семьях
в зависимости от пола и возраста детей, % (Nн = 100 чел., Ni = 100 чел.)**

Социально-демографические характеристики детей	Уровень материальной обеспеченности						Затрудняюсь ответить	
	высокий		средний		низкий			
	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн
Пол:								
М	37,5	13,0	33,3	56,5	29,2	30,4	0,0	0,0
Ж	23,1	0,0	38,5	70,4	34,6	29,6	3,8	0,0
Возраст, лет:								
10—12	33,4	6,3	44,4	56,3	22,2	37,5	0,0	0,0
13—14	37,5	0,0	25,0	34,4	37,5	21,4	0,0	0,0
14—16	42,9	10,0	28,6	60,0	28,6	30,0	0,0	0,0

Несмотря на то что реальный уровень доходов в неполных семьях, проживающих в Иванове, гораздо ниже, их удовлетворенность материальной обеспеченностью значительно выше, чем в нижегородских семьях (табл. 3). Большинство ребят из Нижнего Новгорода отнесли свои семьи к категории среднеобеспеченных, а также к категории семей с низким уровнем материальной обеспеченности. Следует уточнить, что дети из Иванова, идентифицирующие свои семьи как семьи с высоким уровнем материальной обеспеченности, в большинстве своем проживают совместно с отцами, которые имеют возможность получать большие доходы. Следует также особое внимание обратить на тот факт, что в обоих городах (в основном в Иванове) были респондентки-матери, которые до разрыва отношений со своим супругом не занимались трудовой деятельностью. После же развода не осталось ни одной неработающей женщины. Следовательно, приведенные выше социологические данные едва ли позволят нам опровергнуть сложившийся стереотип, связанный с малообеспеченностью неполных семей. Вследствие этого значительная часть детей, особенно старшей возрастной категории обоих полов, независимо от места проживания занимаются трудовой деятельностью (60,0 %). Их работа чаще всего носит временный характер (преимущественно в каникулярный период) (34,0 %). Тем не менее сохраняется значительная часть детей, для которых характерен постоянный вид занятости (26,0 %). Это в основном мальчики старше 14 лет, имеющие право на сокращенный рабочий день или неполную рабочую неделю.

Для ребенка жизнь после развода родителей — это ломка привычных отношений, конфликт между привязанностями к отцу и к матери. В силу особенностей подросткового возраста дети с трудом адаптируются к новому образу жизни. Данный факт мы принимали во внимание при выявлении отношения детей к разводу своих родителей (табл. 4).

Таблица 4

**Отношение детей к разводу в зависимости
от их социально-демографических характеристик, % (Nн = 100 чел., Ni = 100 чел.)**

Социально-демографические характеристики детей	Отношение к разводу					
	плохое		нейтральное		положительное	
	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи
Пол:						
М	17,4	29,5	56,5	49,0	26,1	21,5
Ж	29,6	41,5	59,3	38,5	11,1	20,0
Возраст, лет:						
10—12	75,0	78,4	12,5	15,0	12,5	6,6
13—14	0,0	27,6	71,4	45,5	28,6	26,9
15—16	0,0	0,0	85,0	70,0	15,0	30,0
Категория обеспеченности:						
малообеспеченные	33,3	59,5	33,3	20,0	33,3	20,5
среднеобеспеченные	21,9	34,6	68,8	52,4	9,4	13,0
обеспеченные	0,0	0,0	66,7	63,0	33,3	37,0

Анализируя полученные данные, можно обнаружить некоторые особенности в отношении детей к разводу в зависимости от социально-демографических показателей: во-первых, наиболее негативное отношение к разводу наблюдается у респондентов женского пола младших возрастных групп с низким уровнем материальной обеспеченности, проживающих преимущественно в Иванове; во-вторых, представители Нижнего Новгорода предпочитают в большей степени сохранять нейтральную позицию и не вмешиваться в дела родителей, причем данное отношение начинает доминировать у детей старше 13 лет из семей с достаточно высоким уровнем материальной обеспеченности; в-третьих, положительное отношение к разводу в основном характерно для молодых людей в возрасте от 13 до 17 лет, которые считают свои семьи обеспеченными. Нельзя не указать на то, что среди представителей Иванова значительная группа ребят, как мы отмечали выше, после развода родителей осталась жить с отцами и именно у этих детей в большей степени проявляется положительное отношение к разводу.

Развод в семье с детьми не означает ее ликвидации и прекращения функционирования. Семья должна сохранять по крайней мере одну, но важнейшую функцию — воспитание детей. Разведенные супруги перестают быть мужем и женой, но всегда обязаны оставаться родителями своих детей. Поэтому особое внимание следует уделить вопросам, которые позволяют дать характеристику различным аспектам взаимодействия ребенка с отдельно проживающим родителем.

Таблица 5

Частота встреч ребенка со вторым родителем в зависимости от социально-демографических характеристик, % (Nн = 100 чел., Ni = 100 чел.)

Социально-демографические характеристики детей	Частота встреч												
	Несколько раз в неделю		1—2 раза в месяц		По праздникам		Вообще не вижу		На каникулах		Каждый день		
	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи	
Пол:													
М	21,7	41,4	21,7	20,8	17,4	8,3	39,1	16,7	0,0	0,0	0,0	12,8	
Ж	18,5	0,0	25,9	50,0	25,9	23,0	22,2	11,5	3,7	11,5	3,7	3,8	
Возраст, лет:													
10—12	18,8	11,1	43,8	27,8	18,8	11,1	18,8	22,2	0,0	11,1	0,0	16,7	
13—14	28,6	57,1	14,3	28,6	14,3	0,0	35,7	0,0	0,0	0,0	7,1	14,3	
15—16	15,0	11,8	15,0	58,8	30,0	11,8	35,0	17,6	5,0	0,0	0,0	0,0	

Самая высокая частота общения с ребенком в большей степени характерна для отдельно проживающих родителей-отцов из Иванова, которые имеют возможность поддерживать отношения с ним каждый день (иногда даже помогают делать уроки, как указывают сами дети), преимущественно это сыновья младших возрастных групп. Однако наиболее распространенная частота общения детей с родителями, которые не живут вместе с ними, — встречи 1—2 раза в месяц, причем такие «свидания» имеют специфику в зависимости от места проживания неполной семьи (табл. 5). Среди ребят из Нижнего Новгорода данная частота общения характерна преимущественно для младшей возрастной категории, тогда как в Иванове с увеличением возраста повышается процент детей с такой частотой встреч. Следует отметить, что около 31,0 % детей, проживающих в Нижнем Новгороде, и 14,0 % участников опроса из Иванова в настоящее время прекратили общение с отдельно проживающим родителем. Причиной этого может являться, например, запрет на общение с ним.

Таблица 6

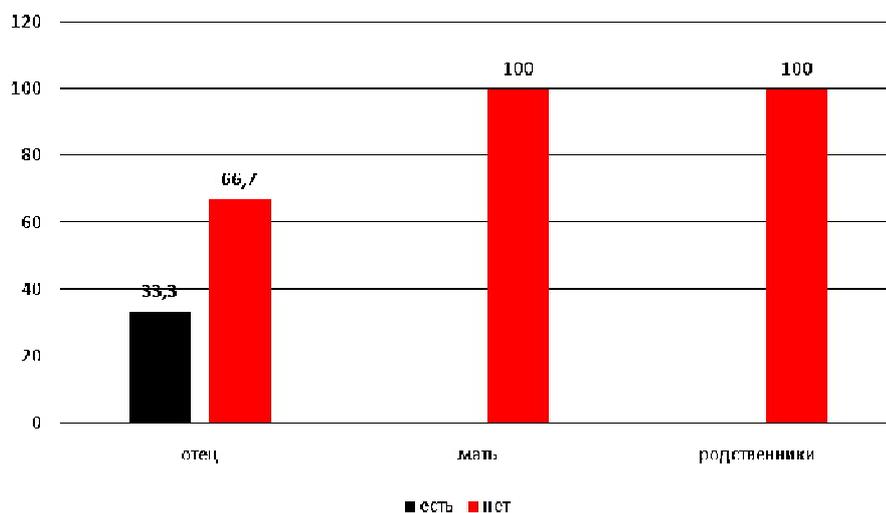
Наличие запрета на общение ребенка с отдельно проживающим родителем в зависимости от социально-демографических характеристик детей, % (Nн = 100 чел., Ni = 100 чел.)

Социально-демографические характеристики детей	Наличие запрета		Отсутствие запрета	
	Nи	Nн	Nи	Nн
Пол:				
М	8,3	13,1	91,7	86,9
Ж	15,4	14,8	84,6	85,2
Возраст, лет:				
10—12	11,1	18,8	88,9	81,2
13—14	12,5	35,7	87,5	64,3
15—16	17,6	5,0	82,4	95,0

В Нижнем Новгороде запрет на общение со вторым родителем детьми старшей возрастной категории отмечается редко (95,0 %), тогда как в Иванове сохраняется значительная доля ребят в возрасте 15—16 лет, которым запрещено видеться со своим отцом/матерью (17,6 %) (табл. 6). Главная причина запрета, по мнению ребят, кроется в девиантном поведении отдельно проживающего родителя. Частым поводом отказа в общении с ребенком является алкоголизм отца/матери (два мальчика, родные братья из Иванова, указали, что не общаются со своей матерью, так как у нее уже другая семья, в которой появились дети; одна девочка из Иванова не поддерживает отношений с матерью из-за ее алкогольной зависимости).

Отвечая на вопрос, связанный с информированностью о причинах развода родителей, дети независимо от места проживания указали следующие обстоятельства: пьянство (алкоголизм) одного из родителей — 39,0—45,0 %; нарушение супружеской верности — 27,0—35,0 %; несовместимость характеров супругов — 26,0—28,0 % (интервалы колеблются в зависимости от места проживания). Данные факты подтверждают, что алкоголизация населения не только разрушает семьи, но и может способствовать вовлечению подростков в преступную среду, а также приводить к демографическому кризису в указанных регионах. Респонденты отметили и другие причины, по которым детям не позволяют общаться со вторым родителем: во-первых, это боязнь потерять ребенка в силу того, что отдельно проживающий родственник может настроить его против матери/отца; во-вторых, родители, проживающие с детьми, очень переживают по поводу того, что ребенку больше понравится проводить время со вторым родителем и он предпочтет остаться жить с ним.

Анализируя полученные данные, следует отметить, что негативное отношение к бывшим супругам, проживающим отдельно, которое проявляется в запрете на их общение с детьми, в большей степени характерно для отцов из Иванова (рисунок).

Наличие запрета на общение с ребенком отдельно проживающего родителя, %
(Ni = 36 чел.)

Значительная часть отцов-одиночек (33,3 %) из Иванова запрещают своим детям встречаться с их матерями. Мужчины данной категории являются достаточно обеспеченными и предпочитают самостоятельно воспитывать ребенка, тогда как бывшие супруги, как правило, успевают обзавестись семьей и родить ребенка в новом браке. Следовательно, в настоящее время наблюдается тенденция трансформации структуры неполной семьи: все чаще приходится сталкиваться с новой моделью неполной семьи — отцовской семьей, которая большее распространение получает в Иванове. Тем не менее, несмотря на запреты родителей, дети могут испытывать потребность видеться, общаться с отцом/матерью, которые после развода живут отдельно.

Таблица 7

Желание детей общаться с родителем, проживающим отдельно, в зависимости от пола и возраста, % (Nн = 100 чел., Ni = 100 чел.)

Социально-демографические характеристики	Желание ребенка					
	Да, хочу		Особого желания не испытываю		Категорически не хочу	
	Nн	Nи	Nн	Nи	Nн	Nи
Пол:						
М	30,4	31,8	52,2	13,6	17,4	54,5
Ж	51,9	7,7	33,3	42,3	14,8	50,0
Возраст, лет:						
10—12	68,8	25,0	31,3	0,0	0,0	75,0
12—14	28,6	14,3	35,7	28,6	35,7	57,1
15—16	30,0	23,5	50,0	47,1	20,0	29,4

Анализируя полученные данные, мы можем проследить различия в желаниях детей общаться со вторым родителем в зависимости от места проживания (табл. 7). Наибольшую потребность в общении испытывают самые маленькие нижегородцы (68,8 %) преимущественно женского пола (51,9 % против 30,4), тогда как значительная часть представителей Иванова категорически отказываются от общения со своим вторым родителем, причем с уменьшением возраста детей данный показатель возрастает (15—16 лет — 29,4 %; 13—14 лет — 57,1 %; 10—12 лет — 75,0 %). Вариант ответа «Особого желания не испытываю» указала достаточно большая доля опрошенных из обоих городов, однако дети из Нижнего Новгорода чаще выбирали этот ответ; по-видимому, они не хотят обижать ни мать, ни отца.

В сфере детско-родительских отношений фаза перестройки характеризуется изменением системы семейного воспитания с учетом новых реалий жизни семьи — трудовой занятости матери и снижения меры участия отца в процессе воспитания. Нас, в частности, интересовал вопрос, связанный с осведомленностью детей о денежных выплатах, осуществляемых родителем, с которым они не проживают. Анализируя полученную информацию, мы не выявили особых различий по этому вопросу в зависимости от места проживания неполных семей: около 36 % отцов (отдельно проживающие матери в Иванове не осуществляют

выплату алиментов) ежемесячно выплачивают определенную денежную сумму своим детям; около 8,0 % ребят не обладают соответствующей информацией; 56,0 % отдельно проживающих родителей в настоящее время не платят алименты своим детям и, как указывают сами дети, вообще не участвуют в их жизни. Однако следует отметить, что в Нижнем Новгороде процент родителей, которые выплачивают алименты, начинает резко снижаться по мере увеличения возраста детей (10—12 лет — 50,0 %; 12—13 лет — 29,9 %; 15—16 лет — 20,1 %), тогда как в Иванове прослеживается противоположная тенденция: с увеличением возраста детей пропорционально увеличиваются и выплаты алиментов (10—12 лет — 33,3 %; 13—14 лет — 37,5 %; 15—16 лет — 42,7 %). Те же отцы, которые исправно выплачивают алименты, как правило, в большей степени интересуются жизнью ребенка, а также помогают в решении проблем подрастающего поколения.

Для того чтобы ребенок как можно легче пережил развод, родители должны поддерживать взаимоотношения. Из всей совокупности респондентов только от 36 до 42 % опрошенных (в зависимости от места проживания) указали, что их родители действительно общаются друг с другом. Однако достаточно велик процент тех, кто ответил отрицательно (58—64 %). При анкетировании дети отмечали следующие причины отказа родителей от общения: алкоголизм одного из родителей; обида друг на друга (чаще всего в основе данной причины лежит измена супруга/супруги); непонимание, возникшее между бывшими супругами после развода, а также взаимная ненависть родителей (в основе этих причин лежат разногласия, которые сопряжены с разделом имущества).

Итак, мы можем констатировать, что общение детей с отдельно проживающим родителем имеет региональные особенности. Для неполных семей из Нижнего Новгорода характерно сокращение взаимодействия детей с отцами по мере увеличения времени с момента развода, что является негативным последствием сепарации. Бывшая супруга явно не стремится разорвать отношения между ребенком и отцом, а если и запрещает ребенку общаться со своим вторым родителем, то в основном по причине его девиантного поведения (алкоголизм). В Иванове ситуация сложнее. Так, в настоящее время отцы из этого города значительно активнее участвуют в воспитании ребенка и уходе за ним буквально с раннего возраста, в итоге они предпочитают после развода оставлять детей у себя и воспитывать их самостоятельно. Большая часть таких отцов с достаточно высоким уровнем материальной обеспеченности буквально «протестуют» против общения детей со своими матерями, которые успевают обзавестись новой семьей, тогда как их дети особо не переживают по поводу развода своих родителей, а скорее даже одобряют его. Следовательно, высокий уровень доходов отцов и быстрое создание матерями новых семей — это те факторы, которые позволяют детям адаптироваться к изменившимся условиям существования за более короткий срок. Тем не менее и в Иванове значительная часть детей преимущественно в возрасте до 12 лет, проживающих в данный момент с матерями, испытывают чувство сожаления по поводу развода своих родителей. Такое чувство детей можно объяснить, во-первых, снижением материального уровня семьи после развода, во-вторых, ухудшением жилищных условий; в-третьих, естественно, любовью к отдельно проживающему родителю.

Таким образом, прослеживаются гендерные различия в восприятии детьми жизни после развода родителей, затрагивающие следующие аспекты детско-родительских отношений: отношение к разводу, желание и частоту встреч с отдельно проживающим родителем, удовлетворенность материальной обеспеченностью и наличие помощи со стороны второго родителя.

Библиографический список

- Андреева Т. В. Семейная психология. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
- Егорова Н. Ю., Янак А. Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. Вып. 2. С. 42—46.
- Ермилова А. В. Развод глазами ребенка: социологический анализ // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. Вып. 1. С. 115—120.
- Куракина Л. М. Специфика современного отцовства // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. С. 579—583.
- Основы психологии семьи и семейного консультирования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. Н. Н. Посысоева. М.: ВЛАДОС-Пресс, 2004. 328 с.
- Число неполных семей в России выросло до шести миллионов // Официальный сайт «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2012/04/26/semya-anons.html> (дата обращения: 15.04.2015).

References

- Andreeva, T. V. (2004) *Semeĭnaia psikhologiya* [Family psychology], St. Petersburg: Rech'.
- Chislo nepolnykh semeĭ v Rossii vyroslo do shesti millionov (2012) [The number of single-parent families in Russia increased to six million], *Ofitsial'nyĭ sait "Rossiĭskoiĭ gazety"*, available from <http://www.rg.ru/2012/04/26/semya-anons.html> (accessed 15.04.2015).
- Egorova, N. Yu., Yanak, A. L. (2014) *Ottsovskaiia sem'ia kak novyi klient sotsial'noi raboty* [His father's family as a new client of social work], *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, seriia Sotsial'nye nauki*, no. 2, pp. 42—46.
- Ermilova, A. V. (2015) *Razvod glazami rebēnka: sotsiologicheskii analiz* [Divorce through the eyes of a child: a sociological analysis], *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, seriia Sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 115—120.
- Kurakina, L. M. (2008) *Spetsifika sovremennogo ottsovstva* [The specificity of modern fatherhood], in: Saralieva, Z. Kh. (ed.), *Sem'ia i semeĭnye otnosheniia: sovremennoe sostoianie i tendentsii razvitiia*, Nizhniĭ Novgorod: NISOTS, pp. 579—583.
- Posysoev, N. N. (ed.) (2004) *Osnovy psikhologii sem'i i semeĭnogo konsul'tirovaniia* [Fundamentals of family psychology and family counseling], Moscow: VLADOS-Press.

Статья поступила 05.05.2015 г.

ББК 74.660.1

О. И. Ключко

МОДЕЛИ ПОЛОРОЛЕВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Исследуются традиционная и гендерная модели полоролевой социализации в образовании и критерии их анализа. Образовательные цели, дифференцированные по половому признаку формы, методы и приемы обучения и воспитания определены как существенные диагностические параметры реализуемой модели. Зафиксирован низкий уровень рефлексии и информированности по данной проблеме у педагогов-практиков Москвы, что порождает мифологизацию гендерного подхода.

Ключевые слова: полоролевая социализация, традиционная и гендерная модели, высшее, дошкольное, начальное образование, критерии анализа.

O. I. Klyuchko. Models of sex-role socialization in Russian education

The article proposes traditional and gender models of sex-role socialization in education and the criteria for their analysis. Differentiated by gender, the goals, forms, methods and techniques of training and education are identified as essential diagnostic criteria of the applied model. Regulatory documents of the Russian education fixate purposes of the gender model. Analysis of educational practice reveals the traditional content and differentiated methods. Discrepancy of modern purposes and traditional methods and content leads to pseudo gender model of sex-role socialization in Russian education.

The author notes the low level of reflection and awareness of this issue among teachers in Moscow which, in turn, creates many myths about gender approach. The content of professional teacher education needs to be updated, as is the scientific context in which models of sex-role socialization are formed and introduced into Russian education.

Key words: sex-role socialization, traditional and gender models, higher education, pre-school, primary education, criteria for their analysis.

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 80—91

© Ключко О. И., 2016

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-16-77006.

Ключко Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор кафедры психологии образования, Институт педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, olga_klioutchko@rambler.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Psychology of Education, the Institute of Pedagogics and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia).

В современной психолого-педагогической науке социализация рассматривается как двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, в систему социальных связей, а с другой — процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [Андреева, 2014: 267; Коджаспирова, 2015: 23]. В то же время анализ полоролевой социализации разными авторами акцентирует в основном процесс усвоения и демонстрации в поведении норм, правил и установок в соответствии с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе, демонстрируя то, каким образом общество оказывает воздействие на человека, предлагая ему для воспроизведения полотипичные модели поведения (см., напр.: [Малкина-Пых, 2007; Клецина, 2010]). Однако это лишь одна сторона данного процесса, поскольку социализация не ограничивается интериоризацией.

Нам ближе точка зрения на процесс социализации как решение двух групп задач: социальной адаптации и социальной автономизации личности. Социальная адаптация предполагает активное приспособление индивида к условиям среды, социальная автономизация — реализацию совокупности установок на себя, устойчивость в поведении и отношениях, которая соответствует представлению личности о себе, ее самооценке [Рожков, Байбородова, 2000: 7—9]. Но в это диалектическое единство необходимо включить еще один критерий социализации — социальную активность как способность к преобразованиям общества, среды и себя как члена этого общества. Таким образом, *критериями социализации человека* будут являться социальная адаптированность, социальная автономность и социальная активность. Два последних критерия привлекают внимание к вариативности и расширению содержания полоролевой социализации.

Степень полоролевой социализированности можно описать исходя из усвоения предлагаемых ролей. Социальная адаптированность проявляется в степени согласия и реализации предлагаемых обществом моделей полоролевой социализации, автономность — в понимании их относительности и возможности принятия/непринятия, а также трансформации в зависимости от собственных особенностей, социальная активность — в стремлении сохранять или изменять существующие роли. Таким образом, человек с высоким уровнем полоролевых стереотипов может проявлять высокую адаптивность, следуя предлагаемым нормам, но низкую автономность, не пытаясь эти нормы подстроить под себя. Социальная активность у такого человека может быть как высокой (и выражаться в стремлении сохранить существующие нормы), так и низкой. И наоборот, человек, не принимающий традиционные роли, может быть высоко автономен и активен, разрушая старые и формируя новые роли, но низко адаптивен в силу конфликтности.

Такая схема анализа была бы легко применима, если бы мы имели лишь одну роль для каждого пола, однако широкий диапазон ролей современных мужчин и женщин с неизбежностью ведет к тому, что к человеку практически одновременно предъявляются требования разных ролей. Соответственно степень адаптивности, автономности, активности в одной роли, например в роли матери, может не иметь прямой корреляции с показателями социализации в роли профессионала.

В традиционных обществах модели мужского и женского поведения не просто различаются: социальные роли мужчин и женщин дифференцированы, а статусные позиции иерархично выстроены. Для современных (постиндустриальных) обществ характерна тенденция все большего сближения мужских и женских ролей и статусных позиций не только в обществе, но и в семье. Речь идет о расширении репертуара характеристик личности и поведенческих проявлений, обусловленных интересами, увлечениями и профессиональными предпочтениями. Какие роли для мужчин и женщин (как содержание социализации) предлагает современное российское образование — вопрос, не имеющий однозначного ответа: в истории российского образования за последние два века на него отвечали по-разному [Штылева, 2012].

Попытки ответить на этот вопрос и интеграция гендерного подхода в психологию и педагогику привели к появлению таких близких *типологий полоролевой социализации*, как:

- гендерно-схематизированная и нейтральная [Бем, 2004];
- дифференцированная и недифференцированная по полу [Блок, 2001].

Соглашаясь в целом с подобными типологиями, основанными на противопоставлении различий мужчин и женщин, хотелось бы привлечь внимание к практике полоролевой социализации в современном российском образовании. На основании соответствия тенденциям современного общества — ненормативности, эгалитарности и партнерства — Л. В. Штылева предлагает два подхода (модели) к социализации полов — традиционную и эгалитарную стратегии [Штылева, 2008].

Учитывая неоднозначную интерпретацию данной проблемы как исследователями, так и педагогами-практиками, предлагаем дополнить данную типологию еще одной моделью — квазигендерной (квазиэгалитарной).

Традиционная (патриархатная) модель характеризуется жесткой нормативностью «мужского» и «женского» и соответствующими стереотипами; стремлением развивать в детях мужественность и женственность соответственно полу; дифференциацией целей, содержания, форм, методов образования по половому признаку. Примером такой модели может служить дифференциация школьного обучения по половому признаку в российских школах XIX — начала XX в.

Гендерной (эгалитарной) модели присущи учет личностных особенностей детей; отсутствие противопоставления «мужского» и «женского»; стремление развивать сочетание разных характеристик; сотрудничество, партнерство мужчин и женщин, мальчиков и девочек; обогащение содержания образования различными гендерными образами; стремление раскрыть потенциал учащихся независимо от половой принадлежности.

Квазиэгалитарная модель — не столько самостоятельная, сколько переходная, в целом методологически некорректная и, к сожалению, весьма распространенная. Ее суть — в постановке целей, присущих гендерной модели, но при сохранении традиционного содержания образования и дифференцированных по полу методов. Например, уроки труда (сейчас — «Технология») в школе сохраняют дифференциацию по полу и в настоящее время. Полагаем, что в силу требований современных ФГОС формулируются (скорее, заимствуются из документов) цели эгалитарные, однако стереотипные педагогические идеалы

и привычные образовательные методы не позволяют изменить содержание социализации.

Чтобы определить модель, реализуемую в конкретном образовательном учреждении, необходимо систематизировать критерии анализа полоролевой социализации в образовании. Опыт анализа образования, накопленный за последние 20 лет существования гендерных исследований в России и за рубежом, наглядно иллюстрирует всю вариативность подходов к оценке полоролевой социализации. Предпримем попытку выделения и систематизации критериев анализа полоролевой социализации в образовании разного уровня.

Поскольку гендерный подход начал разрабатываться и внедряться в высшей школе, очевидно, что существует связь между уровнем институционализации гендерного подхода в научном и вузовском сообществе и его интеграцией в образовательных организациях (школы, детские сады, колледжи и пр.). Институционализация гендерного подхода в образовании определяется прежде всего следующими признаками:

- нормативным введением знаний о полоролевой социализации и гендерном подходе (как современной теории в ее изучении) в программы профессиональной подготовки и повышения квалификации педагогов;
- наличием программ, учебников и учебно-методических пособий для преподавателей, студентов, практиков;
- использованием полового/гендерного подхода для совершенствования деятельности образовательных организаций.

Впервые подобный анализ учебников и учебных пособий высшей школы был проведен в 2004—2005 гг. [Гендерная экспертиза... , 2005]. Констатировалось преимущественное отсутствие гендерного подхода или некорректное его отражение в учебниках социального и гуманитарного профиля и в современных образовательных стандартах. Наиболее часто использовались критерии наличия/отсутствия гендерной терминологии и проблематики в содержании учебников и учебных пособий, рекомендованных УМО по соответствующим специальностям, определялась корректность подачи и интерпретации этой проблематики, а также образов мужчин и женщин, представляемых в учебниках, устанавливались их роли и характеристики.

Гендерный анализ учебников для педагогического образования проводился в 2005 г. Т. Б. Рябовой. Она подчеркивает, что в вузовских учебниках по педагогике формируются и корректируются представления о том, что есть мужское и женское, и поддерживаются гендерные стереотипы. Целью своего анализа она видит выявление того, в какой степени здесь учитывается фактор пола, а также в какой мере авторами востребованы положения исследований по проблемам гендерной педагогики, теории и методологии гендерных исследований в целом.

Вывод о фактическом отсутствии гендерного подхода в учебниках по педагогике не стал неожиданностью: авторы, помня о возрастных и индивидуальных особенностях школьников, забывают об особенностях гендерных; некорректно используется язык, что ведет к искажению представлений о ролях и качествах мужчин и женщин; опыт и достижения гендерных исследований в области педагогики практически игнорируются [Рябова, 2005].

Большинство современных учебников по педагогике гендерный подход по-прежнему игнорируют, однако есть и исключения (И. П. Подласый, Г. М. Коджаспирова, Л. В. Градусова). И все же вряд ли можно считать представленность гендерного подхода в подготовке педагогов достаточной.

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 033400 «Педагогика» Н. Б. Гафизова в 2005 г. охарактеризует как гендерно-нечувствительный [Гафизова, 2005]. В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования по педагогическому и психолого-педагогическому направлениям подготовки (уровень — магистратура) 2010 и 2013 гг. термины «пол» и «гендер» отсутствуют. Это, мягко говоря, озадачивает, поскольку будущему магистру предстоит осуществлять экспертизу образовательных программ, проектов, технологий с точки зрения их соответствия возрастным возможностям обучающихся и современным научным подходам в возрастной, педагогической и социальной психологии.

Так же обстоит дело и с Федеральным государственным образовательным стандартом психолого-педагогического направления (уровень — бакалавриат), несмотря на то что объектами профессиональной деятельности бакалавров являются обучение, воспитание и, что особенно важно, индивидуально-личностное развитие обучающихся. Бакалавр должен быть способен учитывать общие, специфические (при разных типах нарушений) закономерности и индивидуальные особенности психического и психофизиологического развития, особенности регуляции поведения и деятельности человека на различных возрастных ступенях (общепрофессиональные компетенции), однако ни о половых, ни тем более о гендерных особенностях тоже нигде упоминаний нет.

Очевидно, что в зависимости от содержания педагогического образования, от принятия педагогами идей структурно-функционального (полового) либо гендерного подходов содержание педагогического сопровождения школьников в процессе их полоролевой социализации будет различным.

Так, в соответствии со *структурно-функциональным подходом* роли мужчин и женщин различаются. В нашей трактовке наиболее близкая этому подходу модель социализации — традиционная. И. С. Клещина полагает, что педагоги, принимающие данную позицию, осуществляют педагогическое сопровождение, имея четкий образ «правильной», нормативно заданной мужественности и женственности [Клещина, 2010]. Содержание педагогического сопровождения в этом случае определяется следующими принципами:

- подчеркивание различий между лицами женского и мужского пола;
- ориентация на их «особое предназначение» и взаимодополнительность их социальных ролей;
- закрепление соответствующих полу интересов и предпочтений;
- игнорирование индивидуальности личности и ограничение свободы ребенка.

Если педагоги принимают идею гендерного подхода, то содержание педагогического сопровождения школьников определяется совсем другими принципами [Семёнова Л., Семёнова В., 2009]:

- отказ от дифференцированных по половому признаку воспитательных влияний;
- признание взаимозаменяемости женских и мужских социальных ролей;
- реализация идей гендерного равенства;
- обеспечение каждому ребенку свободы выбора, поощрение его индивидуальных интересов и предпочтений;
- создание условий для возможности быть разными и девочкам, и мальчикам.

Таким образом, цели, которые ставят перед собой современные педагоги, являются важнейшим критерием в определении модели полоролевой социализации, а содержание педагогического образования представляет собой тот научный контекст, в котором формируются и формулируются подобные цели.

В ФГТ к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования, утвержденной и введенной в действие приказом Минобрнауки РФ от 23.11.2009 г. № 655, в области «Социализация» в числе других поставлена задача формирования у детей гендерной принадлежности. В пункте 3.3.4. «Содержание образовательной области “Социализация”» достижение целей освоения первоначальных представлений социального характера и включения детей в систему социальных отношений предполагается, в частности, посредством решения таких задач, как формирование гендерной, семейной, гражданской принадлежности, патриотических чувств, чувства принадлежности к мировому сообществу [Об утверждении и введении в действие... , 2009].

Насколько мы можем судить, понятие «гендерная принадлежность» в контексте документа приравнивается к понятиям «половая роль» или «гендерная идентичность». Очевидно, что у абсолютного большинства детей сомнения в своей половой принадлежности нет, а вот через какие проявления ее выражать, как себя вести, какими качествами обладать (что, собственно, и подразумевают слова «роль» и «идентичность») — предмет сомнений педагогов.

В 2013 г. был введен Федеральный государственный стандарт дошкольного образования. Методические рекомендации по организации образовательной деятельности дошкольных образовательных организаций в условиях реализации ФГОС ДО, разработанные Московским центром качества образования в 2014 г., поясняют, что в ФГТ особое место уделялось учету гендерной специфики развития детей дошкольного возраста, но во ФГОС данная позиция не фигурирует. Однако раздел образовательной программы может включать в себя различные характеристики, наиболее существенные с точки зрения авторов. Следовательно, гендерная специфика, представленная в содержании большинства программ, может быть изложена и в соответствии с ФГОС ДО [Будже Т. А. и др.: 2014].

Гендерный подход в образовании интерпретируется как индивидуальный подход к проявлению ребенком своей идентичности, что дает в дальнейшем человеку большую свободу выбора и самореализации, помогает быть достаточно гибким и уметь использовать разные возможности поведения [там же]. Таким

образом, впервые в дошкольном образовании корректно дифференцированы понятия «пол» и «гендер».

В то же время значительная часть школ и детских садов сознательно указывает на гендерный подход как основу образовательного процесса и одновременно практикует раздельное по половому признаку обучение (полное или частичное). В начале 2000-х гг. И. С. Кон заявлял, что введение раздельного по полу обучения является неререфлексируемым процессом, осуществляемым под влиянием традиционализма [Кон, 2005]. И сейчас методологические основы этого процесса более четкими и понятными не стали.

Ряд программ дошкольного воспитания четко структурирует пространство дошкольной образовательной организации как для девочек или как для мальчиков с помощью маркеров: шкафчиков для одежды, игровых зон, правил этикета и пр. Например, М. А. Радзивилова указывает ряд программ, нацеленных на формирование гендерной принадлежности («Мир мальчика и девочки» Н. Е. Татаринцевой, «Программа полового воспитания детей дошкольного возраста» Л. В. Коломийченко, «Мальчики и девочки: дифференцированный подход к воспитанию детей старшего дошкольного возраста» И. П. Шелухина и др.), а также собственную методику гендерного воспитания дошкольников, включающую занятия «Мужской и женский этикет», «Поведение мальчиков», «Поведение девочек» и др. [Радзивилова, 2013].

Продолжая стратегию дифференциации обучения по половому признаку уже в школе, Г. Ф. Дульмухаметова полагает, что будут полезны дифференцированные задания девочкам (выполнение заданий по алгоритму при обязательном повторении, закреплении каждого шага обучения) и мальчикам (задания частично поискового характера) [Дульмухаметова, 2011]. Обычно утверждается, что дети при раздельном обучении имеют более высокую успеваемость и мотивацию ввиду меньшей конкуренции между мальчиками и девочками. В то же время учителя отмечали падение уровня дисциплины в гомогенных классах и обострение отношений внутри коллектива, фиксированность на сексуальных темах и навязчивый интерес к представителям противоположного пола [Пурахина, 2012].

Между тем российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что раздельное обучение мальчиков и девочек в школах не приводит к повышению уровня образованности учеников, однако способствует закреплению стереотипов и распространению сексизма. В частности, так считают авторы масштабного исследования «The Pseudoscience of Single-Sex Schooling» («Псевдонаучные основания раздельного по полу обучения»), проведенного в США (см.: [Halpern et al., 2011]).

Таким образом, для определения модели гендерной социализации, реализуемой в образовательной организации, необходим анализ всех компонентов педагогической системы: цели (социально-педагогический идеал, описывающий мальчика или девочку на конкретной ступени образования), содержания образования на его конкретной ступени, системы условий (в том числе содержание подготовки педагогов), форм и методов, применяемых для достижения целей. Представим их в таблице.

Модели полоролевой социализации в образовании

Компонент образовательной системы	Модель	
	традиционная	гендерная
Цель	Развитие нормативной мужественности и женственности, освоение традиционных ролей	Развитие индивидуальности и способностей каждого, сотрудничество детей независимо от половой принадлежности
Содержание	Закрепление поведения, интересов и предпочтений, соответствующих нормативной модели пола	Демонстрация разнообразия ролей и образов мужчин и женщин во всех сферах жизни, ориентация на партнерство
Условия	Опора на полоролевые стереотипы и схемы	Опора на результаты изучения детей, их особенности
Форма	Частично или полностью раздельное по половому признаку образование	Разнообразные формы образования, сочетания совместных, индивидуальных и частично раздельных по половому признаку форм
Методы	Дифференцированные по половому признаку	Подбор образовательных методов и технологий на основе индивидуальных особенностей и предпочтений детей, а также целей педагога
Результаты гендерной социализации	Дифференциация и сегрегация по половому признаку, гендерные конфликты и схематизация	Широкий кругозор и разнообразие перспектив в формировании жизненных стратегий, партнерство и толерантность

Полагаем, что полоролевая социализация в российском образовании (прежде всего на уровне дошкольном и школьном) до сих пор является нерелефлексивным процессом. Для подтверждения этой гипотезы в ноябре 2015 г. на базе Московского городского педагогического университета мы провели пилотажное исследование с помощью метода фокус-группы по проблеме полоролевой социализации в образовании с участием 28 педагогов-практиков школ и детских садов.

Обсуждение показало, что большинство (78 %) педагогов считают, что применяют в работе гендерный подход, причем лишь две организации используют в образовательной программе термины «пол», «гендер» и «гендерный подход». В одном детском саду реализуется парциальная программа по развитию гендерной принадлежности.

На вопрос «Какие цели и задачи по реализации гендерного подхода Вы ставите?» были получены следующие ответы:

— формировать женственность и мужественность, осваивать роли мужчин и женщин (71 %);

— формировать гендерную принадлежность (чтобы знали свой пол и не путали мальчиков и девочек) (43 %);

- прививать правила этикета мальчикам и девочкам (64 %);
- вырабатывать навыки дружного существования, чтобы мальчики и девочки не обижали друг друга, не ссорились, вместе играли (21 %);
- формировать умение выбрать соответствующие полу игры и игрушки (25 %);
- учесть особенности мальчиков и девочек, просвещать родителей по поводу половых особенностей детей (14 %).

На вопрос «Какие гендерные особенности детей Вы знаете и учитываете?» было дано только два ответа: «Девочки более общительны, раньше начинают говорить, у них больше словарный запас», «Мальчики — более физически активны, и для игр им нужно больше места».

Вопрос «Какие методы и приемы Вы используете, реализуя гендерный подход?» позволил получить следующую информацию:

- учим посещать туалет отдельно — мальчиков, отдельно — девочек (младшие дошкольники) (36 %);
- маркируем шкафчики и туалетные комнаты разными символами (82 %);
- рассказываем родителям об особенностях девочек и мальчиков (43 %);
- подбираем игрушки и задания для мальчиков и для девочек (54 %);
- выделяем зоны для игры отдельно для мальчиков (гараж и строительный материал) и девочек (кухня, парикмахерская, игра в семью) (29 %).

С учетом этих ответов очевидно, что превалируют цели и методы традиционной модели полоролевой социализации, направленные на традиционную социализацию детей разного пола, гендерная терминология используется как синоним привычного термина «пол», без нюансов и изменений в содержании образования. Применение гендерной терминологии в образовательных нормативно-правовых документах без соответствующей подготовки педагогов не только не облегчило, но и осложнило понимание проблемы полоролевой социализации, запутав большинство практиков.

Стереотипные представления о мужском и женском предназначении, их жесткое нормирование и противопоставление, гомофобия как следствие стереотипии, введение раздельного обучения мальчиков и девочек, указание на гендерные особенности как базовые и неизменные, риторика возврата к традиционным (в данном понимании — патриархатным) ценностям являются, по своей сути, своеобразной мифологией, обусловленной недостаточным освоением современных теорий полоролевой социализации, в том числе и гендерного подхода в российском образовании.

Безусловно, данные результаты можно рассматривать как предварительные, требующие уточнения на большой выборке, однако проблема модели полоролевой социализации, реализуемой в образовательной организации, зафиксирована и требует рефлексии исследователей, педагогов, администрации и родителей.

Таким образом, образовательные цели, как явные — сформулированные современными педагогами и представленные в образовательных программах, так и имплицитные — выявляемые специальными исследовательскими методами, выступают ключевым критерием в определении модели полоролевой социализации. Наличие раздельной по половому признаку организации образования,

нормативность/вариативность содержания и дифференцированные по полу методы и приемы обучения и воспитания — важнейшие признаки, позволяющие определить реализуемую в образовании модель полоролевой социализации.

Библиографический список

- Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2014. 363 с.
- Бем С. Л. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- Блок Дж. Х. Влияние дифференцированной социализации на развитие личности мужчин и женщин // Практикум по социальной психологии / авт.-сост. Э. Пайнс, К. Маслач. СПб.: Питер, 2001. С. 167—180.
- Будже Т. А., Докукина О. С., Никитина Т. А. Методические рекомендации по организации образовательной деятельности дошкольных образовательных организаций в условиях реализации ФГОС ДО. М.: Московский центр качества образования, 2014. 160 с. URL: <http://mcko.ru/dossh/project/Method%20DOO%20v%20FGOS%20DO.pdf> (дата обращения: 18.11.2015).
- Гафизова Н. Б. Гендерная экспертиза Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 033400 Педагогика (2000 г.) // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 2—7.
- Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / под ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ: Солтекс, 2005. 260 с.
- Дульмухаметова Г. Ф. Педагогические условия половой дифференциации обучения младших школьников: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2011. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-pedagogicheskie-usloviya-polovoy-differentsiatsii-obucheniya-mladshih-shkolnikov#ixzz3WFxANx7y> (дата обращения: 05.11.2015).
- Клецина И. С. Достижения и проблемы развития гендерного направления в отечественной психологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Педагогика и психология. 2010. № 4. С. 120—125.
- Коджастирова Г. М. Педагогика: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 719 с.
- Кон И. С. Совместное и раздельное обучение: научно-теоретические основы. 2005. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Zametki/SovmestnoeObuchenie.htm> (дата обращения: 20.11.2015).
- Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия: справочник. М.: Эксмо, 2007. 522 с.
- Об утверждении и введении в действие федеральных государственных требований к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 ноября 2009 г. № 655 // Российская газета. 2010. № 5125. 5 марта.
- Пурахина О. Раздельное обучение мальчиков и девочек. За и против // Биофайл: электронный научно-практический журнал. 2012. URL: <http://biofile.ru/psy/2240.html> (дата обращения: 16.09.2015).
- Радзивилова М. А. Гендерный подход в воспитании дошкольников в условиях ДОУ // Фундаментальные исследования. 2013. № 4. URL: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000426 (дата обращения: 05.11.2015).

- Рожков М. И., Байбородова Л. В. Организация воспитательного процесса в школе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Владос, 2000. 256 с.
- Рябова Т. Б. Гендерная экспертиза вузовских учебников по педагогике // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 7—18.
- Семёнова Л. Э., Семёнова В. Э. Воспитание современных девочек и мальчиков с позиций гендерного подхода // Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. С. 211—235.
- Штылева Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕР СЭ, 2008. 316 с.
- Штылева Л. В. Детерминанты, этапы и тенденции трансформаций «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогической науке (XVIII — начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 83—89.
- Halpern D. F., Eliot L., Bigler R. S. et al. The pseudoscience of single-sex schooling // *Science*. 2011. Vol. 333, iss. 6050. P. 1706—1707. URL: <http://science.sciencemag.org/content/333/6050/1706> (дата обращения: 17.09.2015).

References

- Andreeva, G. M. (2014) *Sotsial'naiia psikhologiya* [Social Psychology], Moscow: Aspekt Press.
- Bem, S. (2004) *Linzy gendera: transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov* [Gender lenses: Transformation of views on the problem of gender inequality], Moscow: ROSSPEN.
- Blok, D. Kh. (2001) Vliianie differentsirovannoï sotsializatsii na razvitie lichnosti muzhchin i zhenshchin [Influence of differentiated socialization on personality development of men and women], in: Pains, E., Maslach, K. *Praktikum po sotsial'noi psikhologii*, St. Petersburg: Piter, pp. 167—180.
- Budzhe, T. A., Dokukina, O. S., Nikitina, T. A. (2014) Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii obrazovatel'noi deiatel'nosti doshkol'nykh obrazovatel'nykh organizatsii v usloviakh realizatsii FGOS DO [Guidelines on the organization of educational activities of pre-school educational organizations in the implementation of the Federal State Educational Standard of the pre-school education], Moscow: Moskovskii tsentr kachestva obrazovaniia, available from <http://mcko.ru/dossh/project/Method%20DOO%20v%20FGOS%20DO.pdf> (accessed 18.11.2015).
- Dul'mukhametova, G. F. (2011) Pedagogicheskie usloviia polovoï differentsiatsii obucheniia mladshikh shkol'nikov: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Pedagogical conditions of the sexual differentiation of training of elementary schoolboy's: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Kazan'.
- Gafizova, N. B. (2005) Gendernaia èkspertiza Gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniia po spetsial'nosti 033400 Pedagogika (2000 g.) [Gender expertise of the educational standard of higher professional education in the specialty "Pedagogics" 033400 (2000)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 2—7.
- Halpern, D. F., Eliot, L., Bigler, R. S. et al. (2011) The pseudoscience of single-sex schooling, *Science*, vol. 333, iss. 6050, pp. 1706—1707, available from <http://science.sciencemag.org/content/333/6050/1706> (accessed 17.09.2015).
- Kletsina, I. S. (2010) Dostizheniia i problemy razvitiia gendernogo napravleniia v otechestvennoi psikhologii [Achievements and problems of gender mainstreaming in the Russian Psychology], *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, seriia Pedagogika i psikhologiya, no. 4, pp. 120—125.

- Kodzhaspirova, G. M. (2015) *Pedagogika* [Pedagogics], Moscow: Iuraït.
- Kon, I. S. (2005) *Sovmestnoe i razdel'noe obuchenie: nauchno-teoreticheskie osnovy* [Joint and separate education: scientific and theoretical foundations], available from <http://www.pseudology.org/Kon/Zametki/SovmestnoeObuchenie.htm> (accessed 20.11.2015).
- Malkina-Pykh, I. G. (2007) *Gendernaia terapiia: spravochnik* [Gender therapy: compedium], Moscow: Èksmo.
- Purakhina, O. (2012) Razdel'noe obuchenie mal'chikov i devochek. Za i protiv [Separate education for boys and girls. Pro et contra], *Biofaïl*, available from <http://biofile.ru/psy/2240.html> (accessed 16.09.2015).
- Radzivilova, M. A. (2013) Gendernyi podkhod v vospitanii doshkol'nikov v usloviakh DOU [The gender approach in the education of pre-school children], *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 4, available from http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000426 (accessed 05.11.2015).
- Riabova, T. B. (2005) Gendernaia ekspertiza vuzovskikh uchebnikov po pedagogike [Gender expertise of university textbooks on Pedagogics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 7—18.
- Rozhkov, M. I., Baïborodova, L. V. (2000) *Organizatsiia vospitatel'nogo protsessa v shkole* [The organization of educational process at school], Moscow: Vlados.
- Semënova, L. È., Semënova, V. È. (2009) Vospitanie sovremennykh devochek i mal'chikov s pozitsii gendernogo podkhoda, in: Kletsina, I. S. (ed.), *Praktikum po gendernoï psikhologii*, St. Petersburg: Piter, pp. 211—235.
- Shtyleva, L. V. (2008) Faktor pola v obrazovanii: gendernyi podkhod i analiz [The sex factor in education: gender approach and analyze], Moscow: PER SÈ.
- Shtyleva, L. V. (2012) Determinanty, ètapy i tendentsii transformatsii "voprosa pola" v otechestvennom obrazovanii i pedagogicheskoi nauke (XVIII — nachalo XX v.) [Determinants, stages and trends of transformations "gender issues" in the Russian education and pedagogical science (XVIII — beginning of XX c.)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 83—89.
- Voronina, O. A. (ed.) (2005) *Gendernaia ekspertiza uchebnikov dlia vyssheï shkoly* [Gender expertise of manuals for higher school], Moscow: MTSGI, Solteks.

Статья поступила 16.12.2015 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 60.542.21

В. Ю. Смирнова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОЗРАСТА В ЖУРНАЛЕ «РАБОТНИЦА» В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 92 — 102

Рассматривается процесс изменения конструирования и репрезентации возрастных категорий в журнале «Работница» в советский период. Возраст анализируется как социально детерминированный конструкт, использование которого следует учитывать при изучении властного дискурса. Выявляются периоды, для которых были характерны разные виды возрастного дискурса.

Ключевые слова: возраст, гендер, женский журнал, советская пресса.

V. Yu. Smirnova. Construction of age in the magazine “Rabotnitsa” during the Soviet time

The paper deals with the construction of age in the magazine “Rabotnitsa” during the Soviet time. In social context age is especially significant for women, because it has an impact on their lives more than on men’s lives; that is why a magazine for women is under scrutiny in this research. Moreover, it is important to consider how this discourse about age changed during the Soviet time in order to understand contemporary situation with woman aging better. It is worth mentioning that age is a socially determined construct, which should be considered as other social categories like gender in order to create a complex overview of power discourse. During this period of time age was represented by three different types of categories: political, structural and corporal. The way of representation was strongly connected with political regime and economic, cultural and social situation in the country. Youth was the key-concept in all periods. Nevertheless, methods which can help to preserve it ranged from acquisition of literacy and active participation in public life to usage of special corporal anti-age practices and cosmetic procedures.

Key words: age, gender, female magazine, the Soviet press.

© Смирнова В. Ю., 2016

Статья подготовлена в рамках научного исследования «Возраст в работе: конструирование возраста девушками и молодыми женщинами» при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (грант № 14-05-0054).

Смирнова Валентина Юрьевна — студентка департамента истории, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия, vyusmirnova@gmail.com (a student of History Department, St. Petersburg Branch of National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia).

Вопрос конструирования возраста в исторической науке был поднят еще представителем третьего поколения школы «Анналов» Ф. Арьесом [Арьес, 1999]. Тем не менее за рамками рассмотрения на протяжении долгого времени оставались женщины, темнокожие мужчины, исключенные группы населения, в частности бедное и деклассированное [Feinson, 1985]. Однако, несмотря на очевидную ограниченность, сами исследования внесли существенный вклад в дебиологизацию человеческой жизни, продвигая ключевой тезис о возрасте как социальном конструкте и возрастных этапах жизни человека как исторически обусловленных и изменчивых [Арьес, 1999; Feinson, 1985; Rishoi, 2003; Bothelho, 2014; Campbell, 2015].

Значения, которыми наделяются возрастные категории, задаются языком публичной власти, так как «обязательным условием всякой власти является ее выражение в языке, а политика есть не что иное, как кодифицированные знаки, развертываемые при помощи акта высказывания». Кроме того, важно рассматривать «язык как средство осуществления социальной власти, средство формирования (а не выражения!) мировоззрения» [Лассан, 1995: 6]. В данном контексте следует учитывать, что «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется» [Фуко, 1996: 51]. Это также свидетельствует об изменчивости дискурса в связи со сменой социально-политических и культурных условий общественной жизни. Таким образом, можно говорить о существовании определенного генезиса возрастного дискурса.

Процесс взросления девушек, их гендерной социализации строго контролируется и дисциплинируется со стороны дискурсов и окружения. В фокусе особого внимания оказывается женское тело, которое преимущественно репрезентируется как наиболее подверженное возрастным изменениям. Это приводит к тому, что возраст для женщин становится важной категорией, которая способна оказывать существенное влияние на их жизнь [Sontag, 1972; Levy, 1988]. Современный возрастной дискурс в России нельзя рассматривать в отрыве от исторической перспективы, поэтому важно учитывать те изменения в публичной риторике, которые происходили с ним в различные периоды, особенно на этапах, связанных с серьезными трансформациями социально-экономического уклада и культурными преобразованиями. В этом смысле особый интерес может представлять дискурсивное производство женского возраста в советское время.

В качестве источника для анализа выбран журнал «Работница», выходящий с 1914 г., целевую аудиторию которого составляли городские женщины. По словам В. В. Смеюхи, «массовый женский общественно-политический журнал при определенных политических и экономических условиях является эффективным средством изменения психологии, поведения женских масс, их объединения в производственные коллективы, координации труда и бытовой деятельности, замены личных интересов общегосударственными» [Смеюха, 2012: 55]. Важно отметить, что журнал центральной печати «Работница» можно рассматривать в качестве значимого пространства производства и воспроизводства дискурсов, в том числе и касающихся возраста.

Для релевантного анализа конструирования возрастных категорий в контексте дискурса журнала, чтобы избежать изначальной предзаданности, выбрана

не стандартная периодизация существования Советского Союза, а методология, позволяющая проследить развитие дискурса за все время издания журнала в советское время. Были отобраны журналы каждого пятого года их выхода, начиная с первого выпуска. Количество выпусков на протяжении всего периода варьировалось от 12 до 48 в год, поэтому был взят каждый третий журнал за исследуемый год. В результате эмпирическую базу составили 92 выпуска за 15 лет.

Анализ эмпирического материала показал, что в дискурсе журнала «Работница» можно выделить три периода, по-разному репрезентирующих возрастные категории. Первый из них начинается после революции 1917 г. и продолжается вплоть до 1960-х гг. Характерной чертой этого длинного этапа является то, что возраст предстает в первую очередь как политическая категория, в то же время телесный возраст фактически аннулируется. Во второй период, который длится на протяжении 1960—1980-х гг., возраст становится скорее структурной категорией, позволяющей разграничить жизненный цикл на определенные этапы и обозначить соответствующие им предписания. В течение третьего периода — 1980—1990-е гг. вплоть до развала Советского Союза — возраст производится как телесная категория.

Каждый из выделенных этапов является относительно однородным в плане конструирования возрастных категорий. При этом некоторые темы одного этапа переходят в другие периоды, но в целом образы, репрезентируемые журналом, сохраняют свою специфичность.

1917—1960-е гг.: «Так бы хотела я молодой быть, чтобы поработать побольше для нашей советской родины!»

Первый этап в конструировании возраста особый. Несмотря на то что этот период неоднороден с точки зрения политических, социальных и культурных изменений, дискурсивно он довольно гомогенен. Заданные в первые годы советской власти способы говорения укрепляются и воспроизводятся на всем его протяжении.

Ключевой категорией этого периода является молодость, вокруг которой выстраивается весь возрастной дискурс. Молодость страны тесно связывается и переплетается с молодостью населения, проживающего в ней. В то же время возраст — это не категория, отражающая количество прожитых лет, а набор определенных характеристик, которыми могут обладать люди вне зависимости от возраста.

В материалах «Работницы» речь идет в первую очередь об энергии: *Лениной 22 года. У Лениной — заводные ноги, светлая голова, огонек внутри и страстное, неудержимое желание работать**. Важным акцентом при создании образа становится подчеркивание неутолимого стремления к развитию, энергичности и потенциала, и все это чаще всего демонстрируется в рамках трудовой активности. Так пишут о «молодых коммунистках» (1924, № 7, с. 13), «молодом шахтере» (1924, № 13/14, с. 15), «старой ткачихе» (1929, № 7, с. 6). Про молодежь здесь говорят в контексте ее значения для страны: *Молодежь — наша*

* Работница. 1929. № 7. С. 6. Далее ссылки на журнал приводятся в тексте в круглых скобках с указанием года, номера и страниц.

будущность, наша надежда, товарищи, — указывает товарищ Сталин. — Она должна донести наше знамя до победного конца (1949, № 4, с. 5). Кроме того, именно молодежь обладает нужными качествами, чтобы быть готовой к новым свершениям на благо родины: *Советская молодежь самоотверженно борется за построение коммунистического общества* (там же).

Хронологический возраст индивидов в большинстве случаев фигурирует в контексте трудового стажа. Особенно часто приводятся биографические сведения о работниках или (чаще) работницах, в которых возраст упоминается именно для того, чтобы показать трудовой стаж: *М. А. Хайдукова наша муромская работница. Сейчас ей уже 38 лет. С 7 лет работает она по найму: сначала нянкой, затем по фабрикам* (1924, № 16, с. 12). Таким образом, можно заметить апелляцию к возрасту-стажу, которая дает возможность подчеркнуть опытность работницы.

Появляется много историй, в которых женщины жалуются на несоответствие своего физического возраста внутреннему. Несмотря на пожилой возраст, им всем хочется продолжить активную жизнь и работу: *Мне 83 года, а я хочу подольше пожить, чтоб самой увидеть, как выполнится все то, что решили на съезде большевики. Так бы хотела я молодой быть, чтобы поработать побольше для нашей советской родины!* (1939, № 13, с. 18). Но если уже нет возможности реализовывать свой трудовой потенциал, можно посвятить себя делам партии: *Уж не столько мне жить, как я жила (70 лет мне без 3 годов будет), а как узнала я, что закатилось наше ясное солнышко, Владимир Ильич, пришла я на собрание, на завод (раньше я там работала, когда силы-то были), и говорю: «Товарищи, можете меня принять в партию? Хочу идти по дороге Ильича, всех он нас собрал, вел тайным подземным путем в светлую жизнь»* (1924, № 7, с. 14). Тем не менее пожилые женщины осознают, что их телесный возраст все же вносит определенные ограничения в их жизнь, но им особенно важно, что перед смертью они вступили в коммунистическую партию: *Осознала, — говорит 60-летняя ленинка, — революцию. Поняла, что значит большевик. Хоть на старости лет, потому раньше темна была, неграмотна. Теперь советская власть озарила... Умру коммунисткой* (1924, № 22, с. 15).

Несмотря на то что основная ставка делается на молодость и старшее поколение испытывает некие трудности с легитимацией своего возрастного статуса, в выпусках «Работницы» артикулируются способы возвращения к состоянию молодости. Сама революция 1917 г. репрезентируется как новое рождение, новая точка отсчета возраста, дающая людям возможность заново начать свой биографический проект. На страницах журнала появляется множество историй о том, как после революции женщины, которых авторы уже не могут назвать юными, начинают новую жизнь. В качестве примера можно привести историю о тверских торфяницах: *В ликпункте на Кулицком поле работали старые 45-летние торфяницы, которые аккуратно начали посещать ликпункт. При проверке по окончании занятий ликпункта эти пожилые работницы отвечали лучше, чем молодые... На торжественном заседании, в день выпуска, одна из них, тов. Шкетова, говорила: «Вот мне сейчас 45 лет, и надо сказать, что я только что начинаю жить. Раньше я ходила впотьмах, не видя ничего, теперь, когда выучилась читать и писать, я смело могу сказать, что я начинаю жить по-настоящему, так, как живут все грамотные люди»* (там же, с. 10).

В этом контексте очень примечателен случай пролетарской писательницы Е. Новиковой (Г. Виланд), которая родилась еще при крепостном праве и с 12 лет работала на фабрике. В ее биографическом нарративе жизнь делится на «до» и «после». Революция становится своего рода отправной точкой для ее новой жизни: *Я решила учиться писать. В 1924 году меня перевели на пенсию. Времени учиться было достаточно: я взяла из библиотеки грамматику и училась по ней грамотно писать. Тогда мне было 63 года... Теперь мне 74 года, и меня называют пролетарской писательницей... Я счастливейшая женщина, вновь родившаяся с Октябрьской революцией* (1934, № 13, с. 9). Корреспондент же отмечает: *Ее можно было принять за шестидесятилетнюю, и я удивилась, узнав, что ей 74 года* (там же). Таким образом, овладение грамотой, трудовая деятельность, а также активное участие в общественной и партийной жизни репрезентировались как своеобразные пути к возвращению молодости.

Интересно, что к концу этого периода появляется категория зрелости: *Советская страна вступает в сорок третий год своего существования, переживая пору великолепной зрелости...* (1959, № 10, с. 2). В данном контексте важно, что зрелость является своеобразной точкой пересечения молодости и старости: *Молодости свойственна острота глаза, а зрелости — глубина познаний!.. Молодости свойственна крепость рук, зрелости — трезвость расчета* (там же, с. 3). Но взаимодействие молодости и старости проявляется и в более конкретных примерах: *Екатерина Степановна Пастухова — немолодая уже работница, награжденная медалью «За трудовое отличие», терпеливая и добрая наставница новичков. Светлана Серова — совсем еще юная, высокая и темнобровая; закончила она среднюю школу и пришла на строительство, стала штукатуром... Разные они люди, каждый с особенкой, со своей статью. Но все они люди одного чекана — советского* (1959, № 4, с. 8). В этом контексте зрелость выступает в роли уравновешивающего элемента, с помощью которого можно сочетать энергию и работоспособность молодости и мудрость старости.

Таким образом, в данный период возраст конструируется в большей мере как политическая категория, чем телесная. Ключевым агентом и субъектом новой страны мыслится молодое поколение. При этом остальные могут быть включены в категорию молодых через определенные практики (или техники) рождения нового человека: овладение грамотой, вступление в колхоз и т. д. Важным оказывается не фактический возраст, а внутреннее ощущение бодрости и задора, которое можно направить на благо родины. Возраст как некая фиксация количества лет используется в основном при подчеркивании рабочего стажа или демонстрации возможностей советского человека для преодоления любых ограничений, в том числе и возрастных, через приобщение к энергии преобразования «старого мира».

1960—1980-е гг.: «Последите за собой, пожалуйста!»

Период 1960—1980-х гг. ознаменован существенной трансформацией советского общества. Будучи переходным, он сочетает в себе черты предыдущего этапа и последующего. Характерным для него является то, что, с одной стороны, возраст продолжает выступать в роли политической категории: молодость описывается как будущее: *И прежде всего Ленин — в грандиозных планах Партии,*

в той светлой цели, которая год за годом молодит человечество, распахнувшее объятия коммунизму (1974, № 1, с. 2), но с другой стороны, он становится элементом, структурирующим биографическую траекторию индивидов, создающим определенные жизненные этапы. Ценность молодости начинает измеряться не только присущей ей энергией, но и физической привлекательностью: *Сухопарая, увядающая Люба поглядывала на нее с кроткой завистью доброй старой девы и, не выдержав, сказала: «Счастливая вы, Людмила Николаевна! И красота у вас, и молодость... Приедете сейчас домой, а там любовь... Муж такой чудный...»* (там же, с. 7).

Категории возраста начинают функционировать как границы жизненных этапов, которые различаются телесно. Так, в редакцию поступило письмо от двух девушек, спрашивающих, могут ли они считать себя взрослыми после начала менструации. В полученном ими ответе (*О «зрелости», пусть только физической, говорить вам, девочки, рано. Считайте себя взрослыми лишь наполовину*; 1969, № 4, с. 21) существует четкое разграничение между взрослым и детским, характеристики которых строго определены. Таким образом, появляется периодизация жизненного цикла в зависимости от биологического развития организма. Кроме того, возраст в целом начинает описываться через физические характеристики: *...усталость на лице женщины, морщинки* (1964, № 1, с. 10).

В связи с этим происходит формирование предписаний относительно правильной телесности на каждом из возрастных этапов. Первый вид таких предписаний касается одежды и связанных с ней практик. В специально отведенной этой теме рубрике непременно фигурирует упоминание возраста и советы, как лучше с ним справиться: *В моделях спортивного характера и молодежных хорошо смотрелись различные красные цвета — от светлого до свекольно-красного. Для более старшего возраста было несколько предложений в мягком синем цвете* (1964, № 7, с. 32).

Кроме того, авторы начинают выделять магазины, где женщины могут приобрести одежду по возрастному признаку: *Молодежная одежда, купленная в магазинах фирмы «Юниор», как правило, экстрамодна, но технологически несколько упрощена, сшита из дешевых тканей. Поэтому она и недорога, доступна студентам, молодым рабочим, начинающим специалистам. Кстати, об одной, очень привлекательной психологической черте польской девушки. Она не стремится одеваться дорого, она боится выглядеть взрослой дамой... В магазинах фирмы женской одежды «Мода польска» вещь модного силуэта появится чуть позже, но в лучшем исполнении: с тщательной проработкой деталей, из добротных тканей. Женщина со зрелым вкусом (в более зрелом возрасте, со сложившимся материальным достатком) наверняка предпочтет одеваться здесь* (1974, № 7, с. 29). Получается, что авторы четко делят возрастные этапы и соответствующие им практики, приписывая каждому возрасту определенную модель поведения.

Другой вид предписаний касается телесных практик, которые должны использоваться женщиной для поддержания молодости. Появляется раздел «Последите за собой, пожалуйста», в котором женщин постарше информировали о том, как, например, ухаживать за шеей, чтобы она не выдавала возраст (1969, № 1, с. 32). А женщин помоложе ограничивали в использовании техник

для взрослых: *Следуя последней моде, она подкрашивала уголки глаз, начесывала волосы, носила короткие юбки. По деревенским понятиям, она была совсем никудышной девкой, свистулькой, с ножками тонкими, как у барашка, и с талией без всякого обхвата, словно черенок от вил. Отец не понимал такой красоты: шестнадцатилетние девочки замазывали свое естество, лишь бы подальше от своей истинной прелести, данной от рождения природой* (1969, № 7, с. 10).

Границы между возрастными этапами представляются довольно четко, а любое их нарушение проблематизируется. Появившаяся новая категория «моложавость» (1974, № 1, с. 12) как раз и подчеркивает, что стремление к вечной советской молодости допустимо только в определенных рамках, без грубого нарушения границ: *...то, что хорошо в 17 лет, сомнительно в 40* (1969, № 1, с. 31).

Таким образом, на протяжении данного периода возраст репрезентируется как структурная категория, фиксирующая жизненные этапы и помогающая создать определенные предписания.

1980—1990-е гг.: «Как стать красивой: возраст — не по паспорту»

Смена политической и культурной парадигмы в 1980—1990-х гг. привела к появлению принципиально нового понимания возраста как телесной и приватной характеристики, несмотря на то что в этот период также можно проследить некоторые тренды предыдущих этапов. Теперь особенной ценностью наделяется телесная молодость, которую стремятся сохранить и продлить. Причем все положительные характеристики приписываются именно молодости, старость же всячески стигматизируется, и ее стараются избежать.

В публикациях «Работницы» это проявляется в интенсификации рекомендаций, направленных на предотвращение старения в рамках повседневной жизни. Во-первых, антивозрастные инструкции ориентированы на контроль над телесными движениями, мимикой и т. п. Например, авторы пишут о необходимости следования определенным правилам на лыжне: *В ясный, солнечный день, собираясь на прогулку, не забудьте темные очки: снег на солнце блестит нестерпимо, вы поневоле будете щуриться, это не на пользу глазам, да и морщины появятся* (1984, № 1, прил., с. 3).

Во-вторых, в данных инструкциях говорят о средствах, способных вернуть молодость или как-то скрыть возрастные изменения: *Не выходить на улицу, не приведя себя в порядок. Не все женщины пользуются декоративной косметикой. Но зимой мы бледны, часто выглядим усталыми. Немного губной помады, пудры, краски для ресниц никому еще не повредили! Тем более если вам уже за тридцать... Стараться всегда быть привлекательной. В этом случае возраст не имеет значения — ведь очарование не стареет!* (там же, с. 2). А в статьях «Как стать молодой» (1989, № 4, прил., с. 5) и «Как стать красивой: возраст — не по паспорту» (1989, № 10, прил., с. 4) женщины могли узнать, как поддержать молодость с помощью специальных масок.

Одежда также способна помочь вернуть ушедший возраст: *Этот плащ могут носить женщины и младшего, и среднего возраста. Но особенно настоятельно мы рекомендуем его тем, кому 40 лет, — он вернет вам ощущение молодости* (там же, с. 1).

Телесный возраст все больше рассматривается как бинарная категория «молодость/старость». Это особенно заметно в частных нарративах читательниц журнала. Так, в одной из статей девушка рассказывает, что ей «скоро 28 лет, проходит молодость, лучшие годы жизни». Она боится стать «злой старой девой» (1984, № 7, с. 19). Тем не менее возрасту чаще приписываются специфические особенности, касающиеся именно телесности. Так, предполагается, что пожилая женщина с большей вероятностью будет полнее юной, поэтому авторы советуют подумать, соответствует ли выбору возраст и фигура (1989, № 1, прил., с. 1). Подобная радикализация взгляда на телесный возраст способствует формированию более четкого противопоставления желанной молодости и пугающей старости, которой стараются избежать.

Заключение

Анализ конструирования и репрезентации возраста в советском женском журнале позволяет рассмотреть генезис изменения отношения к индивиду в целом. Возраст в этом случае является одним из маркеров, посредством которых конструируется социальная повседневность.

Почти полное аннулирование телесного возраста в первый период может быть объяснено тем, что уже с 1930-х гг., по словам И. С. Кона, начинается отказ от телесности, так как «человек, лишенный конкретной индивидуальности и низведенный до своей “социальной сущности”, в материальном теле вообще не нуждается» [Кон, 2010: 241]. Кроме того, начинается активная борьба с индивидуализмом. В 1936 г. был введен запрет на аборт, материнство объявлено «не только биологической, но и общественной, государственной функцией» [там же: 260]. Таким образом, тело, а также возраст становятся делом государства, а значит, различные манипуляции с возрастом могут быть произведены только с его подачи. Поэтому и помолодеть, т. е. обрести наиболее привлекательный возраст с точки зрения советской пропаганды, можно было только путем активного взаимодействия с государством (обретение грамотности, включение в трудовую деятельность на его благо или в активную общественную деятельность).

Другим важным фактором была культурная революция 1928—1931 гг., которая ознаменовалась политической конфронтацией «пролетарских» коммунистов и «буржуазной» интеллигенции [Вихавайнен, 2004: 200]. Основной целью культурной революции было заставить науку и искусство работать на благо партии, подчиниться марксистской идеологии, а также ликвидировать безграмотность, провести реформу образовательной системы в целом. Неудивительно, что и такая категория, как возраст, была поставлена на службу партии.

Неслучаен и упор на молодость. Кроме того что молодежи в целом уделялось довольно много внимания как будущему страны, была и другая причина. По словам Т. Вихавайнена, в период НЭПа значительная часть населения страны не поддерживала большевиков, но, будучи у власти и имея аппарат принуждения, они решили сделать ставку на молодежь, которая «уже не помнила капиталистического общества» [там же: 167].

«В хрущевское десятилетие с особой настойчивостью реализовывалась политика децентрализации управления», — пишут И. С. Ратьковский и М. В. Ходяков [Ратьковский, Ходяков, 2001: 234]. «Децентрализацию» можно

заметить и в отношении к формированию возрастного дискурса. Теперь возраст — это не только прерогатива государства. Его репрезентация и управление им обсуждаются не только в контексте полезности для государственной деятельности. Кроме того, во время хрущевской «оттепели» наряду с демократизацией общественной жизни в целом «тенденция к автономизации и индивидуализации личной жизни стала особенно явной» [Кон, 2010: 284]. П. Вайль и А. Генис отмечают, что во время Пражской весны «коммунизм обзавелся человеческим лицом, когда дал лицу — личности — высказаться» [Вайль, Генис, 1998: 312]. Вполне логично, что на фоне этой тенденции возраст стал чем-то менее коллективным и начал использоваться в роли структурирующего фактора именно индивидуального биографического нарратива.

Появление четко разграниченных возрастных этапов, нарушение которых было проблематизировано, также вписывается в общие тенденции. По словам И. С. Кона, в этот период «командно-административные методы управления, наложившись на старые традиции общинной жизни, главным правилом которой было не выделяться, глубоко пропитали общественное сознание, включая и его представления о моде». Мода превратилась, пишет он, в «своего рода обязательную униформу: надо одеваться, говорить и действовать, “как все”» [Кон, 2010: 249]. Таким образом, мода помогала людям встраивать свой биографический нарратив в общую возрастную схему, каждый этап которой предполагал соответствующие практики, а переход из одной группы в другую был крайне затруднен и не приветствовался.

«Гласность радикально изменила социально-психологический климат в стране. Внешние рамки и формы социального контроля рухнули», — отмечает И. С. Кон [Кон, 2010: 321]. Неудивительно, что и отношение к возрасту тоже изменилось. Возраст становится исключительно приватным, а его репрезентация чаще всего связана с телом, о котором теперь можно говорить в любых контекстах. Кроме того, сохранение и поддержание телесной молодости считается особенно важным. Другие возрастные этапы также рассматриваются, но в качестве наиболее желаемого видится лишь молодость, которую стремятся всячески сохранить и продлить. Появляется активная anti-age пропаганда, способствующая стигматизации женщин, не обладающих специфическими телесными характеристиками, присущими молодости.

Таким образом, рассмотрение конструирования возраста на протяжении времени позволяет говорить о том, что возраст действительно является социально детерминированным конструктом, использование которого следует учитывать при изучении властного дискурса. Возраст, как и любой другой значимый компонент социально-культурного статуса человека, применяется властью в целях решения тех задач, которые формулируются в контексте дискурса как определяющие. В частности, в случае советского дискурса — в целях повышения трудовой мобильности, преданности идеологической цели и лояльности к ней. Кроме того, возраст может являться важным инструментом фиксации социального неравенства, который используется для закрепления границ возрастных этапов, сведения возраста исключительно к его биологической сущности.

Библиографический список

- Ар'ес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1999. 416 с.
- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 368 с.
- Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Коло, 2004. 416 с.
- Кон И. С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 608 с.
- Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. 232 с.
- Ратковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. СПб.: Лань, 2001. 414 с.
- Смеюха В. В. Женские журналы СССР в 1945—1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 55—67.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 446 с.
- Botelho L. Age and history as categories for analysis: refiguring old age // *Age, Culture, Humanities: an Interdisciplinary Journal*. 2014. Iss. 1. URL: <http://ageculturehumanities.org/WP/age-and-history-as-categories-of-analysis-refiguring-old-age/> (дата обращения: 03.11.2015).
- Campbell E. J. *Old Women and Art in the Early Modern Italian Domestic Interior*. Victoria (Canada): University of Victoria, 2015. 216 p.
- Feinson M. C. Where are the women in the history of aging? // *Social Science History*. 1985. Vol. 9, № 4. P. 429—452.
- Levy J. A. Intersections of gender and aging // *The Sociological Quarterly*. 1988. № 29. P. 479—486.
- Rishoi C. *From Girl to Woman: American Women's Coming-of-Age Narratives*. Albany: State University of New York, 2003. 202 p.
- Sontag S. The double standard of aging // *The Saturday Review*. 1972. 23rd September. P. 29—38.

References

- Ar'es, F. (1999) *Rebēnok i semeĭnaia zhizn' pri starom poriadke* [Child and family life in the days of the old regime], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Botelho, L. (2014) Age and history as categories for analysis: refiguring old age, *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, iss. 1, available from <http://www.ageculturehumanities.org/WP/age-and-history-as-categories-of-analysis-refiguring-old-age/> (accessed 03.11.2015).
- Campbell, E. J. (2015) *Old Women and Art in the Early Modern Italian Domestic Interior*, Victoria (Canada): University of Victoria.
- Feinson, M. C. (1985) Where are the women in the history of aging, *Social Science History*, vol. 9, no. 4, pp. 429—452.
- Fuco, M. (1996) *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: On the other side of knowledge, power and sexuality], Moscow: Kastal'.
- Kon, I. (2010) *Klubnichka na berēzke: Seksual'naia kul'tura v Rossii* [Strawberries in the birches: Sexual culture in Russia], Moscow: Vremia.
- Lassan, Ė. (1995) *Diskurs vlasti i inakomyслиia v SSSR: kognitivno-ritoricheskiĭ analiz* [The discourse of power and dissent in the USSR: cognitive-rhetorical analysis], Vil'nius: Izdatel'stvo Vil'niusskogo universiteta.

-
- Levy, J. A. (1988) Intersections of gender and aging, *The Sociological Quarterly*, no. 29, pp. 479—486.
- Rat'kovskii, I. S., Khodiakov, M. V. (2001) *Istoriia Sovetskoi Rossii* [The history of Soviet Russia], St. Petersburg: Lan'.
- Rishoi, C. (2003) *From Girl to Woman: American Women's Coming-of-Age Narratives*, Albany: State University of New York.
- Smeiukha, V. V. (2012) Zhenskie zhurnaly SSSR v 1945—1991 gg.: tipologiya, problematika, obraznaia transformatsiia [Women's magazines in USSR in 1945—1991: typology, problematics, transformation of images], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 55—67.
- Sontag, S. (1972) The double standard of aging, *The Saturday Review*, 23rd September, pp. 29—38.
- Vaïl', P., Genis, A. (1998) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The sixties. The world of the Soviet man], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vikhavainen, T. (2004) *Vnutrennii vrag: Bor'ba s meshchanstvom kak moral'naia missiia russkoi intelligentsii* [Inner adversary: The struggle against philistinism as the moral mission of the Russian intelligentsia], St. Petersburg: Kolo.

Статья поступила 07.12.2015 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвигание гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее, а следовательно, объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г.** Гендерная политология в России:
достижения, проблемы и перспективы 3
- Айвазова С. Г.** Гендерный ракурс массовой политики 24

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Радина Н. К., Ким Н. В., Поршнев А. В.** Гендерные аспекты социальной
интегрированности жителей провинциальных городов в контексте
развития территории (Сравнительный анализ 2002—2014 гг.) 35
- Колобова А. Е.** Женщины-предпринимательницы среднего и старшего
возраста: штрихи к портрету 51
- Сизова И. Л., Кладова Н. В., Хусяинов Т. М.** Поствузовские стратегии
выпускников классического университета: гендерный аспект 60

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

- Ермилова А. В.** Жизнь после развода родителей в восприятии детей:
социологический анализ 69
- Ключко О. И.** Модели полоролевой социализации в российском
образовании 80

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Смирнова В. Ю.** Конструирование возраста в журнале «Работница»
в советское время 92
- Информация для авторов* 103

CONTENTS

POLITOLOGY

GENDER POLITOLOGY

- Riabova T. B., Ovcharova O. G.** Gender Studies in Russian
Political Sciences: current status, problems, and prospects 3
- Aivazova S. G.** Gender aspect of mass policy 24

SOCIOLOGY

GENDER ASPECTS OF ECONOMICS AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Radina N. K., Kim N. V., Porshnev A. V.** Gender aspects of provincial
city-dwellers' integration in the context of territory development
(Comparative analysis of the period between 2002—2014) 35
- Kolobova A. E.** Middle and senior age businesswomen: traits to the portrait 51
- Sizova I. L., Kladova N. V., Khusiainov T. M.** Postgraduate strategies
of classical university graduates: the gender aspect 60

GENDER SOCIALIZATION

- Ermilova A. V.** The perception of children's life after the divorce:
a sociological analysis 69
- Kluchko O. I.** Models of sex-role socialization in Russian education 80

HISTORY AND ARCHEOLOGY

GENDER HISTORY

- Smirnova V. Iu.** Construction of age in the magazine "Rabotnitsa" during
the Soviet time 92

- Information for the authors* 103

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (78) — 2016

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 11.03.2016 г. Формат 70 x 108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 95. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ОГБПОУ «Ивановский энергетический колледж»

153025 Иваново, ул. Ермака, 41 ☎ (4932) 37-52-44

Адрес в Интернете: www.tip1.ru